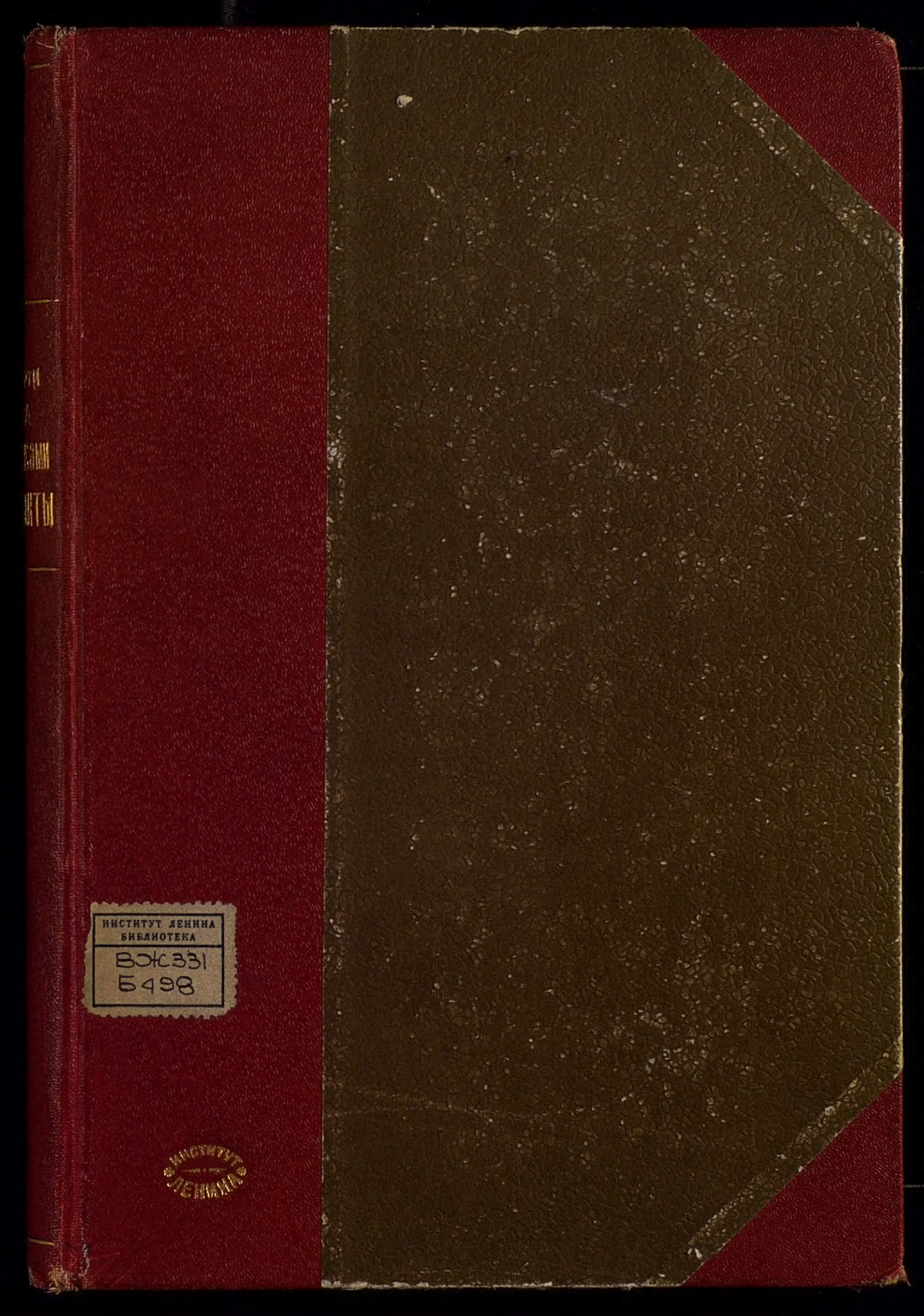
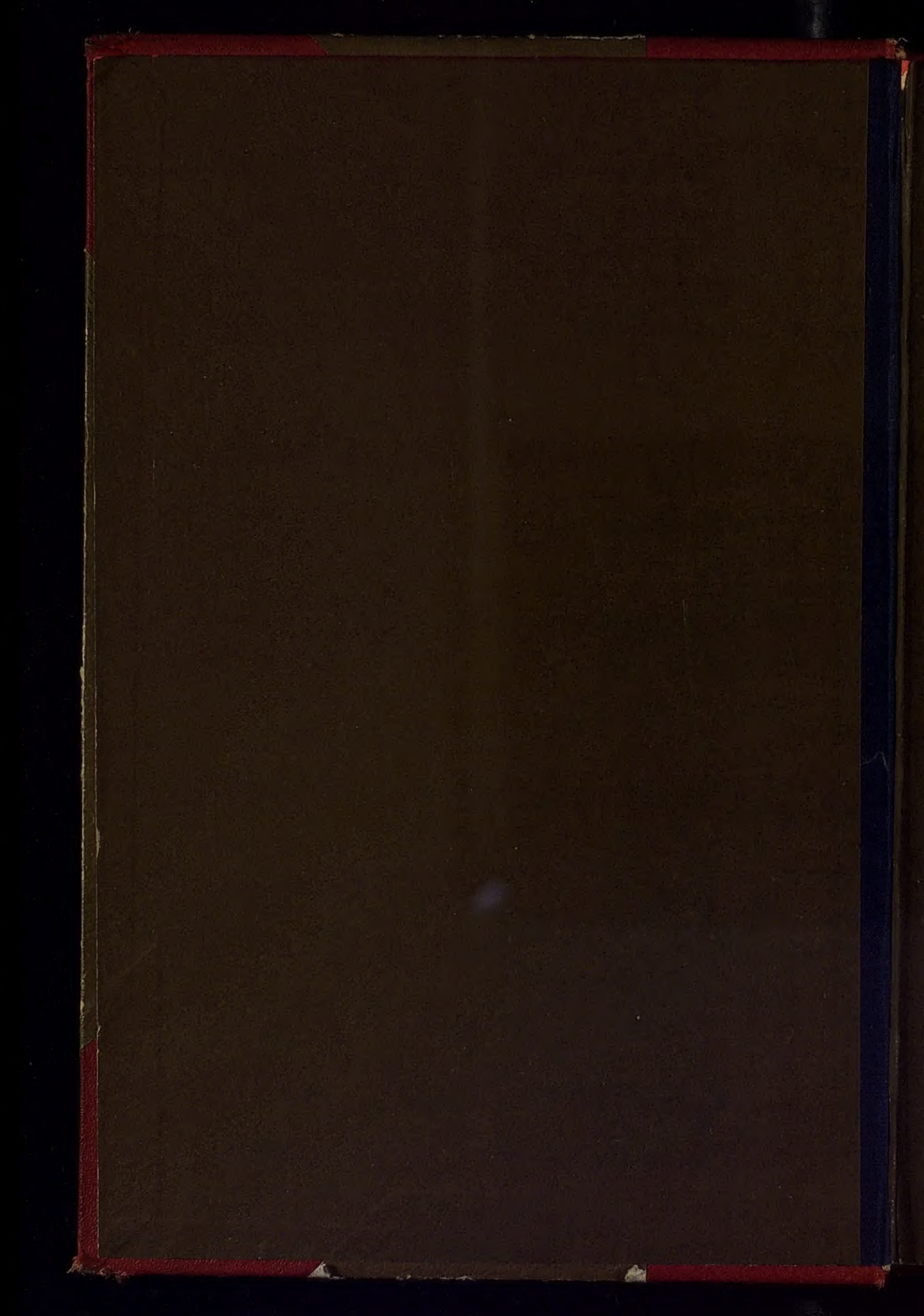

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВЖ331
Б498
ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

ЛОРД БЕРТИ

ЗА КУЛИСАМИ АНТАНТЫ

ДНЕВНИК
БРИТАНСКОГО ПОСЛА
В ПАРИЖЕ
1914—1919

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

ЛОРД БЕРТИ

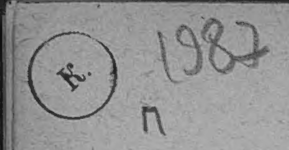
ЗА КУЛИСАМИ АНТАНТЫ

ДНЕВНИК
БРИТАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ
1914 — 1919

ПЕРЕВОД И ПРИМЕЧАНИЯ
Е. С. БЕРЛОВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

THE DIARY OF LORD BERTIE
1914 — 1919

Гиз № 12182.
Ленинградский Гублит № 13940.
14½ п. Тираж 3.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Буржуазная дипломатия до сих пор свято блюдет завет Талейрана: язык нам дан для того, чтобы скрывать наши мысли. Если бы о мировой войне 1914 — 1918 гг. мы судили только по правительственным нотам, декларациям и другим документам, написанным дипломатическим языком, мы никогда не добрались бы до подлинных замыслов империалистических держав. Писать о войне 1914 — 1918 гг. — значит заниматься разоблачениями. Если бы дипломаты всех буржуазных стран составляли одну сплоченную шайку, разоблачения были бы до крайности трудным делом. Но дипломаты разных стран, даже союзных, либо ведут прямую борьбу между собой, либо, под видом дружбы, непрерывно интригуют друг против друга. Это значительно облегчает дело разоблачения империалистической войны, и сопоставление различных дипломатических документов уже во время самой войны, а в особенности после нее, пролило достаточно яркий свет на истинные причины и цели войны и на подлинных ее виновников.

Лорд Берти всю свою жизнь был человеком, который по должности скрывал свои мысли. Во время войны он занимал ответственный пост британского посла во Франции. Ему известны были если не все, то очень многие сокровенные планы союзных держав. Во всех своих публичных выступлениях он, конечно, беспардонно лгал, как и полагается старому заслуженному дипломату Британской империи. Но у себя дома, в уединении кабинета, лорд Берти сбрасывал маску и писал дневник языком, который не скрывает мыслей. Тут он позволял себе писать то, что он, действительно, думал.

Но не следует преувеличивать предела и объема этой откровенности. По определению Кузьмы Пруткова, «камергер редко

наслаждается природой». Еще реже камергер способен наслаждаться чистой и беспощадной правдой — даже в интимном дневнике. Высокопоставленные государственные мужи пишут дневник в расчете на «суд истории» или «суд потомства». Но эта история и это потомство, в представлении автора дневника, — все тот же избранный круг «камергеров». Только их отзыв интересует автора даже в посмертном его произведении. Лорд Берти допускал, что его дневник будет иметь сенсационный успех в аристократических клубах Лондона и вызовет негодование в дипломатических канцеляриях разных стран. Но лорд Берти не позволил бы себе таких записей в дневнике, которые отразились бы на его репутации джентльмена, члена палаты лордов, аристократа и сановника. Лорд Берти может записать в своем дневнике, что Италия, Румыния и Соединенные Штаты, — все это продажные страны; он приведет такие факты, которые покажут, что и Франция не без греха в этом отношении. О царской России, а тем паче о Германии и Австрии, и говорить нечего: лорд Берти не щадит их. Но он ни за что не назовет войну «грабительской» и не зачислит Великобританию в разряд торговцев кровью, народами и землей. «Потомство» не простило бы ему этого. Есть вещи, которых не говорят в приличном буржуазном обществе, не говорят даже ночью, наедине с самим собой, в тиши кабинета, поверяя свои тайны дневнику. Лорд Берти остается верен себе даже в минуту откровенности, представляя собою классически чистую фигуру английского дипломата до-военной эпохи. Такие фигуры начинают исчезать. Личная судьба лорда Берти отразила перемены, происшедшие в буржуазной политике со времени войны. Лорд Берти до войны с честью занимал свой ответственный пост британского посла во Франции. Он был доволен и им были довольны. Во время войны у лорда Берти начались трения с английским министерством иностранных дел. Он был недоволен английской политикой, и им были недовольны. А к концу войны, после присоединения к союзникам Соединенных Штатов, ко времени начала мирных переговоров, лорд Берти оказался и совсем неудобен. Он был отозван как раз тогда, когда должна была развернуться по-настоящему его дипломатическая деятельность. Здесь источник его уязвленности и фронды. А когда сановник брюзжит и фрондирует, он легко может сказать больше того, чем полагается по служебному и кастовому его положению. Это и делает любопытным дневник лорда Берти. Но прежде чем

говорить о дневнике, попробуем, по материалам его, набросать в самых общих чертах портрет его автора.

Вся деятельность лорда Берти относится к золотому «викторианскому» веку английской политики и дипломатии. Символ веры английского дипломата этой эпохи прост и несложен. Он отвечает сравнительной простоте английской экономики. Англия — бесспорно самое могущественное, самое богатое и самое передовое государство земного шара. Англия и наиболее независимая держава. Она может сверху вниз смотреть на европейские континентальные дела и делишки. Все государства могут существовать только союзами. Англия не хочет брать на себя никаких далеко идущих обязательств и сторонится от всяких чересчур тесных союзов. Азия — безусловно британское владение, и всякое посягательство со стороны царской России, Германии и даже Франции есть беспардонная наглость. В самой Англии могут меняться кабинеты — консервативный, либеральный, — но ее внешняя политика в основах своих неизменна. Политика внутренняя еще менее сложна. Парламентское большинство всемогуще. Борьба буржуазных партий проходит в спокойном русле парламентской жизни, закованной в гранит конституции. Рабочие — полезные граждане страны, но понятия классовой борьбы, революции, социализма не заслуживают того, чтобы на них останавливался серьезный и уважающий себя джентльмен. Мораль так же проста, как и политика. Добро — это то, что совпадает с интересами английского империализма. Зло — это то, что им противоречит. Отсюда — оптимизм английского дипломата, его циничный эгоизм и грубоватая самоуверенность.

Надо заметить, что в этой идеологии и психологии появились чувствительные бреши уже перед войной. Соответствовали эти бреши переменам, которые претерпела английская экономика. Неоспоримому господству Англии на мировом рынке пришел конец. Соединенные Штаты и Германия стали претендовать на первое место. Не сдавая еще самоуверенного вида, английская политика начала проявлять некоторую тревогу. Врагов и друзей приходилось расценивать несколько по-иному. Лорд Берти, в качестве посла, пребывал еще в безмятежном покое, когда виконт Грей, в качестве министра, уже посулил царскому правительству Константинополь — на случай, если произойдут осложнения. Это было серьезное отступление от английской традиционной политики.

Война нанесла смертельный удар прежним империалистическим позициям Англии. Англия не только не могла диктовать миру свою непреклонную волю, но должна была сесть на одну скамью с Францией и Италией и покорно писать то, что диктовали Соединенные Штаты. Во внутренней политике перемена была не менее разительна. Парламент оказался далеко не всемогущим. Рабочие показали, что они не только полезные, но подчас и очень требовательные и, потому, беспокойные граждане. Над понятиями классовой борьбы должны были призадуматься весьма почтенные консервативные и либеральные головы, и результатом объединений буржуазных партий против рабочего класса явилась идея коалиции, как средства парализовать самостоятельное выступление пролетариата. Словом, и во внешней и во внутренней политике потребовалась от английских буржуазных политиков такая гибкость и изворотливость, каким старая дипломатическая школа не учила. Наиболее ярким типом нового политика явился Ллойд-Джордж. Он лучше других приспособился к политике компромисса, двустороннего надувательства, лицемерных и двусмысленных формул, подписывания дутых векселей. Лорд Берти к этой политике приспособиться не мог. Поэтому «его ушли».

Это придает особые черты литературной физиономии лорда Берти. Он, несомненно, «твердолобый» — по современной терминологии. В наши дни он занимал бы с достоинством место на крайней правой английского парламента, рядом с господами типа Локера-Лемпсона или Биркенхеда. Но он по-своему честен. В дневнике он не гримасничает. Лига Наций для него вздор, и он не скрывает презрения к этой «мертворожденной выдумке». Он справедливо издевается над «мандатами», которые должны замаскировать прямой захват колоний, народов и государств. Он живет традициями гордой державной английской политики, которая не нуждалась в мелком мошенничестве и не должна была притворяться на каждом шагу. Вот почему в дневнике своем лорд Берти срывает фиговые листки с новейшего английского империализма и называет иные вещи такими своими именами, которые мы привыкли встречать только на страницах радикальной и даже революционной печати. Многим характеристикам лорда Берти, при всей их грубоватости, нельзя отказать в меткости. Такова, например, в частности, характеристика Уинстона Черчилля, которого Берти считает неумным, грубым, вульгарным и «импульсивным» политиком.

Читатель не найдет в дневнике лорда Берти сенсационных разоблачений. То, что он рассказывает об отношениях между союзными державами, о воздействии на нейтральные государства, о целях войны и т. д., — в общем известно по ряду работ, опубликованных после войны. Ценность дневника — в его бытовой стороне. Мы попадаем на адскую кухню, варившую формулы войны и мира, и узнаем секреты буржуазной дипломатической стряпни. Лорд Берти — один из поваров. Он добросовестно защищает свои взгляды и свое дело. Но, благодаря своему дневнику, он неожиданно для себя превращается из свидетеля защиты в свидетеля обвинения и подтверждает позицию тех, кто говорит о грабительском происхождении и характере империалистической войны.

Конечно, для лорда Берти, когда он выступал во фраке на торжественных приемах, когда он давал интервью журналистам и принимал у себя в посольстве членов английской «независимой рабочей партии», война со стороны Англии, это — священная война за права и свободу народов, за соблюдение международных договоров и т. п. Лорд Берти так привык к этим формулам, к этому лживому политическому жаргону, что даже в дневнике называет Вильгельма не иначе, как «повелителем гуннов». Согласно официальной патриотической формуле, Англия никаких «собственных интересов» в войне не преследовала и выступила только потому, что Германия грубо нарушила международные договоры и вторглась в нейтральную Бельгию. Но вот еще до того, как произошло это посягательство на права малых и нейтральных народов, в первые же дни войны лорд Берти записал в дневнике:

> У нас, думается мне, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?

Дипломата-практика интересовали в первую очередь не причины войны, не вопрос о виновности тех, кто начал войну (лорд Берти приписывал «начало» столько же Германии, сколько и царской России), а вопрос об исходе войны, о расплате по счетам. Лорд Берти, не без основания, боялся, что Англию могут обойти при дележе добычи, если она заблаговременно не вме-

шается. И он стоял за немедленное вмешательство, торопил английский кабинет, даже нервничал.

— Мне так тяжело на душе и так стыдно, — пишет он 2 августа.

Через два дня он уже не стыдился. Германия представила Англии удобный повод для вмешательства в войну. Право на участие в дележе добычи было обеспечено.

Во время войны работа союзнической дипломатии шла, главным образом, в двух направлениях. Во-первых, надо было втянуть в войну возможно больше нейтральных государств, а, во-вторых, поддерживать дружеские отношения между союзниками. И то и другое было делом не легким. В зависимости от колебания военных успехов, колебались и успехи дипломатические. В общем, генералы указывали дорогу дипломатам, но далеко не всегда. Бывали случаи, когда дорого стоящие кровопролитные выступления предпринимались единственно для того, чтобы подкрепить аргументацией оружия недостаточно убедительную аргументацию дипломатических нот. Поучительна история вовлечения в войну Румынии. Лорд Берти откровенно рассказывает о том, как союзники вымогали у царской России наступление на южном фронте, с целью подействовать на колебавшуюся Румынию.

Капиталистическая и социал-соглашательская печать на все лады пела о высоких задачах культуры и цивилизации, во имя которых Италия, Румыния, Греция, Болгария и другие страны должны непременно присоединиться к Антанте. А лорд Берти прямо и цинически просто поставил вопрос в дневнике:

Когда же итальянцы найдут момент достаточно благоприятный, чтобы продаться?

И тут же заметил с ядовитой улыбкой:

Каково представить себе Россию спасительницей цивилизации!

Действительно, о защите культуры и цивилизации лорд Берти предоставлял говорить другим. Сам он откровенно говорит о продажности и торге. Входя «за кулисы Антанты», мы попадаем прямо на базар. Нейтральные государства не хотели дешево продаваться и проявляли хищнические аппетиты. Маленькие правительства, зная, что в них нуждаются, выступали как империалисты своего угла, своего околотка. Особенно повысили они цену на жизнь и кровь своего народа, когда выяснилось, что война затягивается. Примирить все противоположные инте-

ресы, насытить все жадные рты было нелегко, даже невозможно. Любопытны признания лорда Берти, что для подкупа Болгарии и Греции великие державы готовы были принести в жертву даже Сербию, — ту самую Сербию, из-за которой была начата война и о страданиях которой говорили не иначе, как с трагическим пафосом. Чтобы привлечь на свою сторону Румынию, лорд Берти готов был преподнести ей за счет России Бессарабию, и это была не только личная мысль лорда Берти. История румынского грабежа имеет свою предъисторию, на которую дневник лорда Берти проливает некоторый свет. Не лишен интереса отзыв Берти о Соединенных Штатах в тот период, когда они еще соблюдали нейтралитет.

Американцы — прогнившая шайка жуликов, распевающая псалмы и гоняющаяся за барышами.

Скупить нейтральных было трудно, потому что нейтральные, претендуя на непомерно большие части добычи, в то же время косились на вооруженные силы Австро-Германии и взвешивали риск запродажной сделки. Но основная трудность была не в этом, а в том, что не могли поладить между собой главные державы Антанты. Дневник лорда Берти очень хорошо вскрывает истинную физиономию этого союза империалистов. Франция, Англия и Россия взаимно друг другу не доверяли и друг друга боялись. Вопрос о дележе добычи стал уже с первых дней войны. Выступая против «общего врага», империалистические правительства ревниво и зорко следили друг за другом. В марте 1915 г. сэр Грей заявляет Камбону:

Но вы, ведь, не станете требовать от меня признания Александретты за часть Сирии?

Народам толковали, что они должны проливать кровь для защиты отечества, для спасения цивилизации, а в это время за кулисами шел цыганский торг из-за новых территорий и колоний.

Особый интерес представляет вопрос о Константинополе. Англия и Франция пользовались им в своей игре с царским правительством. Формально они признали права России на Константинополь, но дневник лорда Берти превосходно иллюстрирует цену этого формального признания. Константинополь попеременно бывал то реальной премией, когда дела на фронте поправлялись, то туманным обещанием, когда дела шли хуже. Сам лорд Берти, выражая мнение правых империалистических

кругов Англии, был решительно против того, чтобы царская Россия уселась на проливах. Русское правительство чувствовало, что «дорогие союзники» готовы предать Россию при первом удобном случае и принимало свои меры. Лорд Берти дает по этому поводу полную волю своему раздражению. Его отзывы о союзной России нисколько не мягче, чем о вражеской Германии. Любопытная деталь: русские националисты, распинавшиеся во время войны за «Царьград», примчались сейчас же после русской революции в Париж к лорду Берти и отреклись от «исторической миссии» водружения православного креста на соборе Софии. Маклаков уверял английского посла, что русские кадеты и не думали всерьез о Константинополе. Этой ценой покупалась интервенция.

Об английских притязаниях лорд Берти говорит в дневнике с похвальной откровенностью и грубой простотой. Он передает, например, любопытный разговор с Ллойд-Джорджем о Палестине. Как известно, Англия разыграла в этом вопросе грубейший фарс. Палестина была якобы предоставлена евреям в виде возрождаемой под протекторатом Англии их «древней родины». Еврейские националисты шумно рекламировали бескорыстие английского правительства. Теперь это дело прошлое, и Англия в Палестине не церемонится больше ни с евреями, ни с арабами, ни с Лигой Наций. Но уже в 1917 г., в разгар трескучей декламации о мирных и возвышенных целях Антанты, Ллойд-Джордж говорил лорду Берти:

...Французам придется примириться с нашим протекторатом, мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там...

Лорд Берти пожелал уточнить эту мысль вопросом:

— В таком случае, — сказал он, — вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки?

— Да, — сказал Ллойд-Джордж.

Собираясь обеспечить за собой более лакомые куски добычи, державы Антанты и относились друг к другу как хищники. Объединяла их общая опасность. Но едва проходил критический момент, как снова побеждали собственные интересы каждой из объединившихся держав. Отсюда взаимные упреки и заподозревание. Во Франции росло недовольство против Англии, которая упорно не хотела расширять свой фронт на западной границе и, из своих собственных видов, всячески противилась более тесному привлечению Японии к военным действиям. Англия

не хотела усиления Японии и раздела с нею добычи. Любопытны в дневнике лорда Берти страницы, освещающие закулисную сторону дарданелльской и салоникской экспедиций. И та и другая, как известно, были неудачны. И та и другая диктовались больше политическими, чем военными соображениями. В Дарданеллах были заинтересованы больше англичане, в Салониках — французы. Когда выяснилось, что дело и здесь затягивается на долгое время и требуются новые силы, английское командование стало саботировать салоникский фронт, а французское — дарданелльский. Разногласия приняли довольно острый характер, и обе стороны с полным основанием обвиняли друг друга в эгоистических, направленных к захвату объектов будущей добычи, наклонностях.

С особенной ненавистью относится лорд Берти к после-революционной России. Он не доверял и царскому правительству. Мысль о возможном усилении России в Азии не давала ему покоя. Он вел активную кампанию против уступки Константинополя. Россия была для него страной пушечного мяса, — не больше. С высокомерием и презрением английского аристократа, он сначала не допускал и мысли о возможности в России революции. Затем он стал молиться господу богу о том, чтобы такая революция совершилась. Царь оказался плохим поставщиком русского народного мяса для английского империализма. Лорд Берти поверил, что революция, оставив в неизменности поставку, выдвинет лучших, более исправных мясников. Но каковы были его разочарование и ярость, когда вскоре выяснилось, что «мясо» взбунтовалось и не желает отдавать себя на убой. «Сволочь! Сволочь! Сволочь!» — другого слова нет у лорда Берти для русского пролетариата, и он мечтает о кровавой расправе с большевиками.

Беспомощная брань английского лорда доставит нашему читателю несколько веселых минут. Но любопытна не эта брань. Любопытно то, что лорд Берти скоро утешился. Он не примирился, конечно, с большевиками. Напротив, он нападает на свое правительство за то, что оно вступило в переговоры с Советской властью и признало ее de facto. Но лорд Берти и в Октябрьской революции открыл положительную для себя сторону. Это — распад б. Российской империи, уход со сцены старого и опасного соперника Англии в Азии. Лорд Берти пишет:

Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры (?).

Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т.-е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в средней Азии и кавказскими княжествами.

Эти слова, — а их лорд Берти повторяет неоднократно, — проливают яркий свет на причины той страстной ненависти, с какой английская империалистическая буржуазия относится к Советскому Союзу. Большевиков официально обвиняют в том, что они «разрушили» Россию. Пустое обвинение! Чистейшая фальшь! Лорд Берти охотно примирился бы с Русской Советской Республикой в пределах московской княжеской Руси. Английское правительство на свободе фабриковало бы разные «независимые» государства в Средней Азии, на Кавказе, даже на Волге, по образу и подобию «независимых государств в Месопотамии». Мог ли мечтать английский империализм о столь блестящем исходе войны и революции?

Но вот это и сорвалось. Российская империя действительно распалась, но на ее месте возник могучий Союз Советских Республик. «Магометанские ханства» и «кавказские княжества» превратились в республики, — вопреки всяким ухищрениям насадить там ханов и князей. Государственное фабричное производство должно было ограничиться Эстонией и Латвией. Фабрикация «независимой Украины» с собственным ханом или гетманом не вышла. Отсюда — furor britannicus.

Лорд Берти оказался плохим пророком. Он не понял того, что произошло в России, как не понимал и того, что происходит вокруг него самого. Он отмечает в своем дневнике рост усталости и недовольства войной в народных массах. Он слышит требования — точно определить цели войны и условия мира. Но с прямолинейностью «твердолобого» консерватора, он не видит необходимости более сложных и тонких приемов обмана масс. Он не понимает того, что на определенной стадии лозунги «справедливого мира», «Лиги Наций» и т. п. необходимы, как средство для отвлечения внимания рабочего класса от подлинного характера войны. В дневнике своем лорд Берти беспощадно издевается над Вильсоном, над пацифизмом, над лживыми формулами мира, над Лигой Наций. Все это верно, и ценные признания лорда Берти показывают, что империалистическая буржуазия никогда не заблуждалась относительно истинной сущности пацифистских

погремушек. Но они были нужны для одурачения народных масс, и лорд Берти был недостаточно изворотливым акробатом. Для этого требовались либеральные и демократические политики, даже с «социалистическим» стажем. Политика требовала взять курс налево, и временно в лоцманы империалистического судна призывались вожди рабочих партий и Второго Интернационала. Старые и молодые дипломаты служили одним и тем же интересам. Поистине классический характер имеет беседа английского зубра лорда Берти с «социалистом» Тома накануне конференции союзнических социалистов в Париже. С точки зрения лорда Берти, это, конечно, «глупости» но, увы, этим «глупостям» нельзя помешать.

Непосредственно перед тем, — пишет лорд Берти,—я виделся с Тома, который выехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему:

— Надеюсь, что вы помешаете им делать глупости?

— Я попытаюсь, — был его ответ.

Лорд Берти вынужден был уйти. Он не умел так хорошо лгать и притворяться, как Тома. Ныне лорд Берти был бы снова у власти.

Д. Заславский.

ЗА КУЛИСАМИ АНТАНТЫ

ДНЕВНИК БРИТАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ

1914—1919

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Июль — август 1914 года.

26 июля. Сегодня я должен был поехать в Мартиньи. Я условился об этом с Греем * и предполагал вернуться в случае кризиса. После появления австрийской ноты я отказался от поездки. Трудно поверить, что российское правительство ввергнет Европу в войну ради того, чтобы выставить себя в роли покровителя сербов. Если бы австрийское правительство не имело доказательств участия сербских властей в заговоре против жизни эрцгерцога, оно не обратилось бы к сербскому правительству с такими строгими требованиями, какие мы видим в австрийской ноте. [1] Россия выступает в роли покровительницы Сербии; какие она имеет для этого основания, кроме лопнувшей претензии, будто она по праву является покровительницей всех славян? Что за ерунда! И она ожидает, что Франция и Англия поддержат оружием ее нынешнюю позицию. Английское общественное мнение никогда не согласится санкционировать такую политику, но, к несчастью, мы можем быть втянуты в войну в случае неудач французского оружия, чтобы предупредить уничтожение Франции.

На бирже вчера была паника; последняя французская рента, выпущенная совсем недавно по 91, упала до 85. Все настроены очень нервно.

27 июля. Я не могу поверить в возможность войны, если только Россия не хочет ее. Военная партия в Германии, быть может, и считает настоящий момент более благоприятным для Германии, чем более поздний, когда будут закончены реформы русской армии и постройка стратегических железных дорог, веду-

---

* Сэр *Эдуард Грей* — министр иностранных дел.

щих к русско-германской границе, но я не думаю, что германский император и его правительство *желают* войны. Однако, если российский император станет поддерживать абсурдную и устаревшую претензию России на роль покровительницы всех славянских государств, как бы плохо они ни вели себя, война станет вероятной. Германия обязана будет поддержать Австрию, а Франция должна будет помочь России. Что опасно сейчас— это военная лихорадка среди германского населения. Здесь не чувствуется военное настроение. Возвращение Извольского * ожидается здесь сегодня или завтра, а он не является элементом мира.

Асквит ** говорит, что все зависит от позиции России.

28 июля. Биржа продолжает оставаться в угнетенном состоянии. Вчера вечером здесь происходили социалистические демонстрации против войны вообще, но полиция, всюду появлявшаяся в большом количестве, рассеяла бунтовщиков. Заметно сильное нервное возбуждение, но нет народных демонстраций за войну, как в Берлине. Здесь уверяют, что сербский вопрос — дело рук Германии, настоящий германский заговор. Извольский сказал Гренвиллю, *** что война неизбежна, притом из-за ошибки Англии, не объявившей своей солидарности с Францией и Россией, или, вернее с Россией. Россия уступила и подверглась унижению в 1909 г. по вопросу о Боснии и Герцеговине, (2) потому что тогда ее армия не могла воевать; теперь она может. Этот человек сделает здесь не мало вреда, разжигая военный дух. Если будет война, то мы сможем оказаться втянутыми в нее, притом, быть-может, слишком поздно для того, чтобы предупредить военный разгром Франции. Сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться, и было бы трудно убедить британское общественное мнение в необходимости нашего вмешательства. Если суждено быть *общеевропейскому конфликту*, то приходится сожалеть, что нынешний спор неспособен заинтересовать нас в самом начале, так как именно в начале войны наша помощь представила бы наибольшую ценность, тогда как позднее она не заслужит благодарности и, вероятно, принесет мало пользы Франции.

---

* *Извольский* — русский посол в Париже.

** *Асквит* — английский премьер-министр.

*** *Гренвилль* — поверенный в делах британского посольства в Париже.

29 июля. Сейчас больше надежд на мир между державами. Россия и Австрия намерены вести переговоры. Однако, если Россия начнет мобилизацию, то Германия сделает то же самое — и тогда? Через Париж проходит большое количество солдат, направляющихся в свои части; происходит переброска частей на восток и на юг из окрестностей Парижа и с запада. Железнодорожные станции и мосты охраняются, делаются последние приготовления к мобилизации.

7 час. веч. Последние сведения менее благоприятны, чем утренние. Австрия не желает вести переговоры в Петербурге с Россией. Германия отказывается присоединиться к намечаемому в Лондоне совещанию между Англией, Францией и Италией для выработки плана избегнуть войны, и в настоящее время Германия не согласна посредничать между Австрией и Россией. Русское и французское правительства, а также и итальянское утверждают, что *мы* можем предупредить войну, и только мы, объявив, что будем поддерживать Россию и Францию, так как в таком случае немцы тотчас же окажут давление на Австрию с целью умерить ее пыл. Германия с ужасом думает об ущербе, который мы смогли бы нанести ей, отрезав подвоз со стороны моря. Сухим путем она ничего не сможет получить из России и Франции, лишь немного из Австрии, которая сама будет нуждаться во всем своем хлебе, и очень немного из остальных стран, как Швейцария, Бельгия, Голландия, Швеция и Норвегия.

30 июля. Шансы войны и мира сейчас находятся в равновесии. На нас смотрят, как на решающий фактор. Итальянцы предлагают, чтобы Италия и мы оставались в стороне. Плохая сделка для французов! Я написал Грею о господствующем здесь взгляде, что мир между державами зависит от Англии; что если Англия объявит себя солидарной с Францией, то войны не будет, так как Германия не пойдет на риск лишиться морского подвоза из-за действий британского флота. Но здешняя публика не понимает и не считается с тем, как трудно британскому правительству объявить Англию солидарной с Россией и Францией по такому вопросу, как австро-сербский конфликт. Франции следовало бы оказать давление на российское правительство, дабы умерить его пыл. Если бы мы гарантировали сейчас вооруженную поддержку Франции и России, то Россия стала бы более требовательной, а Франция пошла бы за ней по пятам. Газеты, но пока еще не публика, становятся воинственными. Биржа фак-

тически закрыта, а Французский банк подготовляет выпуск нот в 20, 10 и 5 франков—между тем у окошек банка стоят хвосты людей, требующих размена банкнот. Чиновники со всей возможной предупредительностью выполняют обязательства банка по выдаче металлических денег, золота или серебра, в обмен на ноты.

31 июля. Когда министр иностранных дел вызвал меня сегодня вечером, то я думал, что он намерен дать ответ французского правительства на предложение, переданное мною сегодня утром и касающееся формулы соглашения между Австрией и Россией. Когда я прибыл в министерство, у г-на Вивиани* сидел германский посол,** и я вошел к министру тотчас же после отъезда посла. Под влиянием только что полученного сообщения г-н Вивиани, естественно, был в крайне нервном состоянии и забыл о теме, ради которой он меня пригласил. Г-н фон-Шён не мог сказать, когда истечет срок ультиматума, предъявленного России. (3) Немцы, очевидно, хотят ускорить ход вещей и не дать России возможности подготовиться. Г-н фон-Шён послал прощальное письмо президенту республики.

Вчера видел Пуанкаре.*** Он хочет, чтобы Асквит заявил о поддержке Франции; он уверен, что это предупредит всеобщую драму.

Я боюсь, что шансы на сохранение мира уменьшаются. В то время, как в Вене происходят так называемые дружеские переговоры, немцы подготовляют все на французской границе для нападения. Здесь все ожидают, что Англия «исполнит свой долг», однако, австро-сербский спор плохой повод для объявления солидарности с Францией.

Витте**** сказал одному моему знакомому и соседу, что он против войны, так как Россия недостаточно подготовлена, и население ее не находится в состоянии покоя и удовлетворения; по его мнению, России, ее армии, железным дорогам и финансам нужно еще три года, прежде чем пуститься в войну. Извольский на всех перекрестках заявляет, что Россия готова и что война неизбежна. Какая глупость, даже если это правда!

1 августа. Народ — на французскую мерку — очень спокоен. Он встретил убийство Жореса (4) очень спокойно, и социалисты

---

* Председатель Совета министров и министр иностранных дел.

** Барон фон-Шён.

*** *Рэймон Пуанкаре* — президент Французской республики.

**** Граф *С. Ю. Витте* — председатель Совета министров 1905—1906 гг.

ведут себя хорошо ([5]) перед лицом национальной опасности. Правительство Асквита представляет картину семейного раздора и меняет свою позицию каждый день. ([6]) Сегодня здесь кричат: «да здравствует Англия!», завтра может притти на сцену «коварный Альбион». Рейтер сообщает сегодня вечером, что Германия объявила войну России. Сегодня я должен был обедать у Эдмонда де-Ротшильда в его вилле в Булонь сюр Сен; свидание состоялось вместо того в Париже, так как все его лошади и автомобили были реквизированы.

2 августа. Сейчас уже недалеко до возгласов: «коварный Альбион». Немцы повели себя неслыханно: они нарушили неприкосновенность территории Люксембурга, нейтралитет которой находится под гарантией всей Европы; возможно, что вслед за этим они вступят в Бельгию, что *может* возбудить английское общественное мнение. Германский посол до сих пор здесь; возможно, что германское правительство хотело бы, чтобы французское правительство послало ему его паспорт, что можно было бы истолковать как изгнание. Большие ворота здания нашего посольства в течение нескольких дней держатся на запоре, так как в любой момент дружественные демонстрации могут смениться оскорблениями.

В тот же день, позже. Мне так тяжело на душе и так стыдно, что слова «коварный Альбион» могут оказаться действительно применимы. У нас, думается мне, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами мало будут считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, какова будет тогда наша судьба?

4 августа. Вчерашняя речь Грея была блестяща и была встречена здесь с бо́льшим удовлетворением, чем я ожидал. Германия решила воевать и сделала все, что могла, чтобы соблазнить нас позицией воздержания от борьбы. ([7]) Но она сделала громадный промах, нарушив договоры, ею же подписанные; она совершила набег на Люксембург, угрожала Бельгии, и, как нам передают теперь, вступила также и в эту страну. Этот последний акт возбудит гнев британского льва, и я думаю, что через несколько дней мы окажемся в состоянии морской войны с Германией. Какова, однако, будет позиция Голландии? Она воздвигла укрепления в устье Шельды и, чтобы достигнуть Антверпена, наша военная экспедиция должна пройти через эти укрепления.

Только что (7 часов вечера) я узнал, что идут ожесточенные бои между бельгийцами и германскими войсками, вступившими в Бельгию. Видано ли было когда-нибудь такое циничное пренебрежение договорными обязательствами?

5 августа. Сегодня я видел австрийца.* Он все еще не получил инструкций об оставлении поста. Между Австрией и Францией нет войны.

6 августа. Город напоминает Лондон в августовский воскресный день. Очень много лавок закрыто par cause de mobilisation;** кафе должны закрываться в восемь часов вечера, и запрещено выставлять столы на улицу. За исключением погрома немецких лавок на следующий день после германского ультиматума, здесь не было никаких нарушений порядка. Народ спокоен, и, повидимому, настроен решительно.

7 августа. Мне передают, что толпа разбила окна в здании германского посольства в Лондоне; я сожалею, что такое происшествие могло иметь место в Англии. Единственное утешение в том, что поведение берлинского населения по отношению к штату русского посольства, включая женщин, было возмутительно. Австрийский посол все еще здесь, а французский посол продолжает оставаться в Вене, и война не объявлена. Мне кажется, что Австрия была бы рада предоставить Германию самой себе. Положение Швеции затруднительно. С Германией и с Россией она оказалась бы одинаково несчастной! В *данный момент* ей приходится больше бояться морских сил, чем чего бы то ни было со стороны России. Я не думаю, чтобы Норвегия связала свою судьбу с Германией. Несчастная Дания выдана на милость Германии. Что будет делать Голландия? Это большой вопрос. Ее *длительные* интересы диктуют ей защиту своего нейтралитета против Германии, так как немцы, в случае победы, не сдержат своих обещаний уважать целость и неприкосновенность датской территории, и датчане должны видеть это по тому, как ведет себя Германия по отношению к Бельгии.

Вне всякого сомнения, немцы рассчитывали, что бельгийцы окажут только для видимости формальное сопротивление и после формального протеста уведут свои войска и пропустят немцев, атакующих Францию. Поведение бельгийцев принесло немцам

---

* Т.-е. австрийского посла.

** По случаю мобилизации.

большое разочарование, французам же оно дало большое преимущество, задержав германское наступление.

Я не видел «Таймса» с субботы, и поэтому я не в курсе относительно перемен в кабинете, так как в «Дэйли Мэйль» не было об этом ничего, кроме назначения Китченера военным министром, которое я считаю превосходным.

9 августа. Мы принимаем, повидимому, очень срочные меры предосторожности, судя по газетам, против немцев, находящихся в Англии. Обращение с британскими подданными в Германии, по сообщениям прессы, достойно средних веков, но я думаю, что многое преувеличено.

Если нам удастся приостановить совершенно морской транспорт в Германию через Голландию и Скандинавию, то наступит голод и мор. Будем надеяться, что Гогенцоллерны исчезнут; они явились проклятием для мира около пятидесяти лет тому назад, когда они начали с бедной маленькой Дании. ([8])

10 августа. Все, что касается британской военной экспедиции, держится в тайне, и это правильно. Моральный эффект нашей помощи удивителен. Я не видел еще президента со времени *нашего* объявления войны. В городе удивительное спокойствие и порядок; нет автобусов, а потому нет и суматохи.

11 августа. Рассказывают, что на недавнем заседании кабинета в Константинополе Энвер-Паша * высказался за объявление войны России и для поддержки своего предложения поднял револьвер, все его коллеги сделали то же самое, и война не была объявлена. Мой знакомый сообщает также, что германское судно «Гёбен» бракованное и вследствие этого было недавно предложено Турции; артиллерия его годна только на одной стороне судна. Если это верно, туркам судно принесет мало пользы. Очень странно, что мы воюем с австрийцами. Извольский высказывается очень глупо и хвастливо; в то же время он разузнает от знакомых, как поступали в 1870 г., когда немцы шли на Париж!

14 августа. Что за неслыханное правонарушение со стороны турок — пропуск германских крейсеров «Гёбен» и «Бреслау» через Дарданеллы! Крейсера эти подняли германский флаг и преследуют французские, британские и русские торговые суда. Турки думают, что немцы победят; их уже забросали отчетами о германских победах и об отчаянных затруднениях держав тройственной Антанты.

---

* *Энвер-Паша* — один из вождей «младо-турок».

Как я слышу, К. думает, что война будет продолжительна. Здесь не разделяют этого мнения, поскольку *предполагается, что мы воспрепятствуем доставке морских грузов в Германию.* Если бы только Италия нарушила тройственный союз и выступила против Австрии! Это было бы не так тяжело для ее совести, а выиграла бы она от этого больше, чем от союза с Австрией и Германией: война окончилась бы раньше, и наша победа была бы лучше обеспечена.

15 августа. Френч * прибыл на Гар-дю-Нор из Амьена в 12.26 дня. Я встречал его на вокзале. Было условлено, что Френч со своим штабом выедет из Парижа завтра утром в 8 часов на автомобилях и отправится в главную квартиру генерала Жоффра, ** и что после свидания с Жоффром Френч направится в свою главную квартиру.

16 августа. На бумаге немцам предстоят тяжелые времена; однако, объявление войны Японией, захват Киао-Чао, (9) германских судов и колоний, нанося ущерб германскому престижу, все же не окажет влияния на крупные бои на суше, не повлияет на них и крупное морское сражение, если таковое произойдет, и мы не можем ожидать, чтобы голод оказал эффект в ближайшее время. Наши надежды и моления должны быть направлены на то, чтобы война была перенесена на германскую территорию и чтобы Германия оказалась в тисках между русскими, французскими и бельгийскими силами, чтобы Италия наподобие голодного волка, набросилась на Австрию, как только австрийские морские силы будут разбиты или парализованы франко-британским флотом, и чтобы Сербия смогла отвлечь значительную часть австрийских сил, атакующих Францию. Если не считаться с возможными последствиями голода в Германии, то потребуется значительное время для такого сокрушения германской армии, которое позволило бы ее противникам диктовать свои условия мира.

22 августа. Телеграмма из С.-Петербурга сообщает, что отход бельгийской армии вызвал некоторое замешательство. План русской кампании подвергся некоторым изменениям; три северные армии продвигаются сейчас в Восточную Пруссию, а четвертая армия, находящаяся на левом берегу Вислы, медленно продви-

---

* *Френч* — командующий британскими войсками.

** *Жоффр* — французский главнокомандующий.

гается туда же от Варшавы. Когда вышеназванные армии смогут удерживать против себя германские армии, они как можно быстрее двинутся на Берлин. Французский посол в С.-Петербурге говорит, что до сих пор русские продвинулись в Восточную Пруссию по всему фронту километров на 20.

25 августа. Сегодня объявлена война между Японией и Германией. Правительство Соединенных Штатов, повидимому, удовлетворено объяснениями, представленными Японией. Правительство Соединенных Штатов хотело бы скупить германские линейные суда, стоящие в Нью-Иорке, и поднять на них звезды и полоски, но мы не должны признавать такого рода передачу в военное время; это означало бы прикрашенное нарушение нашего права захватывать вражеские суда.

Французская система сообщать только об успехах и захватах пленных и орудий французами представляется мне глупой, так как сами французы несомненно потеряли много людей и некоторое количество орудий, и когда истина обнаружится, это вызовет здесь большое негодование.

26 августа. Вполне возможен перерыв сообщения между Булонь и Парижем. Сегодня военное министерство не выпустило своего ежедневного communiqué; высказывается предположение, что недавнее опубликование более полных сведений вызвало попытку со стороны членов палаты делать указания и вмешиваться в военные дела. Наш курьер находился в пути из Лондона сюда двадцать четыре часа; ему пришлось ждать пять часов в Амьене, где он видел пятьдесят британских запасных и толпы крестьян из оказавшихся театром военных действий пограничных деревень. Поговаривают, будто Клемансо или Мильеран станет во главе военного министерства.

Сегодня продолжаются ожесточенные бои. Пока я пишу, пришло сообщение о новом отступлении, увы! Если бы у нас было еще 100 000 человек, мы могли бы высадить их в Остенде.

27 августа. Переговоры о смене или реконструкции министерства велись, должно быть, в течение нескольких дней, но по газете они заняли только час! Делькассе вернулся в министерство иностранных дел; он очень воспламенен уверенностью в окончательном успехе. Я не разделяю его настроения в виду необходимости удерживать немцев от чрезмерной близости к столице. Из очень авторитетного источника я узнаю, что вопрос о

переезде правительства в Бордо * обсуждался на тот случай, если немцам удастся сколько-нибудь сильный прорыв франко-британской линии на севере.

28 августа. Сегодня днем я видел военного министра (Мильерана), проведшего ночь во французской главной квартире и вернувшегося сегодня утром; он, повидимому, уверен, что продвижение немцев на Париж будет приостановлено свежими французскими частями, которые должны быть переброшены с восточной границы. Положение тяжелое, и я опасаюсь вероятности отъезда отсюда.

29 августа. Немцы в Аббевилле. Завтра или послезавтра будет крупное сражение.

30 августа. Бои идут в Компьене, и немцы имеют такое подавляющее численное превосходство, что через несколько дней могут оказаться в Париже. Золотой запас в размере 168 000 000 ф. ст. перевезен из Французского банка в Бордо и в Марсель. Я сжигаю секретные бумаги и готовлюсь к немедленному отъезду, как только узнаю, в какой город переедет правительство, когда обнаружится неизбежность занятия Парижа немцами; они вполне способны разгромить здесь все, и в таком случае я потеряю все, что у меня есть.

31 августа. Сегодня военное положение несколько лучше, чем вчера; я полагаю, что бегство на юг начнется в среду. В «Таймсе» гораздо больше сведений и правды, чем в какой-либо из французских газет. Мы потерпели ужасные потери, но немцы потеряли людьми значительно больше; впрочем, им это легче перенести, чем нам.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сентябрь 1914 года.

1 сентября. Французы отступают, вследствие чего наши фланги обнажены. Френч приехал сюда на несколько часов, чтобы встретиться с Китченером, который прибыл из Лондона сегодня утром. Между двумя штабами нет согласия.

Между 6 и 7 часами вечера я слышал шум аэроплана; он пролетел над домом и сбросил бомбу, кажется, где-то вблизи от Плас-де-ла-Конкорд. Я слышал взрыв и непрерывную пальбу по аэроплану. Относительно отъезда ничего еще не решено.

---

* Город в юго-западной части Франции, на берегу Бискайского залива.

2 сентября. Мы очень заняты упаковкой. Мы уезжаем в Бордо сегодня вечером, и возможно, что я в последний раз пишу в этом доме, так как война, повидимому, затянется надолго. Французы не оказали нам поддержки в той мере, в какой мы могли ожидать; на нас выпала вся тяжесть сражения, и мы все время вынуждены отступать.

Бордо, 3 сентября. Мы прибыли сюда сегодня между 1 и 2 часами дня; сообщение об отъезде было передано нам вчера только в час дня, а отъезд был назначен на 10 ч. 50 м. вечера, т.-е. мы узнали об отъезде всего за 10 часов. Но мы уже заранее сделали приготовления; иначе мы никогда не были бы готовы. Русским было предоставлено восемь вагонов первого класса, и они увозили с собой, повидимому, жен, детей, слуг и их детей. Англичане имели в своем распоряжении три вагона. Вследствие нескольких продолжительных остановок и зачастую тихого хода, путешествие продлилось около четырнадцати часов вместо обычных семи.

4 сентября. Сегодня я видел Делькассе. Как бы я желал узнать о победе на нашем фронте, подобной той, которую одержали русские над австрийцами. (10) Если бы не большое количество солдат и военного снаряжения, то нельзя было бы подумать, что происходит нечто необычное. Здесь незаметно никаких ужасов войны, нет раненых и нет несчастных беженцев из занятых областей.

5 сентября. Сегодня вечером меня посетил Делькассе; он описал военное положение на севере и востоке от Парижа, в котором я не смог разобраться. Цель его визита заключалась в том, чтобы просить меня обратиться по телеграфу непосредственно к Френчу, чего я не мог бы сделать даже и в том случае, если бы знал шифр. Написанное им обращение гласило:

«Генерал Жоффр заявляет о своем решении двинуть все части и резервы для завоевания победы, так как положение превосходно, и мы не можем рассчитывать на лучшие условия для нашего наступления.

«Генерал Жоффр считает существенно необходимым, чтобы маршал Френч, заверивший его в энергичном содействии, обратил внимание на решающую важность безоговорочного наступления».

Я сказал Делькассе, что мне неизвестно положение британских сил в настоящий момент. Но я знаю, что в понедельник 31 августа британская армия не была в состоянии наступать

вследствие сильного истощения и тяжелых потерь людьми и орудиями, понесенных ею в ожесточенных боях. Получил ли сэр Джон Френч подкрепление, мне неизвестно. Делькассе сообщил мне также, что состоялась встреча между генералом Галлиени, военным губернатором Парижа, и начальником штаба сэра Джона Френча, и что сэр Джон Френч получил заверения в поддержке со стороны парижской армии.

6 сентября. Досадно, что немцы оказались способны потопить наши пятнадцать рыбацких лодок. Это доказывает, что они могут выступать и действовать, не вызывая нашего непосредственного вмешательства. Поскольку германцы были в непосредственной близости национального порта, они не имели права топить лодки, а должны были привести их в порт для решения призового суда.

Я получил записку от Делькассе о том, что предстоит наступление и что необходима полная связь между Френчем и Жоффром.

8 сентября. Нам удалось несколько оттеснить немцев, но не на много. Их сообщения о боях более чем значительно отличаются от французских и русских. Многие хотят здесь уверить, что 50 000 русских высажены в Англии на пути во Францию; как они достигли Англии, не объясняется! В качестве хорошего авторитета назвали мне одного из директоров Французского банка; я ответил, что бывают дураки среди директоров, так как с момента начала войны Бельт закрыт, и, если бы даже этого не было, все равно транспорт не мог бы миновать кулак германского флота в Балтийском море.

Вчера я имел беседу с министром финансов; он был изумлен отсутствием приготовлений к обороне Парижа: прежний военный министр не считал нужным сделать что-либо, а губернатор Парижа мягок, как воск; новый губернатор решительный человек. Здесь находится много людей без определенных занятий, из породы: «я должен участвовать в движении», среди них актрисы Барте и Сорель.

11 сентября. Благодарение судьбе, военные сообщения сегодня благоприятнее! Почему нейтральные государства не протестуют против разбрасывания мин в открытом море? Какой блестящей демонстрацией являются предложения индийских туземных князей послать нам войска и деньги! Каково должно быть отчаяние и огорчение «честного и верного» Вильгельма! Он испытал ряд разочарований, чего не может скрыть ворох

лжи, нагромождаемой его министрами и им самим. Впрочем, если бы бельгийцы не оказали сопротивления, притом хорошего сопротивления, и если бы мы не подошли с нашими войсками и флотом, то немцы сейчас были бы уже в Париже.

13 сентября. Наконец-то действительно хорошее известие. Немцы бегут, и, судя по сообщениям, они очень утомлены и деморализованы; отмечается, что офицеры и люди в Шампани напиваются до-пьяна.

Каким сюрпризом должна явиться для кайзера поддержка, оказываемая Англии колониями и Индией; как горько ему придется раскаиваться в Лувене и в злодеяниях его героев-солдат. «Deutschland über Alles»! * Какой будет парадокс, если цивилизация будет спасена русским самодержцем!

14 сентября. По-моему, адмиралтейство напрасно в официальном «Коммюник Пресс» говорит, что германский флот «прячется в портах»; недостойно пользоваться таким термином, и, на мой взгляд, это отдает Винстоном (Черчиллем).

15 сентября. Один день здесь очень похож на другой, за исключением военных известий, которые поступают скудно. Здесь уже много народа ходит в трауре, между тем война только что началась. Последние победы оживили дух французов, и они уже готовы делить шкуру неубитого медведя. Даже если победы над немцами будут продолжаться беспрерывно, то все же пройдет немало времени, прежде чем русские захватят Берлин, а французы продвинутся вглубь Германии настолько, чтобы поставить на колени императора и К-о; возможно, что голод придет на помощь, особенно в том случае, если русским удастся разбить австро-венгерские армии и, таким образом, прекратить доставку хлеба в Германию из Румынии и Болгарии.

16 сентября. Отступление Френча и его депеша (которую я получил только сейчас) изумительны, и наши войска сражались спокойно и великолепно. Театральный удар по Эльзасу и Лотарингии, рассчитанный на политический эффект, был крупной ошибкой.

Жестокости в Бельгии, приписываемые немцам некоторыми нашими офицерами, невероятны; виновность Вильгельма и К-о ужасна, но при каком угодно исходе они все же не получат возмездия в этом мире: монархов и министров не вешают, ведь, за их злодеяния.

---

* «Германия выше всего».

18 сентября. Бои до сих пор продолжаются и затянутся, повидимому, еще на несколько дней. Немцы сильно укрепились в траншеях и, кажется, намерены занять во Франции на некоторое время оборонительную позицию, чтобы использовать наибольшее количество войск против русских. Когда же итальянцы найдут момент достаточно благоприятный, чтобы продаться? Газеты предсказывают отставку Джулиано, а затем войну. Здесь дела идут по-обычному; нет сильного возбуждения; господствует убеждение, что в конце концов Франция, Россия и Англия выиграют войну. Каково представить себе Россию спасительницей цивилизации! После войны у нее должны появиться учреждения более современного типа, чем нынешние.

20 сентября. Поведение правительства в вопросе о гомруле (11) не из достойных; ради того, чтобы не потерять поддержки Редмонда, оно сделало то, что будет беспокоить совесть кой-кого из них. Военные сообщения, которые Винстон дает прессе, отличаются вульгарным тоном; они подвергаются некоторой тенденциозной обработке, прежде чем попадают во французские газеты! Выражения, в роде «пусть немцы придумают другое вранье», являются мальчишеством; предпочтительно опровергать лживые заявления, не употребляя излишних эпитетов и давая голые факты в достойных выражениях.

22 сентября. Кайо, являющийся генеральным казначеем армии, выказал себя здесь в дурном свете. Он считал себя всемогущим и незаменимым. Когда в конце августа здесь происходила реконструкция кабинета, он рассчитывал попасть в него, в качестве главы партии социалистов-радикалов, он неохотно согласился на участие в кабинете Бриана, Рибо и Мильерана; но Барту, главного свидетеля обвинения против Кайо на процессе об убийстве, он не хотел терпеть, и Барту, ожидавший назначения, был отвергнут и удалился в свой департамент по уходу за ранеными. Кайо, которому надлежало исполнять свои обязанности в Руане, приехал сюда для интриг; он явился в министерство внутренних дел; министр Мальви, член партии социалистов-радикалов, был в отсутствии; Кайо устроился в помещении, стал давать приказания начальнику министерства, телефонировал своей жене, и вел себя, как будто он был министром. Мальви нашел в этом признак дурного вкуса. Военный министр Мильеран вынужден был внушить Кайо, что, будучи теперь солдатом, он должен вернуться к исполнению своих военных обязанностей.

23 сентября. «Тан» возвращается в Париж. Некоторые думают, что переезд этот является предвестником возвращения в Париж правительства. Мы только что узнали по телеграфу о потоплении германскими подводными лодками трех наших крейсеров, по 12 000 тонн каждый; крейсера были старого типа, но все же это тяжелый удар, и я боюсь, что мы не сможем добраться до германских судов. Недавно здесь был бельгиец, рассказывавший, что немцы убили его мать и изнасиловали его жену, после чего он вооружил свой автомобиль пулеметом и отправился на охоту за немцами. По его словам, он убил 120 человек; позже цифра эта понизилась до 80. Ему устроили большую овацию в ресторане, где он завтракал и откуда он отправился дальше, чтобы продолжать убийства немцев; автомобиль его был забросан цветами; он получил букеты цветов и множество рукопожатий! Эти люди очень курьезны и театральны. Бельгиец, быть-может, и обманщик; если он охотится на немцев, то в этом районе он сможет найти только раненых.

24 сентября. Мы все еще с тревогой ждем исхода боев, идущих уже несколько дней. Здешняя публика, на мой взгляд, слишком сильно уверена в том, что немцы вскоре будут оттеснены на большое расстояние от Парижа, и даже из Франции вообще. Сегодня утром я получил от Грея письмо, в котором он склоняется к мысли, что Жоффр проявил большое искусство, так как отвел свою армию на парижскую линию, имея против себя численно превосходного неприятеля, и сумел повести свою армию в наступление столь скоро после длительного отхода, выбрав момент, когда германская армия во Франции оказалась ослабленной вследствие переброски многих частей на восточную границу. Грей опасается, что успех последней недели слишком велик, чтобы дело могло продолжаться в том же духе, но добавляет, что этот бой имеет очень большое моральное значение, да и, кроме того, немцы сейчас оказались на пятьдесят миль дальше Парижа, чем были.

25 сентября. Из неофициального и конфиденциального источника я узнаю, что с начала войны французы потеряли 40 000 убитыми, 240 000 ранеными и 80 000 пленными. Госпитали совершенно не в силах справиться с таким количеством раненых.

27 сентября. Окончательные сведения об идущем сражении мы получили через два дня. Здесь уже поговаривают о возвращении в Париж. Речь Винстона Черчилля, быть-может, со-

ответствует вкусу его аудитории, но, по-моему, она очень дурного тона. Глупо было говорить, что мы «разгоним немцев, как мышей»: непосредственно после этого они потопили три наших крейсера по 12 000 тонн каждый, при чем мы потеряли много людей. Упоминания Ллойд-Джорджа об императоре были недостойны: лучше было бы говорить о нем с презрением, нежели с издевкой, и не следовало делить шкуру неубитого медведя.

29 сентября. 26 августа, когда вступал в исполнение своих обязанностей нынешний кабинет, не было еще ничего сделано для подготовки внешних фортов Парижа; Галлиени, в ответ на заданный вопрос, сказал, что на установку необходимых крупных орудий потребуется не менее трех недель; орудия эти доставлялись из Шербурга и Бреста. Если бы немцы прибыли в Шантильи немного раньше, они смогли бы занять Париж, так как на линии внешних фортов не было ничего, что могло бы задержать их. Катастрофа была предупреждена сочетанием чрезвычайных событий: немцы ворвались в Бельгию, чего французы не ожидали. Бельгийцы оказали сопротивление и не ограничились одним лишь протестом, на что немцы надеялись и р а с с ч и т ы в а л и. Наше активное вмешательство застало немцев врасплох; они думали, что поскольку Бельгия будет только протестовать, мы сделаем то же самое. Далее следует отметить изумительные арьергардные операции Френча, а также стоическую смелость и дисциплинированность наших войск, ободрившие французов, а также наше сопротивление немцам, несмотря на утомление наших людей и сокращение численности наших войск, вследствие потерь убитыми, ранеными и взятыми в плен. Французы, потерпевшие до прибытия наших войск страшное поражение при Шарлеруа, оправились и стали сражаться превосходно. Каждый день мы слышим, что должно закончиться крупное и решающее сражение, но каждый день это оказывается «завтра».

30 сентября. Для защиты своего нейтралитета датчане минировали вход в Балтийское море, и если даже нашим судам удастся пробраться, то они не смогут вернуться обратно; очень тяжело не иметь возможности добраться до германских кораблей и сознавать, что они могут делать что угодно с русскими в Балтийском море. Я боюсь, что мы можем помочь не иначе, как денейтрализовав Данию убеждением или силой, и в обоих случаях нам грозила бы опасность германского вторжения в Данию по суше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Октябрь 1914 года.

1 октября. Газета Клемансо «Свободный человек» закрыта на неделю в наказание за статью, критикующую санитарные учреждения в армии; эта мера скандальна; вчера газета вышла под названием «Человек в цепях», но и в таком виде газета подверглась закрытию. Нам все время говорят, что германские армии на севере Франции будут окружены, — своего рода Седан, — но до сих пор это не удается.

2 октября. У немцев были некоторые основания рассчитывать, что их проход через Бельгию не встретит вооруженного сопротивления. Бельгийский министр иностранных дел отклонил первую просьбу германского посла о свободном проходе, но когда последний вернулся с новым заверением, что в случае отказа требование будет поддержано 1 200 000 солдат, бельгийский министр воздел руки со словами: «Что можем мы сделать в таком положении?» Из этих слов германский посол сделал вывод, что реальное сопротивление не будет оказано. Бельгийский миллионер, владелец одной из газет, узнал об этом свидании и опубликовал статью со словами: «Долой немцев!» За это он был арестован бельгийским правительством, однако это настроение и публичные демонстрации, вызванные этим арестом, заставили правительство освободить арестованного и убедили короля и правительство в необходимости оказать немцам сопротивление.

4 октября. Один француз, вернувшийся недавно из Антверпена, говорит, что народ будет требовать сдачи, когда германские снаряды начнут летать вокруг города. Какое несчастье, если этот город падет! Жестокости немцев — я хотел бы сказать: императора — продолжаются. Как бы найти для него подходящее наказание, если Германия будет завоевана? Боюсь, что в наши дни трудно будет повесить монарха, хотя и это было бы слишком хорошо для него.

11 октября. Антверпен пал! Ради смягчения этой потери можно сказать только, что обстоятельства потери могли оказаться хуже: бельгийская армия могла бы быть разбита и вынуждена к сдаче, наши суда с их командами могли попасть в руки немцев. Наш план кампании должен подвергнуться пересмотру. Я надеюсь, что смерть румынского короля

изменит позицию румынского правительства; но я сильно сомневаюсь в такой возможности, если Италия не выступит против Австрии. Между тем Италия ждет, кто ей предложит больше. Итальянцы воображают, что они значительно превосходят древних римлян и что они призваны стать великой средиземноморской державой и завладеть Тунисом, Мальтой, Египтом и турецкими островами.

12 октября. По вопросу о падении Антверпена здесь принята следующая версия: падение Антверпена хоть и печально, но не имеет большого значения! Мы все еще ждем победы, столь давно возвещенной.

13 октября. В Испании господствует резко выраженное антифранцузское настроение. Дарданеллы блокированы немцами; немцы фактически распоряжаются Турцией; Италия «ждет, что будет»; Румыния не с нами, и Болгария против нас. В общем положение наше не из счастливых. Нам предстоят очень трудные минуты.

14 октября. Сегодня я видел главного директора таможни; он говорит, что пшеницы и ржи немцам хватит на год, и что если нам не удастся прекратить подвоз всех прочих предметов питания, а *также* керосина, то война затянется надолго. Все время приводятся новые основания для жоффровских оттяжек: а теперь говорят, что он ждет дождей, так как тогда германская тяжелая артиллерия увязнет в грязи; между тем французские 75-сантиметровые орудия менее дальнобойны, но зато более подвижны и эффективны.

16 октября. Я имел очень интересную беседу с официальным военно-экономическим экспертом французского военного министерства: он говорит, что промышленная жизнь идет в Германии своим обычным порядком, что в стране достаточно продовольствия. В Австро-Венгрии продовольствия хватит на семь месяцев. Он полагает, что, поскольку мы допускаем обильный ввоз в Германию сырья и продовольствия через нейтральные государства, нет иного средства закончить войну, кроме военной оккупации; это же средство применить трудно, если не невозможно, так как, имея в своих руках Антверпен и фактически всю Бельгию, Германия сможет еще легче, чем до сих пор, использовать Голландию (захочет она или нет) для своего снабжения. Он говорит, что мы должны объявить блокаду Германии, окружить ее, подобно тому, как Наполеон пытался окру-

жить нас континентальной блокадой. Ему это не удалось, но мы, владея морем, можем иметь успех. Ввоз в Норвегию, Швецию, Данию и Голландию очень сильно возрос по всем товарам, возрос также и вывоз из них в Германию лошадей, железа, никеля, меди, керосина, нефти, продовольствия и т. д. Мы не можем объявить блокаду германских портов в Балтийском море, мы не можем проникнуть в это море, а если бы и проникли, то не смогли бы выбраться оттуда. Нам следовало бы объявить блокаду Норвегии, Швеции, Дании и Голландии, а также германских портов в Северном море. Но это, конечно, невозможно. Достигнуть цели — взять Германию измором — можно было бы, пожалуй, заключив с названными нейтральными государствами соглашение, по которому они обязались бы запретить вывоз в Германию тех предметов, которые будут нами указаны. Возможно, что нейтральные не пойдут на такое соглашение, но даже если бы они и приняли наши условия, то правительство Соединенных Штатов смогло бы возразить, что лондонская декларация (1909 г., (12) — которую мы в начале войны обязались соблюдать в принципе, — положила конец теории непрерывного пути следования, и что мы не в праве поэтому настаивать на указании окончательного назначения грузов, направляемых в нейтральный порт на нейтральном судне. Единственный способ обойти это затруднение, это—воздействовать на правительство Соединенных Штатов обещанием скупать все грузы, увеличивающие ввоз в нейтральные страны сверх его обычного размера; я сомневаюсь в осуществимости такой системы. «Экономист» (13) заявляет, что, поскольку Германия нарушила все свои обязательства, стоящие на пути к осуществлению ее стремлений, мы в праве поступать по отношению к ней так же. Между тем, мы обязались перед *американским* правительством действовать по принципу лондонской декларации. «Вот в чем загвоздка!»

20 октября. Здесь жалуются на медленность продвижения русских войск; сначала они шли слишком быстро; они все же, быть-может, побьют немцев количеством, если не военным превосходством. Что нас страшно затрудняет—это глупая лондонская декларация, мудро отвергнутая палатой лордов и немудро принятая частично правительством в отношении к нынешней войне; она лишает нас контроля над ввозом в Германию через нейтральные государства тех продуктов, которые дают ей возможность вести войну гораздо дольше, чем она смогла бы

*

при отсутствии такой декларации. Это может иметь для нас очень серьезные последствия. Настаивать на своем мы не решаемся из боязни перед Соединенными Штатами, которые пользуются блестящей возможностью вести прекрасную торговлю с Германией. Мы не постеснялись бы с другими государствами, как Италия, Испания, Норвегия, Швеция, Дания и Голландия.

26 октября. Сегодня ко мне приезжал Жюль Камбон. Он рассказал мне ряд интересных вещей, между прочим, о том, что в стране заметно широко распространившееся недовольство по поводу нелепой и недостаточной подготовки к войне: неудачи эти приписывали так называемой «политической кухне». По окончании войны, которого можно ожидать не ранее, чем через год, начнется движение за новые выборы, при чем нынешняя палата будет стремиться их избегнуть. Камбон видел Сан-Джулиано. (14) Относительно позиции Италии Сан-Джулиано сказал, что в вопросе о присоединении к Антанте играют роль три соображения: моральность, удобный случай и легкость. Должны быть налицо хорошее оправдание и удобный случай; кроме того, и армия должна быть подготовлена, чего сейчас нет. Жюль Камбон рассказал мне, что германский император отослал обратно в Италию тех мобилизованных немцев, которые имели там работу в качестве рабочих или предпринимателей; эти немцы должны явиться в Италии апостолами Германии и ее методов. В Италии ведется хорошо организованная пропаганда в пользу Германии. Я спросил Камбона, действительно ли за войну выступал сам император, или же он был втянут в нее кронпринцем и военной партией, я интересовался также ролью германской императрицы во всей этой игре. Камбон в ответ на это сказал, что в частых спорах между кронпринцем и императором императрица всегда становилась на сторону сына, и что император стал очень завидовать той популярности, которой пользовался в армии и в народе его сын, в качестве апостола антифранцузских, антирусских и особенно антианглийских настроений. Император был побежден кронпринцем и военной партией и увидел, что ему предстоит выбор между объявлением войны и потерей своего положения в Германии.

30 октября. В начале войны я говорил Севастопуло,* что Россия поступила бы мудро, выступив за существование *неза-*

---

* Поверенный в делах русского посольства в Париже.

висимой Польши, (15) в качестве католического славянского буфера между Россией и Германией, и согласившись на возвращение Румынии, в виде *приданного* за союз, Бессарабии, (16) которою она владела по договору 1856 г.; он ответил, что это невозможно.

Теперь, когда Турция начала войну против России, благоразумие диктует последней отдать Бессарабию и предоставить Болгарии удержать за собой Адрианополь, если та сможет это сделать. Я думаю, что на Балканах опять вспыхнет пожар. Я не считал бы нужным рассматривать нападение турок (германцев) на Одессу, как такое военное действие, на которое мы обязаны отвечать. Пусть турки нападут на нас или объявят нам войну, чтобы наши мусульманские подданные не могли считать нас нападающей стороной. (17) Если дело дойдет до войны с турками, то мы должны будем выступить за арабский халифат. (18)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ноябрь 1914 года.

4 ноября. Англо-французский флот обстрелял внешние форты, защищающие вход в Дарданеллы; я боюсь, что большего мы не сможем сделать. Правительство надеется, что Болгарию удастся соблазнить на выступление против турок обещаниями, а Румынию удастся двинуть против Австрии; при таких обстоятельствах Греция присоединится к нам. Все балканские государства недоверчиво поглядывают друг на друга и боятся, что Германия, Австрия и Турция выйдут из войны победителями. Между тем, наше продвижение на севере Франции идет очень медленно, мы теряем суда из-за подводных лодок и мин и не в состоянии добраться до германского флота.

10 ноября. Какой дурак этот Извольский! Несколько дней тому назад он сказал: «У меня нет друзей. У меня есть союзники и люди, которыми я пользуюсь». В начале войны он претендовал на роль ее виновника: «Это — моя война». Теперь же он говорит: «Если бы я хоть сколько-нибудь был ответствен за эту войну, я не простил бы себе этого никогда».

13 ноября. Сегодня я виделся с Мильераном. Сейчас не может быть и речи о возвращении в Париж.

26 ноября. Какое несчастье потопление «Больварка»! Мне сообщают, что во время недавнего свидания между Китченером

и Пуанкаре был затронут вопрос о мире, и что французские генералы были встревожены очевидным малодушием Китченера. Если б создалось общее впечатление, что мы сдаемся, то это было бы роковым ударом для интересов постоянного мира и цивилизации: союзники связаны друг с другом обязательством не заключать сепаратного мира, но французское общественное мнение может быть встревожено и может допустить, что мы подумываем о мире до того, как Германия будет разбита.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Декабрь 1914 года.

2 декабря. Сегодня кабинет должен обсуждать вопрос о возвращении в Париж. С точки зрения военного положения, возвращение сейчас не более своевременно, чем шесть недель тому назад: немцы все еще находятся близ Компьеня. В воздухе носятся слухи о переговорах. Говорят, будто Австрия пытается обратиться к Франции и Бельгии через Испанию, чтобы заключить мир отдельно от Германии и спасти себя от разгрома.

4 декабря. Окончательно решено, вопреки мнению Бриана, Делькассе и Мильерана, начать переезд в Париж девятого декабря — глупое решение.

Париж, 13 декабря. Грей хочет увидеться со мною, и в среду я уезжаю в Лондон с поездом 7 ч. у. Сегодня утром я виделся с Брианом. Он доволен положением на театре военных действий. Сербы, повидимому, имели настоящий успех, а русские заявляют об успешных действиях под Краковом.

Лондон, 16 декабря. Путь от Фолькстона до Лондона продолжался два с половиной часа, и мы прибыли в 8.15 вместо 7. В Тёрф-клубе, где я ужинал, я получил печальное известие о том, что германские крейсера, пользуясь туманом, ушли после бомбардировки Скарборо и других незащищенных городов. Повидимому, нарушениям системы современного ведения войны со стороны этих гуннов нет предела.

17 декабря. По сведениям Китченера, русский верховный главнокомандующий известил французского главнокомандующего, а наш военный атташе в России передал об этом британскому правительству, что русским недостает амуниции, вследствие чего им придется отступить даже к Бугу, что дает гер-

манцам возможность занять Варшаву. Результатом этого явится значительное усиление немцев на западном фронте с целью атаковать англо-французскую линию. Я спросил, будет ли иметь эта атака шансы на успех, так как мне дано было понять, что Жоффр и Френч уверены, что смогут сохранить нынешнее расположение. Китченер сказал, что он знает об этой уверенности, но не считает ее обоснованной. Он думает, что немцы смогут прорваться благодаря своему численному превосходству и подойти к Парижу. По его сведениям, французы смогут выставить не более миллиона с четвертью людей, тогда как немцы, заняв по отношению к русским оборонительное положение, смогут бросить на франко-английский фронт 4 000 000.

Я беседовал с Греем также о положении во Франции, об американском посредничестве, о будущей Бельгии, об Италии и т. д. Я указал на русские претензии относительно Константинополя и проливов. Грей сказал, что мы должны выполнить обещания, данные нами в 1908 г., ([19]) а именно, Россия должна получить право свободного прохода своих военных судов из Черного моря в Средиземное и обратно в мирное время, в военное же время участники войны будут пользоваться равными правами. Я заметил, что в случае ухода турок из Константинополя создается положение, совершенно отличное от того, при котором давались все эти обещания; что в правах и привилегиях, предоставляемых России, нельзя отказать Румынии, имеющей границу по Черному морю, или Болгарии. Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превращается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала. Грей сомневается в согласии России на такие условия. Вообще вопрос о распоряжении Константинополем и проливами явится камнем преткновения, когда настанет время для обсуждения подобных предметов.

Я должен встретиться с Греем, Китченером и Камбоном* в понедельник пополудни, так что об отъезде не может быть речи раньше вторника. На улицах Лондона очень тихо. Здесь заметно сильное разочарование, так как германские крейсера, бомбардировавшие Гартльпуль, Уитби и Скарборо, все еще не

* *Поль Камбон* — французский посол в Лондоне.

пойманы. Бомбардировка Гартльпуля может быть оправдана, так как там установлена батарея, в других же городах этого нет.

19 декабря. В здешних военных кругах существует мнение, что с русскими, поскольку речь идет о наступательных действиях с их стороны, покончено до июля. Вопрос идет о том, смогут ли англо-французские армии сопротивляться немцам, если последние перебросят *значительные* подкрепления с русского театра военных действий? Китченер сильно сомневается в этом.

Брайан ([20]) подготовляет попытку посредничества по наущению германского и австрийского послов в Вашингтоне. Вопрос в том, согласится ли с этим Вильсон. Германия якобы согласна восстановить Бельгию, уплатить ей возмещение и эвакуировать страну. В остальных отношениях повсюду должен быть восстановлен status quo.

21 декабря. Я присутствовал сегодня на совещании в министерстве иностранных дел между Греем, Китченером и Камбоном. В Лондоне получены еще худшие вести о недостаточном снабжении русской армии снарядами и ее неспособности продолжать наступательные действия. Китченер изложил свой взгляд на положение: русским придется отступить после поражения, нанесенного им немцами, и ограничиться обороной своих позиций. Это даст немцам возможность перебросить на англо-французский фронт часть своих сил, направленных сейчас против русских. Китченер считает, что переброска эта может дать около 500 000 человек. Эта цифра меньше, чем та, которая называлась 17 декабря. Если немцы будут действовать, как подобает хорошим стратегам, то они, по мнению Китченера, принудив русских к безопасной для немцев обороне, поведут наступление против французов в районе Вердена с целью прорваться к Парижу.

Париж, 25 декабря. По возвращении я нашел очень устаревшие письма — одно от Грея, от 4 декабря, другое от Мёррей-оф Элибанка, датированное тем же числом. Грей отклоняет всякие колебания в вопросе о войне, исходящие от Китченера, или от кого бы то ни было другого: не должно быть неопределенного мира. В его письме заметна излишняя боязнь, что Франция изнемогает от напряжения продолжительной войны. Мёррей пишет о жалобах прессы по поводу ошибочного утаивания несчастья с сверх-дредноутом «Audacious» и по поводу сообщения

о гибели другого сверх-дредноута. Он говорит, что последняя речь германского канцлера ободрила известные малодушные круги в Англии. Он сомневается в продолжительности системы всеобщего братства в Англии.

27 декабря. Вчера я имел интересные беседы с Клемансо и Полем Камбоном. Я заверил первого, что мы непоколебимы в наших стремлениях; Клемансо желал бы японской помощи на западном фронте; Камбон предпочитает, чтобы японцы пришли по суше и помогли России в ее наступлении на Берлин; таким образом удалось бы избегнуть появления желтой расы в Западной Европе. Клемансо говорит, что главное — это вытеснить немцев из Франции и Бельгии, откуда они вывозят, или же потребляют на месте все, что только возможно, как-то: уголь, железо, сахарную свеклу, хлопок и шерсть. В некоторых местах они пускают в ход сохранившиеся фабрики, как, напр., в Рубэ и т. д. Ранней весной он ожидает большого наступления германских войск, подкрепленных пополнениями с русского театра военных действий. Он считает, что количество британских войск, сражающихся на фронте, не превосходит 70 000, и не верит, чтобы «армия Китченера» могла дать к весне больше 500 000 вполне экипированных солдат. Если Румыния и Греция и придут на помощь Сербии, это не отразится на главной борьбе. Это будет борьба на жизнь и на смерть между Германией и союзниками. Россия не оправдала ожиданий ее французских друзей. Он относится с пренебрежением к американскому вмешательству, считая, что мир должен быть делом воюющих сторон, без какого-либо посредничества или вмешательства извне. Он уверен, что Англия легко сможет убедить Японию послать войска в Европу. Однако, поражение японского кабинета, в связи с предложенным им увеличением армии, опровергает такой взгляд. Сегодня днем я видел Делькассе. Он также очень хочет заполучить японцев, чтобы запугать немцев и убедить колеблющиеся нейтральные государства, что с Германией будет покончено, и побудить их присоединиться к союзникам.

29 декабря. Нижеследующее сообщение исходит от испанского посольства в Вене: «Австрийцы вполне понимают, что они принесены в жертву немцами и вскоре будут совершенно разбиты. Они допускают возможность потери Галиции, Боснии и Герцеговины и отделения Венгрии. Единственное, чем

они, повидимому, озабочены, — это спасение Вены. Офицеры из лучших семей не пошли на фронт, о чем свидетельствуют списки убитых и раненых. Они служат либо в автомобильных частях, либо в различных управлениях военного ведомства. Угольный и продовольственный вопросы очень обострились в Вене: угля не достать ни за какие деньги, а хлеб распределяется, каждое утро выдается по несколько унций на каждого жителя — одному лицу разрешено получать не более четверти литра молока. Военный заем потерпел полную неудачу; подписка на него достигла порядочных размеров, но подписывались большею частью банки; последние надеялись на рост вкладов, который дал бы им наличность для оплаты взятых облигаций; но на деле публика не откликнулась, и банки не смогли оплатить свою подписку. Как только австрийцы узнали, что указом в России запрещена продажа алкогольных напитков, они поняли, что будут биты. Им постоянно говорили, что произойдет то же, что и в японскую войну, когда русские генералы, после сильной выпивки, давали странные приказания, результатом которых бывала гибель тысяч людей.

В Вене думают, что Румыния нарушила свой нейтралитет и вскоре присоединится к союзникам».

31 декабря. Верховный комиссар в Египте, сэр Г. Мак-Магон, был сегодня за завтраком; в воскресенье и понедельник он был на фронте и осматривал индийские войска, потерпевшие страшные потери в боях; многие офицеры их были убиты, так что люди остались без начальников. Он виделся с Френчем и говорит, что все настроены очень уверенно, и что Френч доволен своим воскресным совещанием с Жоффром. Они считают, что военное министерство и Китченер вмешиваются слишком много; они плохо оценивают положение и недостаточно сознают, что, занимая всего только восемнадцатую или двадцатую часть всего фронта, они не могут диктовать Жоффру расположение войск. Он думает, что наша позиция по вопросу о Константинополе и проливах будет очень слабой, когда дело дойдет до обсуждения, и что мы слишком много уступаем России в этих делах, а также в Персии. После войны у нас будут нелады и затруднения с Россией, в особенности если она станет добиваться права сношений с Афганистаном.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Январь 1915 года.

1 января. Ллойд-Джордж приезжает сюда для переговоров о денежных делах.

Очень тягостна гибель в Канале еще одного большого судна от мины или подводной лодки.

3 января. Сегодня я имел интересную беседу с одним румынским депутатом, сторонником участия Румынии в войне на стороне союзников: он считает, что Румыния присоединится в марте, когда минует суровая румынская зима, и Румыния будет иметь все необходимое военное снаряжение. Он посетил Софию и Рим. Он убежден, что Болгария не предпримет военных действий, идущих вразрез с желаниями России. Если в кабинет войдет кто-либо из сторонников Стамболийского, это будет означать усиленную подготовку к войне, быть-может, против турок, невзирая ни на какие противоположные обязательства, которые будут рассматриваться, на немецкий манер, как клочки бумаги. Он противник японской помощи в Европе. Он уже перекроил европейскую карту! Галиция — Польше, Польша — России, Триест и Трентино — Италии, которая будет настаивать на недопущении Венгрии к Адриатическому морю. Все, что есть «румынского» в Австро-Венгерской империи, переходит к Румынии. Австрийцам, по его мнению, лучше всего присоединиться к Германии. Болгария, по меньшей мере, должна получить линию Энос—Мидия. Греция должна довольствоваться тем, что она получила. Сербия получит Боснию и Герцеговину, а также сербские области Австро-Венгерской империи. Турки вытесняются из Европы, а Константинополь и проливы интернационализируются, так как ни Румыния, ни Болгария не могут согласиться на исключительные привилегии России на этих территориях. Судя по разговорам, которые ведутся здесь, он полагает, что французы надеются иметь после войны границу по Рейну до самой Голландии. Я думаю, что с этим им не справиться, принимая во внимание немецкое население Трира, Кёльна и т. д.

Все это значит—делить шкуру не убитого медведя. Он не верит в русское командование, но сильно надеется на солдат.

Одна женщина, оставленная охранять замок на севере Франции, в занятой немцами области, пишет своей хозяйке о состоянии дома, о реквизициях обстановки, белья и т. д. В пост-

скриптуме она добавляет: «Я забыла сказать вам, графиня, что я была изнасилована четыре раза!»

6 января. Французы считают ошибкой, что наши офицеры и солдаты слишком много рискуют. Французы теряют веру в русский «паровоз»: не хватает пара, чтобы пустить его как следует в ход. Газеты и публика страстно желают иметь во Франции по меньшей мере 400 000 японцев, чтобы очистить страну от немцев. Согласятся ли японцы на это, и если согласятся, то какой ценой? Индо-Китай считается подходящей приманкой, если ни Россия, ни Англия не согласятся уступить что-либо приемлемое для Японии.

Сегодня я видел одного француза из главной квартиры Френча. Он говорит, что на фронте все настроены очень уверенно, но что траншеи так близки друг к другу, что англичане и французы братались, что следовало бы запретить.

10 января. Здесь выдвигается идея, поддерживаемая Клемантелем, докладчиком финансовой комиссии палаты, выпустить заем, примерно, на 800 000 000 ф. ст. от имени британского и французского правительств для предоставления средств Англии, Франции и всем воюющим на их стороне, а после войны создать своего рода таможенный союз. Я сказал своему осведомителю, что это было бы использованием британского кредита в целях удешевления займа для прочих участников войны, или повышением процента, в ущерб британским налогоплательщикам, что имело место, когда державы настояли на своем участии совместно с Англией в гарантировании займа Египту: процент по займу оказался вследствие этого выше, чем он был бы, если бы единственными гарантами были мы, как мы и предполагали. Что же касается таможенного союза, то он неосуществим с такой фритредерской страной, как Англия. Я думаю, тем не менее, что для уравновешивания некоторых потерь вследствие сокращения торговли с Германией после войны мы должны будем вернуться к торговому договору с Францией наподобие соглашения 1860 г., чтобы наша торговля не тормозилась неблагоприятным французским тарифом, созданным для этой цели французскими промышленниками.

Предполагаемый визит Ллойд-Джорджа, ставший известным, ожидается в финансовом мире с интересом. Мёррей-оф-Элибанк был здесь вчера; он говорит, что делаются серьезные попытки отстранить Френча; Китченер интригует, и имеются уже френчисты и китченеристы. Было бы несчастьем, если бы Китченер

принял командование, так как он ссорился бы с Жоффром и Фошем и со всеми французскими генералами.

12 января. Присоединение Румынии становится все более и более вероятным, так как, если русские продвинутся далеко в Трансильванию, Румынии придется выступить или упустить благоприятную обстановку. Если Румыния присоединится, то общественное мнение в Италии возобладает над правительством, и оно окажется в состоянии войны помимо своей воли. Итальянцы отвлекут несколько австрийских армейских корпусов от России и Франции. При таких обстоятельствах Австро-Венгрия может распасться на куски.

14 января. Два дня тому назад я встретил на улице Извольского. Он предсказывает революцию в Константинополе против младо-турок. Что надлежит делать в таком случае? В ответ на мое замечание, что нужно предоставить борющимся группам резать друг друга, он ответил: «О нет! это было бы неправильно». Он, очевидно, думал, что это будет поводом для вмешательства России в качестве охранительницы порядка!

25 января. Эдмонд де-Ротшильд приходил сегодня утром, а позже прислал одного своего единоверца из России, живущего в Манчестере, чтобы поговорить о плане, который я считаю абсурдным; хотя они и утверждают, что заручились одобрением Грея, Ллойд-Джорджа, Самуэля и Крью, они не упомянули о лорде Ридинге. Планом этим предусматривается превращение Палестины в израильское государство под протекторатом Англии, Франции или России, предпочтительно — Англии; они не подумали о том, что Россия и Франция могут выдвинуть свои возражения! Представьте себе христианские святые места под охраною евреев, которым пришлось бы следить за порядком среди римско-католических священников и православных попов, привыкших к дракам друг с другом в церквах и к вмешательству турецких солдат! Авторы плана готовы передать охрану особой международной комиссии, если это нужно; они готовы даже передать ей охрану всего старого Иерусалима и построить себе поблизости новый. Франция нацеливается на Египет, но мне кажется, что не рекомендуется иметь Францию на границе Египта, равно как и Россию. Что скажут об этом плане папа, Италия и католическая Франция, ненавидящая евреев? Часть Уганды была предложена евреям Чемберленом несколько лет тому назад, но этого им было мало.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Февраль 1915 года.

3 февраля. Сегодня я сопровождал Ллойд-Джорджа на аудиенцию у президента республики; разговор касался исключительно англо-французской или просто английской военной экспедиции в Салоники, с целью скомпрометировать Грецию и убедить Румынию помочь Сербии против австро-германской атаки, грозящей ей разгромом; британское правительство держится мнения, что для ослабления германского нажима на севере надлежит попытаться ввести новые силы на Востоке. Венизелос предлагает контингент в 5000 человек. Китченер считает, что необходимо послать армейский корпус в составе двух дивизий численностью, если это будут британские войска, в 36 000 человек. Президент сказал, что он усматривает известные преимущества, дипломатические и политические, в предложениях, выдвинутых г. Ллойд-Джорджем, и что французское правительство запросит о мнении генерала Жоффра, взгляды которого, по его сведениям, разделяются генералом Фошем и сэром Джоном Френчем, но он явно не предсказывал этим, что генерал согласится выделить какой-либо контингент из своих армий, и добавил, что дипломатические и политические соображения, которые могли бы оправдать игнорирование французским правительством взглядов военных властей, должны быть весьма вески. Ллойд-Джордж обратил также внимание президента на целесообразность учреждения во Франции совета с участием представителей от французского, русского и британского главнокомандующих, дабы последние были осведомлены о намерениях и операциях своих коллег. В настоящее время нет достаточной координации между армиями союзников, что дает преимущество германскому командованию. Г. Пуанкаре, повидимому, отнесся одобрительно к этому предложению.

4 февраля. В виду того, что канцлер казначейства пожелал иметь беседу с Брианом, я пригласил их на обед в посольство сегодня вечером. После обеда Ллойд-Джордж, Бриан и я расположились в библиотеке, и я взял на себя роль переводчика. Ллойд-Джордж немного понимает по-французски, но недостаточно; то, что было сказано обоими министрами, можно было сказать в течение 20 минут, но беседа затянулась более чем на полтора часа. Со стороны Ллойд-Джорджа она заключалась

в повторении почти тех же аргументов, которые он выдвигал в пользу салоникской экспедиции в беседе с президентом. Бриан сказал, что около трех месяцев тому назад он предлагал это средство в целях ослабления германского нажима на Бельгию и Францию — он имел в виду франко-британский экспедиционный корпус, численностью в 40 000 человек, но французские военные власти были против этого, и кабинет отверг эту идею. Вчера, в результате представлений британского правительства и после совещания по телеграфу с генералом Жоффром, кабинет пересмотрел свое прежнее отрицательное решение и принял это предложение в принципе. Свой взгляд Бриан изложил следующим образом. Чтобы улучшить положение в Бельгии и на севере Франции, следует распространить кампанию на Балканы. Экспедиция британских и французских войск в Салоники с участием греческой армии и при давлении со стороны России несомненно втянула бы Румынию в войну и определила бы позицию Болгарии, у которой, быть-может, и есть обязательства по отношению к Австрии и Германии и даже к Турции, что представляется вероятным, в виду увода турецких войск и орудий из Адрианополя, но она едва ли стала бы соблюдать эти обязательства, если бы страна увидела, что болгарские интересы лучше обслуживаются тройственным согласием, нежели Австрией и Германией. Если бы русские войска высадились в Варне, или вступили бы в Румынию с согласия ее правительства, то королю и правительству Болгарии пришлось бы выбирать между совместными действиями с тройственным согласием и падением.

12 февраля. Уррутиа сделал мне сегодня визит и придет завтра к завтраку. Он с сожалением констатирует, что в Мадриде господствует определенно германофильское настроение; даже те, кто привыкли ездить в Англию, настроены в пользу Германии и уверены, что немцы дойдут до Парижа; королева чувствует себя очень несчастной, так как она ненавидит немцев. Передают, что король сказал: «Il n'y a en Espagne pour les alliés que moi et la canaille» (в Испании за союзников стою только я и разная сволочь).

15 февраля. Здесь существует партия, которая хочет послать представителя в Рим, чтобы убедить окружающих папу (не его преосвященство, так как он непогрешим и не нуждается в убеждениях) в том, что Франция борется за правое дело и победит, и чтобы убедить Квиринал (не короля, потому что он

уже убежден), что интересы Италии требуют единства с Францией и Англией. Делькассе против такой миссии, а Бриан за нее.

16 февраля. Сегодня днем меня посетил некий мистер Морган, американский журналист. Он выехал в пятницу из Берлина в Берн и Цюрих и прибыл в Париж в воскресенье. Он говорит, что германская ненависть по отношению к Англии проникла отчасти и в Соединенные Штаты; он уехал, ибо в такой атмосфере нельзя было сделать ничего хорошего. Он беседовал с Яговым([21]) относительно подводной блокады. Ягов заявил, что это не блокада, а лишь уведомление о том, что определенные зоны будут представлять опасность после восемнадцатого февраля, подобно тому, как опасны прогулки нейтральных между двумя вражескими траншеями. В настоящий момент, говорит мистер Морган, не может быть и речи о том, чтобы Германия сдалась. Когда он указал Ягову на то, как опасно провоцировать американское общественное мнение, подвергая опасности жизнь и собственность американцев, Ягов ответил, что Германия никого не боится и решила прибегнуть ко всем тем мерам, которые смогут нанести ущерб Англии, невзирая на последствия, вытекающие из этих мер для нейтральных. В Германии, думает м-р Морган, господствует взгляд, будто Америка уже сейчас старается сделать Германии как можно больше вреда, и что объявление войны с ее стороны не ухудшило бы положения, так как Америка не может добраться до Германии; вместе с тем она уже сейчас снабжает Францию и Англию оружием и военной амуницией, не настаивая, однако, на посылке продовольствия в Германию. Все свое внимание Германия обращает в настоящее время на восточную границу; немцы надеются разбить русских, а затем они намерены атаковать франко-британскую линию. По мнению м-ра Моргана, немцы начинают чувствовать тягостность приостановки продовольственного снабжения, которую они сами на себя навлекли безрассудным объявлением подводной блокады. М-р Морган является корреспондентом нью-йоркского «Metropolitan Magazine».

17 февраля. Делькассе очень смущен тем обстоятельством, что министр Самба присоединился к резолюции социалистической конференции в Лондоне:([22]) это может повлечь за собою реконструкцию кабинета. Гед не участвовал в конференции. Извольский, которого я видел сегодня, в бешенстве по поводу выступления Самба. Акции социалистов понизились в настоящее время, и их легко можно удалить из кабинета, не вызывая

никакого движения в стране. Вчера я обедал в Кафе-де-Пари, где я не был уже несколько лет. Кафе было полным-полно. Много демимонденок, среди них некоторые со спутниками в хаки. Огни были погашены ровно в десять часов вечера. Кафе-де-Пари в настоящий момент самое людное место. Изредка довольно занятно посмотреть на *нравы* военного времени, но для меня нет ничего более раздражающего, чем ночные сборища; я предпочитаю покой Ритца, если не обедаю дома. *Ни одно* из балканских государств не намерено выступить. Каждое по очереди заявляет: «Прошу вас, извините меня». Мотивировка — или «у нас нет оружия», или «мы не можем выступить, пока не выступят соседи», или «момент еще не настал», или «то, что вы предлагаете, недостаточно». Они ожидают решительной победы той или иной стороны — вот как в действительности обстоит дело. Все они хотят шантажировать друг друга и нас.

21 февраля. Меня тревожит, что наши офицеры и солдаты ведут себя слишком непринужденно в занимаемых ими квартирах. В замке Жоннара в Па-де-Кале офицеры индийских полков выпили все вина и старую водку, а погреб у Жоннара был превосходный; они даже приглашали его самого обедать и пить свои собственные вина! а их ординарцы вбивали гвозди в тонкую деревянную обшивку стен, чтобы вешать одежду своих господ. Жоннар не жаловался, но эти акты возмутительны; мы называем немцев, которые так поступают, разбойниками и бандитами, и мне становится стыдно.

22 февраля. Морской атташе вернулся из Средиземного моря; моряк в восторге от перспективы разгрома дарданелльских фортов и занятия Константинополя. Если это случится, то произойдут большие изменения. Болгария, Греция и Румыния, как голодные волки, бросятся на умирающего турка, чтобы отхватить себе клочок, а турки повернут фронт и предадут своих друзей—гуннов. Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах москвичей в отношении Константинополя и проливов между Черным и Средиземным морями. Боюсь, что Грей в этом вопросе не занимает такой твердой позиции, какой я желал бы; я имею в виду интернационализацию по принципам режима Суэцкого канала: это не удовлетворило бы Извольского и его хозяина. Наше новейшее и крупнейшее судно «Королева Елизавета» в Дарданеллах; у нас там очень крупные силы.

Сюда занесена из Лондона сплетня о происходившем недавно «избиении» адмиралов, среди которых некоторые, но не все, невиновны; по этому поводу много ворчат.

24 февраля. Я давно подозревал поползновения Франции на Рейн, как границу с Германией, а также вожделения ее по части Сирии. Все это было подтверждено Делькассе в академической беседе сегодня вечером: Франция займет Майнц, Кобленц, Кёльн; Бельгия — Аахен. Сирия не представляет ценности, заявил он. Когда я спросил, почему же стремятся ею завладеть, он ответил, что здесь играют роль сентименты. Я не думаю, чтобы он знал о размерах русских претензий в отношении Константинополя и проливов.

Он высказал предположение, что мы, как всегда, захотим все взять себе, и спросил, что я готов предоставить Франции. Я ответил — Эльзас-Лотарингию и все, что не понадобится нам самим!

Он согласен, что было бы безрассудно оставить Гельголанд в руках Германии. Сегодня вечером я виделся с Титтони. Я заметил, что если Италия не выступит в ближайшем же будущем, то для нее может не оказаться добычи; он ответил, что имеются трудности, которые предстоит преодолеть, и он надеется, что это удастся. Трудности заключаются в недостатке вооружения и внутренних разногласиях. Делькассе говорит, что Италия располагает армией в 700 000 солдат, и что, как только Франция, Англия и Россия приблизятся к Константинополю, Болгария, Румыния и Италия захотят быть с нами, как с побеждающей стороной.

26 февраля. По нынешним временам ни о чем нельзя говорить. В «*свете*» только и говорят, что о балканской военной экспедиции Франции и Англии. Поговаривают о присоединении канадских и египетских войск к французской армии. Если это так, то следовало бы сделать это поскорее, чтобы форсировать выступление Болгарии и Румынии. Здесь все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы московит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Март 1915 года.

2 марта. Делькассе сказал мне сегодня утром, что Германия делает энергичные попытки оторвать Россию от ее союзников; он говорит, что это ей не удастся. Однако, я отмечаю некоторую нервность, которая усилится, если Россия будет недовольна позицией Франции и Англии поконстантинопольскому вопросу.

5 марта. Я встретил Извольского, ожидая на приеме у Делькассе. У Извольского и его хозяина закружились головы — надутые головы, надутые ноги, все надутое. Общественное мнение будет выдвигаться в России в качестве оправдания всякого рода нелепых требований, что восстановит против России Румынию, Болгарию, Грецию, Италию и, как *мне* думается, общественное мнение в Англии и Франции.

6 марта. Известия о Дарданеллах благоприятны. Комичное зрелище — небольшое русское судно в Средиземном море, присоединившееся к крупным бомбардирующим судам Англии и Франции только для того, чтобы засвидетельствовать свое присутствие.

12 марта. Мне передают, что некоторые из наших высокостоящих военных сомневаются в успехе нашей атаки на Дарданеллы, если она не будет поддержана *крупными* сухопутными силами.

14 марта. Во время продолжительной вечерней прогулки в Во я имел беседу с Мёррей-оф-Элибанком. По его сведениям, делаются подозрительные шаги к организации партии, которая будет настаивать на заключении мира раньше, чем война будет доведена до конца; в состав ее войдут пацифисты, германофилы, квакеры и часть рабочей партии; член парламента Томас ([23]) используется правительством для противодействия этому движению.

20 марта. Дела под Дарданеллами идут не так хорошо, как мы надеялись: течение очень сильно, и пловучие мины, пускаемые немцами, представляют новую опасность, против которой еще не найдено надлежащее средство.

27 марта. Делькассе сделал в комиссии палаты по иностранным делам сообщение по вопросу о Константинополе и проливах; ничто не держится здесь в тайне так же, как и в Лондоне. О дарданелльской экспедиции было известно только узкому

кругу лиц, но Луи Малле услышал о ней во время обеда от Луи де-Ротшильда, узнавшего эту новость от Альфреда де-Ротшильда, который, в свою очередь, мог подцепить ее во время ежедневных своих визитов к Китченеру в военном министерстве на Даунинг-Стрит 10. Секретов сейчас не существует. Я знаю только одну женщину, которая не болтает.

28 марта. Мне сообщили подробности о разъяснениях, сделанных в комиссии по иностранным делам. Более чем неделю тому назад Делькассе сообщил комиссии, что Франция «приняла формальные обязательства» по отношению к России и ее желания касательно Константинополя. Комиссия высказала признаки серьезного недовольства. Два члена комиссии, из них один — Дени Кошен, заявили решительный протест — последний, быть-может, отчасти с точки зрения католика — против того, чтобы св. София оказалась в руках православных. Делькассе указал тогда, что Франция получит Александретту! Грею приписывают следующие слова, якобы сказанные им Камбону, когда вопрос этот обсуждался между ними: «Но вы, ведь, не станете требовать от меня признания Александретты за часть Сирии?». Осенью Делькассе говорил депутатам о Палестине, но в последний раз он не упоминал о ней; из этого депутаты заключили, что Россия ставит препятствия в этом пункте. Предполагают, что во время посещения президентом республики Петербурга, в июле 1914 г., русскому правительству дана была надежда, и, быть-может, больше чем надежда, что французское правительство не будет возражать против передачи Константинополя во владение России. Многие французские общественные деятели ожидают, что Англия станет возражать против того, чтобы британские и французские силы заняли Константинополь раньше русских, для гарантии хорошего поведения России. Здесь существует авторитетное мнение, что имея, Россию на Кавказе, на Босфоре и на северном конце Багдадской железной дороги, Англия окажется выданной на произвол России в Месопотамии.

Сазонов обнаруживает полную меру глупости. Он воображает, что победа русских под Перемышлем делает его диктатором.

29 марта. Сегодня утром здесь был Эшер. Он намерен посетить Френча в субботу. Он рассказывает, что английские рабочие, занятые в производстве снарядов, так высоко оплачиваются, что отказываются работать более четырех дней в неделю. Я боюсь, что запрещение крепких напитков может

вызвать беспорядки. Положение очень затруднительно. Найдет ли в себе правительство смелость, чтобы принять *временную* воинскую повинность, дабы мобилизовать и подчинить военным законам непокорных рабочих? При таких затруднениях, какие мы теперь переживаем, принципы должны быть выброшены за борт, несмотря ни на какие издевательства политических противников.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Апрель 1915 года.

2 апреля. Итальянские газеты публикуют цену, которую Италия хочет и рассчитывает получить за свою честь. Оттеснить Австрию от Адриатического моря значило бы толкнуть ее в объятия Германии или какого бы то ни было иного государственного образования, которое окажется на месте Германии после войны, и в то же время выдать ее на милость России, так как, вместо прямого выхода к морю, у нее останется лишь выход в Черное море через Дунай или путь через Германию к Балтийскому и Северному морям, если ей только не будет предоставлено право прохода в Триест через итальянскую территорию. Мне думается, что было бы очень ошибочно доверять России и Италии и сделать первую владычицей Черного моря, а вторую сильнейшей державой в Адриатике.

7 апреля. Я получил от Делонкля, — он не играет сейчас политической роли, но знает, что говорят в публике, — меморандум о Константинополе и проливах. В нем говорится: «Недостаточно подготовить и завоевать победу дорогой ценой, но надлежит обеспечить ее будущее. Между тем, забота об этом будущем, повидимому, со слишком легким сердцем откладывается руководителями общественного мнения. Тезис союзнической прессы заключается в том, что следует разрушить германскую империю, создать государство польское из части Восточной Пруссии и Силезии, из русской Польши и Галиции, вернуть Триест и Трентино Италии, увеличить Сербию, дав ей Боснию и Герцеговину, Хорватию и Далмацию вплоть до Триеста, и по исправлении границ Румынии, Болгарии, Сербии и Греции, *оставить Константинополь России*».

Обсудив вопрос об образовании Польши и стоящие на этом пути трудности, он говорит: «Беспокойство возрастает, когда видишь,

что святейший синод близок к осуществлению своих давних мечтаний о проникновении на Западе, посредством Сербии, до Адриатики, и на востоке — до Константинополя».

Он протестует во имя цивилизации против позора, каким явилось бы господство синода над Полой и Стамбулом, нашествие славян на Адриатику, греческий крест на воротах Рима и Россия, в роли владычицы Константинополя господствующая над Румынией, Болгарией, Грецией и Анатолией, проникающая вплоть до святых мест, угрожающая Суэцкому каналу и держащая в своих руках два пункта Багдадской железной дороги, т.-е. Скутари в Малой Азии и Кавказ. Вся работа Англии и Франции на Западе оказалась бы бесцельной, не было бы более свободного Средиземного моря, и пришлось бы совместно с остатками Германии ковать новое оружие против гегемонии, которую трудно было бы одолеть.

Далее он говорит о необходимости противодействовать замыслам св. синода. «Будет ли Восток русским или международным?» Так стоит вопрос. Международный режим был бы осуществлен Англией, Францией и Россией совместно; две первые державы смогли бы установить по своему усмотрению режим справедливости, потребовав после совместного занятия Константинополя совместного же управления как в Константинополе, так и в Иерусалиме, создания в Адриатике государства, гарантирующего против св. синода, и, наконец, восстановления действительно независимой Польши.

«Ради такого дела готовы притти в движение все либеральные и революционные силы Европы. Неужели Англия здесь впервые не окажется во время на месте???»

8 апреля. То тут, то там, и вообще повсюду, Винстон Черчиль поступает опрометчиво: его импульсивность — прямое несчастье. Как мне передают, недавние действия судовой артиллерии против Дарданелльских фортов произвели на него такое сильное впечатление, что он готов был приказать бомбардировку Гельголанда и Куксгавена, совершенно забывая о том, что там имеются германские суда для поддержки обороны берегов, тогда как у турок нет ничего сколько-нибудь значительного, за исключением надувательских «Бреслау» и «Гёбена».

9 апреля. Превосходно будет, если изданное королем запрещение «пить» во дворце приведет к большей умеренности в этом отношении среди рабочего люда. Но мне кажется, что

опасной и глупой была бы попытка прекратить законодательными или административными мерами потребление питей — считая и пиво — рабочими. Это вызвало бы очень сильное недовольство, если не больше. Более того, в силу привычки и, в некоторых случаях, в силу конституциональных особенностей алкоголь в той или иной форме или пиво почти что необходимы. Если сокращение пьянства абсолютно требуется интересами национальной безопасности, и питейные дома должны быть закрыты, то на нанимателей рабочих следовало бы возложить обязанность выдавать ограниченное количество питей тем рабочим, которые потребуют этого, и вычитать стоимость этих питей из заработной платы.

15 апреля. Люди, приезжающие из Англии, передают о царящем там угнетенном настроении; здесь господствует твердая уверенность.

17 апреля. Вечером я встретился за обедом с Пирпонтом Морганом. Я узнал от него, что полковник Гауз ([21]) понимает, что еще не наступило время для американского вмешательства. Присутствовавший на обеде м-р Гаррет заметил, что если бы скупили весь урожай хлопка в Соединенных Штатах, то это обошлось бы нам меньше, чем одна неделя войны, и явилось бы хорошим помещением капитала в двух смыслах: мы лишили бы Германию средств для производства взрывчатых веществ и имели бы запас для собственного потребления или продажи после войны. Титтони говорит, что Италия готова присоединиться к нам.

27 апреля. Сегодня утром я встретился с Русполи. Я спросил его, как он себя чувствует; он посмотрел удивленно, так что мне пришлось сказать: «быть-может я ошибся, но я думал, что вы не спали сегодня ночью!». Я полагаю, что он очень глуп, — ведь, он не может не знать, что с Италией дело сделано.

Я видел Делькассе сегодня днем. Все либо хотят больше, либо отказываются от своих обещаний: аппетиты Румынии выросли, сербы, в виду плохого поведения Болгарии, берут обратно свои обещанные уступки Болгарии, которая хочет больше, чем кто-либо согласен ей дать. Греки говорят, что если мы хотим их присоединения, то должны быть готовы предоставить 400 000 человек или больше! Между тем Греция подбивает сербов напасть на Далмацию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Май 1915 года.

2 мая. Стид, редактор иностранного отдела «Таймса», посетил меня сегодня утром.

Стид, который хорошо знает Адриатическое побережье, — он был корреспондентом «Таймса» в Вене, — говорит, что из территорий, требуемых Италией, только западное побережье (вернее узкая полоса) Истрии населено итальянцами, все же острова и Далмация, а также большая часть Истрии имеют хорватское население и язык.

В Лиссе есть небольшая итальянская колония, состоящая из рыбаков. Для обоснования своих претензий итальянцы восходят к временам республики Венеции (600 лет тому назад) и даже к писаниям Плиния! Если Италия получит то, чего она добивается, то это будет основано не на национальных, а на чисто стратегических соображениях. Если Австрия будет разумна, говорит Стид, то в момент, когда неизбежность войны станет очевидной, она освободит хорватских вождей, находящихся в заключении с начала войны: хорватские части австрийской армии охотно будут драться с итальянцами, которых они ненавидят гораздо больше, чем своих нынешних правителей. Несколько времени тому назад австрийцы считали войну с Италией неизбежной. Австрийские позиции на итальянской границе потребуют со стороны атакующих немалого труда, быть-может, превышающего силы итальянской армии. По мнению Стида, Делькассе в отчаянии от общего положения, а Жоффр и Френч сердятся, что им урезывают подкрепления ради дарданелльской экспедиции.

Мортира, бомбардировавшая Дюнкирхен, находится от этого города на расстоянии $22^1/_2$ миль!

5 мая. Немцы утверждают, что они приближаются к Риге со стороны Либавы; русский военный атташе, с которым я встретился вчера вечером за обедом, назвал это набегом в форме кавалерийского рейда, который не имеет военного значения и не приведет ни к чему. Я подозреваю, что дела обстоят не совсем удовлетворительно как в этом случае, так и в Галиции. Все союзники in spe занимают позицию, которую можно выразить словами: «Прошу уволить меня, если вы не пообещаете

гораздо больше, чем я просил несколько времени тому назад». Все они мастера петь и все они подозрительны, и не без основания.

8 мая. Италия бесповоротно решила отдать свои прелести своим поклонникам, но, подобно Ромео и Джульетте, она не дает до сих пор *определенного* ответа на вопрос «когда и где».

Как будет реагировать правительство Соединенных Штатов на новейшее преступление гуннов — на потопление «Лузитании»? ([25]) Мы здесь еще не знаем, сколько человек было потоплено и сколько среди них американцев. Хотелось бы знать, пойдет ли Вильсон дальше протеста против потопления американцев, находившихся на «Лузитании».

9 мая. Я не думаю, чтобы война между Соединенными Штатами и Германией дала нам какое-нибудь преимущество, так как американцы не в состоянии еще активно помочь на поле сражения, а между тем они стали бы добиваться участия в установлении условий мира.

14 мая. Повидимому, Джиолитти намерен свергнуть кабинет в Италии. Он считал себя незаменимым, когда покидал свой пост, и не может вынести мысли, что Италия предпримет что-либо серьезное без его участия: помимо того, вероятно, что он подкуплен Бюловым. Он надеется, что располагает большинством в парламенте, и что голосование произойдет в согласии с его желаниями. Между тем, агитация и демонстрации в пользу войны в разных местностях Италии могут послужить предметным уроком для палаты и заставить ее поплыть по течению: если принято будет предложение министерства воздержаться от войны или вотум палаты против войны, то что останется от обещаний и подготовки к войне? ([26])

21 мая. Военный корреспондент «Таймса» своими разоблачениями неверных сообщений Китченера относительно достаточности снарядов, как видно, вызвал кризис кабинета.

Я опасаюсь, что политика Винстона будет продолжаться в кабинете. Здесь против него имеется серьезное недовольство из-за того, что он начал морскую атаку Дарданелл, не имея достаточно военных резервов. Французский адмирал, командующий флотом в Адриатическом море, согласился дать в виде подкрепления лишь несколько старых судов, так как считает все предприятие необдуманным и весьма рискованным.

24 мая. Итак, Италия *находится* в состоянии войны. Король объявил об этом вчера.

26 мая. Я опасаюсь, что русским недостает амуниции. Великий князь — главнокомандующий отказался в первые дни войны от предложенных ему 5 000 000 снарядов под предлогом, что в конце войны окажется излишек. Сейчас он не знает, откуда их взять. Теперь он уполномочил Китченера получить то, что следует, из Америки, но на это уйдет время. Мы, повидимому, обречены на вторую зимнюю кампанию.

28 мая. Дело, по которому обращался ко мне Мильеран, заключается в следующем: Ллойд-Джордж хочет, чтобы Тома, депутат-социалист, недавно назначенный на должность субсекретаря по наблюдению за производством военного снаряжения, отправился в понедельник в Лондон, в сопровождении военного директора артиллерийского управления и г. Рено, чтобы научить там привлечению частных промышленных заведений к производству снарядов. Такая просьба не может быть оправдана: недель пять или шесть тому назад комиссия Ллойд-Джорджа, в целях получения информации по этому поводу, послала двух джентльменов для обследования; им были предоставлены все льготы; они посетили предприятия Рено и другие частные заводы, получили все необходимые сведения и вернулись вполне удовлетворенные. Теперь Ллойд-Джордж «по-русски» хочет начать дело сначала и оторвать людей от их работы во Франции. Мильеран, естественно, не может обойтись без французов, о которых идет речь: чиновники не могут бросить свою работу, а Рено должен ежедневно участвовать в совещаниях по обороне в военном министерстве. Если Ллойд-Джордж и его комиссия не удовлетворены информацией, доставленной гг. Нуаром и Лобнитцем, то они могут прислать других экспертов, которым будут здесь предоставлены все льготы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Июнь 1915 года.

1 июня. Ни Румыния, ни Греция, как видно, не намерены выступить сейчас; мы не одержали еще достаточного успеха у Дарданелл, чтобы подбодрить их, а отступления и поражения русских было достаточно, чтобы их обескуражить.

Мне передают, что «в надлежащий момент» Винстон Черчиль докажет, что не он ответствен за дарданелльский план и его неудачу.

24 июня. До меня дошли слухи, что в некоторых провинциях народ ропщет, требует мира, и контролеры в некоторых крупных предприятиях предсказывают революцию, если мир не будет заключен. Я произвел обследование в ряде мест и узнал, что кой-где крестьяне ворчат из-за недостатка рабочей силы для сбора хлебов, но что хлеб все-таки будет собран, отчасти женщинами и детьми. Слухи, распускаемые заводскими контролерами, рассматриваются как пустая болтовня. Наша политика по отношению к балканским государствам оказалась сплошной блестящей неудачей.

27 июня. Я отказался от поездки в Диепп, так как на Валентина Чайроля возложена специальная и секретная миссия в Афинах, Нише, Бухаресте и Софии, и я должен повидаться с ним в субботу, чтобы разъяснить ему точку зрения Франции, которая соответствует постоянно меняющейся позиции России. Грей считает, что постоянно возрастающие предложения принуждают малые государства сойти с безопасных высот нейтралитета в долину битв и риска. На мой взгляд, они не сдвинутся с места раньше, чем мы займем проливы и Константинополь, а русские начнут продвигаться, вместо того, чтобы отступать.

29 июня. Вчера был здесь Эшер; я не видел его — настроен он очень пессимистично. Он объехал армии и после того стал говорить даже о возможности возвращения посольства на осенние квартиры. Он считает, что прорыв нашего расположения превосходными силами немцев вполне возможен. Кого можно упрекнуть за это? Очевидно, никого из членов кабинета. Делькассе очень обеспокоен военным и политическим положением. В России газеты ревут о недостатке помощи со стороны Франции и Англии!

30 июня. Что делает Болгария? Она осведомляет Германию и Австрию о тех предложениях, которые ей делаются со стороны четверного Согласия. Фердинанд радуется каждому поражению России и содрогается при каждом успехе западных держав: за последнее время ему мало от чего приходилось содрогаться. Румыния до сих пор остается в нерешительности и ждет, чтобы Россия повысила цену.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Июль 1915 года.

2 июля. Французы настроены критически по отношению к нам. Нас считают ответственными за дарданелльскую неудачу, что безусловно верно. Мы потеряли страшно много людей и несколько судов. Французская публика считает, что мы занимаем недостаточно большую часть фронта и что мы недостаточно активны; даже в правлении компании Суэцкого канала делались саркастические замечания по поводу того, что Френч спокойно живет в комфортабельном доме, уделяя часть своего времени уходу за цветами! По стране прокатывается волна пессимизма, так как ожидания, что война закончится самое позднее осенью, оказались необоснованными, и публика видит неизбежность еще одной зимней кампании в траншеях, при этом, весьма вероятно, *не* на германской территории. Для некоторых это является очень большим разочарованием; нужно найти козла отпущения — почему бы не в лице Альбиона? Он не торопится закончить войну, прежде чем приняты меры для захвата германской торговли, так говорят жалующиеся французы! Не думаю, чтобы могло последовать с нашей стороны сколько-нибудь серьезное наступление во Фландрии, пока не выяснился окончательно успех или неудача дарданелльского предприятия.

4 июля. В высоких кругах здесь начинают поговаривать о *политической* необходимости победы для поднятия духа публики, так как перспектива провести зиму в траншеях угнетающе действует на общественное мнение и вызывает проклятия со стороны малодушных. Нас считают ответственными за фиаско в Дарданеллах, так как Винстон Черчиль уговорил Оганьера участвовать в экспедиции, план которой не был надлежащим образом продуман. Нам нужен крупный успех в Дарданеллах, чтобы обеспечить наше положение в Египте и в Индии; французам нужна победа во Фландрии, чтобы обеспечить положение кабинета и репутацию Жоффра. Боюсь, что оба эти стремления могут привести к поспешным действиям.

Болгария делает то же, что и остальные: ждет, чтобы увидеть, какая сторона является более вероятной победительницей, и сколько можно путем обещаний вырвать у каждой из них. Если бы *мне* пришлось решать вопрос о линии поведения России, то я посоветовал бы отдать Бессарабию Румынии, пообещать ей Буковину,

Трансильванию и от Баната столько, сколько она сможет усвоить. Судьба Константинополя, Босфора и Дарданелл должна быть решена всеми заинтересованными державами совместно, т.-е. Россией, Румынией и Болгарией, как прибрежными государствами, и Англией, Францией и Италией. Греция вела себя недостаточно хорошо, чтобы и ее привлечь к совещанию. Грецию мы можем держать в руках при помощи наших морских сил. Впрочем, Россия всегда уступает слишком поздно, когда уступки не имеют уже цены.

6 июля. Господин Мак-Кормик, совладелец и главный редактор «Чикаго Трибюн», повидимому, не рассчитывает на то, что удастся вторгнуться в Германию и нанести ей решительное поражение, и полагает, что все бои на севере Франции и на русском фронте окончатся как бы в ничью. Что касается поставок оружия и военного снаряжения союзникам со стороны Соединенных Штатов, то он опасается, что американским немцам и нанятым ими газетчикам, быть-может, удастся добиться запрещения вывоза оружия и т. д. Поднимется агитация и крики, что безнравственно снабжать союзников средствами для убийства немцев. Я сомневаюсь, чтобы американскую публику можно было убедить отказаться от прибылей, даваемых поставками оружия и т. д. Такого рода поставки являются вполне законной торговлей для отдельных лиц, рискующих тем, что их оружие и т. д. может быть перехвачено кем-либо иным из участников войны.

8 июля. Вчера я видел одного румына, только что прибывшего из Бухареста, кузена здешнего посланника и Лаговари, вождя части консервативной партии. Он заявил себя решительным сторонником выступления Румынии совместно с нами, при условии, что последние предложения России будут гарантированы остальными союзниками; однако, Румыния не может одна противостоять удару австро-германского наступления. Россия должна быть готова принять участие во вторжении в Австрию, чего она в настоящее время, повидимому, не в состоянии сделать. В первый период войны, когда Россия с успехом вторглась в Австрию, но в то же время нуждалась в помощи со стороны Румынии, она с пренебрежением относилась к румынским условиям, теперь, попав в тупик, она становится благоразумнее и, повидимому, готова уступить то, что ей на деле вовсе не принадлежит, — Буковину, Трансильванию и Банат. Однако, после опыта 1877 г. ([27]) для Румынии были бы желательны лучшие гарантии, нежели слово России.

9 июля. Уволенный управляющий заказами военного министерства допрашивался относительно недостатка орудий; его спросили, между прочим, почему он отменил крупный заказ, данный Шнейдеру. Он ответил, что налицо было слишком много орудий, и что нет смысла снабжать ими полевую армию, так как они разрываются при употреблении! Эти показания он дал в заседании финансовой комиссии палаты. 5000 орудий были захвачены немцами.

13 июля. Сплетня, рассказанная мне сегодня одним русским, утверждает, будто герцог Гессенский отправился в Россию: предполагают, что он намерен сделать попытку отвлечь своего шурина от франко-британского согласия, что дало бы возможность заключить мир между Германией и Россией.

14 июля. Итальянцы надеются, что не будет второй зимней кампании, это довольно смешно! Они не объявили войны ни Германии, ни Турции, по причинам, известным им одним; тем временем, в виду отсутствия состояния войны с Германией, немцы ездят в Италию и обратно, сколько им угодно. Есть опасения, что австрийцы ворвутся в Италию.

17 июля. В свете ходят слухи, что отношения между Извольским и Сазоновым натянуты: говорят, что недавно Извольский указал Сазонову на целесообразность пойти на крайние требования Румынии, чтобы заручиться ее военной поддержкой. Один раз в жизни он оказался правым, но Сазонов посоветовал ему помнить, что он не является министром иностранных дел, и заниматься своим делом.

Забастовка углекопов в Уэльсе ([28]) приобретает очень серьезный характер. Что может сделать правительство и что оно сделает? Как покрыть крупный ежедневный убыток? Нельзя же засадить в тюрьму тысячи людей, даже в том случае, если бы невыработка каралась тюремным заключением, и в то же время вы не можете заставить людей работать. Если бы углекопы из соседних округов захотели бы работать в Южном Уэльсе, что мне представляется очень сомнительным, то дело, вероятно, дошло бы до сопротивления и кровопролития. Смогло ли бы правительство справиться с такой ситуацией, приказать солдатам стрелять по забастовщикам? Я в этом сомневаюсь.

21 июля. Русские, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились; они продолжают до сих пор говорить: «этого мы не хотим, то нам нужно, этого мы не позво-

лим и т. д.». Несколько месяцев тому назад они относились к Румынии с пренебрежением, а теперь румыны не хотят сдвинуться с места. Когда русские возобновят наступление, румыны с удовольствием присоединятся к ним, пока же они будут выжидать.

22 июля. Падение Варшавы представляется почти неизбежным, и, в лучшем случае, можно надеяться на то, что русская армия не будет окружена немцами. Извольский очень угнетен.

25 июля. Донэ, член одной из комиссий сената по иностранным делам, сказал вчера Ли, что единственной причиной отсрочки подписания соглашения с Румынией является неуверенность относительно возможных событий в России. Имеются сведения о том, что движение в пользу мира растет в России; здесь, несомненно, есть беспокойство о судьбе русской армии на фронте, а также о событиях внутри России, где, как предполагают, разрастается революционное настроение. По смыслу соглашения, подписанного 4 или 5 сентября, Россия не может заключить мира отдельно от союзников, но некоторые думают, что Россия может отнестись к этому соглашению «по-немецки», как к клочку бумаги.

26 июля. Британский офицер, возвращающийся домой с Дарданелл, говорит, что мы сможем форсировать их в сентябре месяце, если нам удастся приостановить провоз оружия и т. д. в Турцию через Румынию и Болгарию.

Мне передают, что большое количество оружия и снаряжения прибыло в Россию. Однако, если не считать германского сообщения сполна ложным, то оказывается, что русские потеряли и продолжают терять огромные количества запасов во время отступления под давлением германских армий. Французы не верят в возможность русского наступления через несколько месяцев, и они также угнетены и разочарованы медленными успехами под Дарданеллами. Я не могу поверить, чтобы Америка стала воевать против кого-либо. Вильсон будет писать высоко-моральные ноты, одинаково неприятные для Германии и для Англии; однако, он должен быть в хороших отношениях с гражданами, заинтересованными в хлопке, и если бы мы объявили хлопок абсолютной контрабандой, мы нанесли бы ущерб интересам хлопководов, и Вильсон смог бы отплатить нам приостановкой вывоза оружия и снаряжения — под предлогом, что они нужны Америке для собственного употребления. Мы не

можем установить действительной блокады Германии из-за германского подводного флота, а американцы утверждают, что поскольку продолжаются торговые отношения между Скандинавией и Германией, фактически блокада Германии не существует, и что мы не имели права препятствовать торговле между двумя или несколькими нейтральными государствами, т.-е. между Америкой, Норвегией, Данией и Швецией, даже в том случае, если товары, выгруженные в одном из этих нейтральных государств предназначены к отправке в Германию. Правда заключается в том, что Америка ведет превосходную торговлю одной частью товаров и сокращенную — другой, и она хочет вести превосходную торговлю всеми товарами так, чтобы одна отрасль торговли не имела преимущества за счет другой: она хочет иметь свой пирог и кушать его спокойно. Быть-может, нам следует сделать какие-нибудь приготовления для скупки части будущего урожая хлопка; затруднения заключались бы в установлении количества и цен, так как потребление хлопка, за исключением военного, уменьшается во всех странах, ведущих войну. Взять ли нам хлопок в размере нормального потребления Германии и Австрии или весь американский излишек? Они говорят много вздора по поводу свободы морей; между тем, во время войны между Северными и Южными Штатами, Север объявил южный хлопок контрабандой. Была объявлена блокада побережья на протяжении около 3000 миль. Недовольство нами, господствующее в части французской публики, о котором сообщают некоторые люди, и которое распространяется сплетниками, преимущественно женщинами и бездельниками-мужчинами, не обосновано; но здесь считают, что мы могли бы занимать большую часть фронта во Фландрии, что мы делаем хорошие торговые дела, тогда как у французов дела идут плохо: козел отпущения — превосходное животное и оно особенно излюблено французами.

28 июля. Сегодня днем я видел поляка, только что прибывшего из Варшавы, где все еще господствует уверенность в военном отношении, но вместе с тем растет негодование и разочарование из-за невыполнения русским правительством обещаний, содержащихся в воззвании великого князя Николая, а также злоба по поводу нашествия на страну целой орды попов, которые пичкают поляков-католиков русским православием. Он сообщил, что последние перемены в составе русского правительства, а именно отставка министров — юстиции, внутренних дел

и обер-прокурора святейшего синода может привести к кой-каким хорошим результатам, так как они заменены либералами.

29 июля. Грей и Делькассе, думается мне, должны начать понимать, что я не слишком ошибался относительно Сазонова: он опасен и упрям, у него нет остроты, и он крайне близорук; если Грей и Делькассе не возьмут его за уши и не встряхнут его, то он всех нас вовлечет в серьезные затруднения.

30 июля. Эдмонд де-Ротшильд рассказал мне вчера, что евреи в России подвергаются страшным мучениям: двести пятьдесят еврейских местечек разрушено, и пятьсот тысяч евреев скитаются бездомно. Он очень угнетен вообще и неуверен даже в окончательной победе. Он считает, что немецкая организация слишком превосходит плохую организацию у нас; он опасается, что Россия, несмотря на обязательства, принятые ею 5 сентября, заключит сепаратный мир с Германией.

31 июля. Сегодня утром здесь был по пути из Афин в Лондон дипломатический курьер Гиндлин. Он говорит, что король, его жена-немка и весь антураж, равно как военный штаб, настроены германофильски. Греки в бешенстве по поводу нашего вмешательства в их выгодную контрабандную торговлю с Турцией через Болгарию.

С балканскими государствами дело обстоит попрежнему: «Прошу меня избавить». Нет ничего удивительного, что они ожидают возобновления русского наступления, а когда это будет?

Несмотря на поражения, русские остаются заносчивыми и обнаруживают упрямство и величайшую близорукость. Здесь нет признаков ослабления решимости итти до конца с немцами; французы надеются на нашу выдержку как в политическом, так и в военном отношении, но мы должны не ослаблять блокады.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Август 1915 года.

1 августа. «Petit Journal» возвращается к вопросу об участии Японии в военных действиях в Европе для поддержки союзников. Газета говорит, что участие Японии должно было бы быть гораздо более значительным, и что сотрудничество ее в Европе несомненно могло бы быть достигнуто. Японцы

не хотели посылать войска, а здесь возникла мысль, что мы, преследуя собственные тайные цели, отговорили японское правительство притти на помощь Европе. Можно себе представить, что это было бы за предприятие — отправить на французский театр военных действий морем пятьсот тысяч человек, снабжать их в течение всей войны всем необходимым, подкреплениями и т. д. Другая мысль заключалась в том, чтобы Япония на суше пришла на помощь России. В результате их появления в Европе по всей Азии распространилась бы версия, что желтая раса явилась единственным средством спасения Англии.

2 августа. Достигнуто соглашение о принятии нами на себя еще 15 миль фронтовой линии с прослойкой французских войск. Я сомневаюсь, чтобы можно было, как думают некоторые, убедить болгарского короля взяться за оружие в интересах держав Антанты, а если он останется нейтральным, то он будет пропускать к германо-туркам оружие, идущее через Румынию, если эта страна будет его пропускать, из Австрии, Германии и из Дедеагача, если мы не приостановим доставку оружия в этот порт морем со стороны Адриатики, Греции, Испании и, быть-может, Америки. Если Болгария останется нейтральной, несмотря на лесть держав Антанты, то, думается мне, мы бросим наши сомнения относительно перехватывания оружия и т. д., как бы ни протестовал против этого король.

Французы ненавидят дарданелльскую экспедицию, они возлагают на нас ответственность за начало этой экспедиции, предпринятой, как думает публика, для спасения нашей позиции в Индии и в Египте; но французы не хотят теперь отступать, так как их положение в Марокко было бы сильно поколеблено неудачей в борьбе против турок. Французское правительство сознает теперь, что было вовлечено в экспедицию, план которой оно неосновательно считало вполне продуманным британскими военными и морскими экспертами.

9 августа. Мы думали, что Дарданеллы будут форсированы в короткий срок, и что затем мы поведем за собою — по пути в Сербию, в Будапешт и в Вену — Грецию, Болгарию и Румынию; этот расчет оказался неправильным, но я считаю, что поскольку мы пустились в дарданелльскую экспедицию, мы должны довести ее до конца ради сохранения нашего кредита и позиции в Индии, Египте и на Балканах. (29)

Завтра утром я приму г. Эпльтона (секретаря Генерального совета трэд-юнионов) вместе еще с двумя представителями рабочих организаций, гг. О'Грэди и Круппона. (30) У них есть рекомендация от Роберта Сесиля, и они прибыли с поручением по адресу некоторых французских рабочих организаций.

12 августа. Рабочие лидеры сделали мне сегодня визит; они были удивлены склонностью части французских рабочих прикрашивать дело Кайо-Кальметта; (31) эту склонность они приписывают влиянию германских агентов. Сами они, т.-е. британская рабочая партия и трэд-юнионы, откладывают все вопросы, в которых они специально заинтересованы, до тех пор, пока немцы не будут вытеснены из Франции и Бельгии, и им хотелось бы по этому вопросу сговориться со своими французскими товарищами. Главной квартирой агитаторов среди рабочих был Берлин; британская партия хотела бы перенести центр в другое место,— но куда? Амстердам слишком немецкий город, равно как и Берн, где силен германский элемент.

13 августа. Господа из трэд-юнионов хотят посетить британский фронт, чтобы получить из первых рук и сообщить своим товарищам сведения о положении, о настроении солдат, об их взглядах на внутреннюю политику и, наконец, о состоянии, в которое страна приведена германской оккупацией! Британская главная квартира встречает к этому препятствия; французская значительно более сговорчива.

15 августа. Я думаю, что мы смогли бы вовлечь Болгарию, если бы только Россия согласилась на необходимые и оправдываемые жертвы; Румыния была бы на нашей стороне пассивно, а впоследствии и активно, если бы Россия перестала гнаться за «врагом хорошего — за лучшим». Что касается Греции, то с ней совершенно невозможно иметь дело, и даже если бы Венизелос (32) вернулся к власти, то король и общественное мнение отказались бы уступить Кавеллу и другие территории, требуемые Болгарией. Поскольку вся Греция состоит из морского побережья и островов, мы можем повлиять на нее, и я отказался бы от методов ласкового убеждения и заставил бы ее понять, что она должна поступать так, как говорит. Сербия продолжает гордо заявлять, что она ничего не уступит, но, думается мне, она поймет еще до того, как станет поздно, что то, что сейчас может быть отдано с барышом, впоследствии у нее смогут отнять без всякой компенсации, и что она посту-

пит благоразумнее, если примет то, что ей предлагают в обмен на территории, от которых ее просят отказаться. Все мы, как дети, делим шкуру неубитого медведя, но никто из участников дележа не согласен отдать что-либо из своих собственных владений.

20 августа. Потеря «Арабика» тягостна; большим несчастьем является также потопление двух транспортных судов у Дарданелл, но что действительно вызывает тревогу, это опасное положение русской армии; здесь опасаются, что она может быть окружена или разбита на две части, вследствие чего немцы смогут пойти на Петербург; если так, то возможно внутреннее сотрясение в России, а когда трон самодержца начинает колебаться, то нельзя знать, что станут делать для своего спасения сидящий на троне и окружающие его.

Итальянцы удерживают свои позиции, но предполагается, что они не станут продолжать свое наступление, если им удастся сбросить австрийцев в равнину. Они, как говорят, будут выжидать наступательных действий французов и англичан, русских и румын.

Русская дипломатия не заслуживает даже презрения. Она говорила и действовала так, как будто бы русские победители и могут диктовать свою волю. Вскоре они могут оказаться на коленях, и будет уже поздно спасать себя. Мы и Франция будем продолжать борьбу в крайне невыгодных условиях.

22 августа. По сведениям, полученным здесь из хорошего источника, русские армии лишены всего, что нужно для войны: нет достаточного количества ружей, орудий, снарядов и т.-д.; все снабжение хромает, и повсюду в высших сферах армии было обнаружено и продолжает существовать взяточничество. Французам и нам придется вынести всю тяжесть немецкого наступления. Здесь заметно сильное угнетение, но не среди офицеров, приезжающих с фронта. Извольский очень поник, но утешается чаем у Ритца в дамском обществе.

Юрисконсульт американского государственного департамента, мистер Каудерт, сообщил интересные сведения о происках немцев в Соединенных Штатах. Немцы, среди которых насчитывается около 4 000 000 натурализованных американских граждан, обрабатывают против нас американцев германского происхождения, непримиримых ирландцев, хлопководов и лиц, связанных с хлопчато-бумажной промышленностью; они заручаются симпатией хлопкоразводящих штатов, ведя разговоры об «указе совета»; нашему министерству иностранных дел следовало бы избегать

этого ненавистного термина, послужившего началом размолвки между американскими колониями и Англией. Немцы стали разъяснять хлопководам, что «указы совета» погубят их хозяйство и заставят голодать их семьи; хлопководы, по большей части англичане по происхождению и склонные симпатизировать Англии, озлобились и вместе с германскими элементами стали оказывать давление на правительство, с целью добиться запрещения вывоза оружия и снаряжения, чтобы закончить войну и дать им возможность продавать свой хлопок. Конгресс насчитывает 430 членов, из которых 230 демократов; президент и правительство, боясь потерять голоса хлопководов, отдававшиеся демократии, стали вилять. Мистер Каудерт уверен, что объявление хлопка абсолютной контрабандой будет принято совершенно спокойно, так как британское правительство примет меры против понижения цен и скупит весь излишек по справедливой цене. Если случай с «Арабиком» вызовет войну, что маловероятно, то взятие Германии измором последует скоро, замедлится оно только в случае простого перерыва дипломатических сношений. Ни в том, ни в другом случае не будет запрещен вывоз военного снаряжения в страны Антанты.

25 августа. В военном министерстве говорят,—боюсь, что это верно,— что «русским крышка». В обществе здесь распространено мнение, что в России может быть революция и возможно провозглашение великого князя Николая императором, или же будет заключен мир любой ценой, по настоянию немецкого окружения нынешнего императора. Я не верю ни в одну из этих возможностей.

26 августа. Итальянцы не имели значительных успехов в борьбе против австрийцев, и поэтому они намерены выступить против турок, но не в надлежащем месте для того, чтобы помочь нам; они хотят подработать немножко в свою пользу, что заслуживает величайшего порицания. Константинополь является открытым секретом, но итальянцы делают запросы о его будущем, что заставляет Делькассе настораживаться!

Германские радио опровергают сообщения об англо-русской морской победе в Рижском заливе и Балтийском море. С немцами и русскими невозможно добиться правды.

27 августа. Из Петербурга приходят плохие вести о внутреннем положении в России. Германская клика при дворе настаивает на мире. Дума и публика хотели бы покончить с этой кликой.

Москва и провинция настроены решительно, Петербург же пессимистичен.

31 августа. Сегодня здесь нет абсолютно никаких новостей. Всеобщая уверенность в *окончательном* успехе, но никаких действительных шагов вперед раньше весны, а тем временем русских разобьют. Однако, Дарданеллы представляют собой опасный пункт: если нам не удастся форсировать их до начала плохой погоды, то это приведет к плохим последствиям в отношении балканских государств.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сентябрь 1915 года.

3 сентября. Нижеследующие строки я получил из хорошего английского источника: «К сожалению, не могу сообщить вам много хорошего. Недавно мы должны были прорваться у Дарданелл, и все генералы достигли тех пунктов, которые были им указаны, но ни у одного из них не хватило предприимчивости и смелости выйти за пределы инструкции. Если бы они так поступили, то, по их мнению, мы обошли бы турок и отрезали их. Мне говорят, что ошибка эта будет исправлена в конце нынешнего месяца (сентября), но несомненно ценою более значительных потерь людьми. Несомненно производство снарядов в Англии растет скачками, хотя оно даже и приблизительно не достигло размеров потребности. Мне передают еще из очень хорошего источника, что гг. Армстронг изготовляют орудия, метко стреляющие на 22 мили, и что произведенные уже опыты стрельбы дали очень хорошие результаты». Военное положение России становится хуже и хуже, и находятся люди, доказывающие, что русские вовлекают немцев в мешок, совершенно так же, как утверждали, что отступление от Монса было стратегическим движением с целью привести к сражению на Марне!

5 сентября. Из-за развращенности и упрямства Сербии, мы можем потерять последние шансы перетянуть на нашу сторону Болгарию. Немцы предпринимают энергичнейшую попытку проникнуть в Болгарию через Сербию, и если им это удастся, то им нетрудно будет уговорить Фердинанда пойти с ними. Когда необходимо соглашение между государствами Антанты, то дело подвигается медленно, и Сазонов является страшным тормозом.

6 сентября. Берлинский корреспондент нью-йоркского «Уордль» телеграфирует: «Англия просто потеряла голову от страха перед Германией. От этого абсурдного страха, ставшего навязчивой идеей, обезумели лучшие государственные люди Англии, которые забыли основные интересы своей страны и оказались готовы сделать нечто такое, что, в случае удачи, явилось бы величайшим несчастьем для будущего Англии. Россия действительно является великим врагом Англии в будущем. Если рассматривать достаточно отдаленное будущее, то невозможно притти к иному заключению. Именно с Россией придется считаться Англии завтра. Усилия Англии овладеть Дарданеллами и тем самым развязать руки своей будущей сопернице являются чудовищной политической ошибкой. Я всегда относился с величайшим изумлением и уважением к английским государственным деятелям, которые несомненно занимают первое место среди величайших политиков мира, но я утверждаю, что усилия Англии, имеющие целью отдать Турцию России, свидетельствуют о недостатке политического предвидения. Английский престиж был похоронен на дарданелльском фронте глубже, чем где бы то ни было; другими словами, наиболее тяжелым ударом, когда-либо нанесенным английскому престижу, является неудача на полуострове Галлиполи, которая несомненно скомпрометирует английское влияние на Востоке. К счастью для Англии (и наступит день, когда она даст себе в этом отчет) ее усилия овладеть Дарданеллами остались и останутся тщетными». Эти слова выдаются за мысли одного дипломата, с которым корреспондент встретился в Вене. В них есть большая доля правды.

8 сентября. Мне передают, что наш посланник в Софии не передал в Англию о своей беседе с болгарским премьер-министром, из которой видно было, что он (болгарский премьер-министр) был бы готов присоединиться к Антанте на условиях, для нас вполне приемлемых. Наш посланник ничего не сообщал об этой беседе, пока не стало поздно; тем временем русские обратились в бегство, и болгарский премьер-министр уже переменил свое мнение. Из-за отсутствия согласия между державами Антанты их предложения балканским государствам всегда были нерешительны, запоздалы.

Принятие российским императором верховного командования не совсем неожиданно. Он до некоторой степени, как мне думается, подозревал, что великий князь Николай вышибет его,

если он сам не вышибет великого князя, который теперь будет сослан на Кавказ наместником. У русских есть огромные резервы людей, но их потери орудиями, пулеметами, ружьями и снаряжением не так легко поправимы. Император становится очень непопулярным, Петербург пессимистичен и очень склонен прислушиваться к германским нашептываньям.

12 сентября. Ходят слухи, как мне кажется, хорошо обоснованные, о большой французской экспедиции в восточное Средиземное море. Я предполагаю, что «политичный» генерал Саррайль будет командовать ею независимо от Гамильтона, так как французы не намерены терять людей в Галлиполи.

15 сентября. Я имел беседу с Ганото, который очень здраво смотрит на вещи. Взгляды его заключаются в следующем: *независимая* Польша; проливы и Босфор, равно как северное побережье Мраморного моря — Болгарии; Константинополь должен быть вольным городом, никаких укреплений ни на Босфоре, ни в Дарданеллах; для прохода из Средиземного моря в Черное и обратно — система Суэцкого канала, под европейской гарантией, проводимая международной комиссией.

21 сентября. Вчера вечером я обедал с сэром П. Мак Брайдом, агентом штата Виктория в Лондоне, и другим австралийцем, имени которого я не запомнил. Оба они проявляли большой энтузиазм по отношению к империи и гордость по поводу подвигов австралийцев, новозеландцев и канадцев. Они верят, больше, чем я, в возможность более тесной связи между метрополией и ее колониями. Они хотят исключения желтой, красной и черной рас и установления белой империи с представительным советом, заседающим в Лондоне. Просуществует ли Британская империя в таком виде, как сейчас, еще сто лет? Не превратятся ли колонии в независимые нации, когда они будут населены достаточно для того, чтобы защищать самих себя? В настоящее время они в своей обороне зависят от английского флота, и они глубоко заинтересованы в том, чтобы помочь нам против Германии, стремящейся к всемогуществу. Оба мои собеседника решительно осуждают позицию Соединенных Штатов. Они сказали, что в случае германской победы Америка все больше и больше колонизовалась бы немцами и стала бы немецкой по духу.

23 сентября. Делькассе очень угнетен неудачей в Дарданеллах.

24 сентября. Балканы кипят, как котел. Делькассе, наконец, теряет веру в русских. Во время различных кризисов они все время вели себя положительно как идиоты.

Сейчас всякий называет Фердинанда свиньей, но это было очевидно. Его можно было в свое время купить.

26 сентября. Итак, началось серьезное наступление. Вчера вечером мы получили сообщение, что серьезное сражение началось вчера утром, при чем при хорошем успехе британских войск у Лооса, мы захватили 1600 пленных прусских гвардейцев. В Шампани значительный успех французов — около 10 000 пленных. В Артуа и Аргонне мы также выиграли территорию: на фронте в 24 километра мы продвинулись на четыре километра вглубь. Офицеры с фронта довольны положением.

Корреспондент «Таймса» сообщил по телефону, что мы захватили 25 000 германских пленных. Это большое счастье, если это верно, но я опасаюсь, что это не помешает Болгарии напасть на Сербию, если Германия сделает то же самое.

27 сентября. Мы, повидимому, не проникли глубоко в германское расположение.

29 сентября. Сегодня днем состоялось собрание в министерстве общественных работ (Самба, министр-социалист) для заслушания речей г. Робертса и г. Ходжа, членов парламента, на тему о помощи, оказанной Франции Соединенным Королевством. Присутствовали Пуанкаре и несколько французских министров. Всего было около 200 человек. Председательствовал Пишон, произнесший превосходную речь. Некий мистер Смис, исключительно хорошо владеющий французским языком, сам произнес речь и дал на французском языке резюме речей гг. Робертса и Ходжа. Оба последние поставили себе задачей похвастать тем, что мы сделали, и делали они это в таком размере, что я почувствовал себя несколько неловко. Мистер Ходж показал себя искренним типичным британским рабочим и был убедительнее, чем мистер Робертс. Он был очень хорошо принят.

У Дарданелл мы оттягиваем время, и я полагаю, что мы отправимся в Салоники, но прибудем ли мы туда во время, чтобы запугать Фердинанда до нейтралитета? Балканские монархи с их тщеславием, честолюбием, интригами и семейными симпатиями и антипатиями — сущий ад. Они ставят свои личные интересы выше интересов своих стран, обычно стран усыновленных.

Мистер Ходж сказал мне, что члену парламента Томасу не удастся повести за собой железнодорожников на забастовку, если правительство, т.-е. Асквит и Китченер объявят, что принудительная служба необходима для доведения войны до победного конца. Ходж говорит, что в этом деле публика вполне доверяет Асквиту и Китченеру, что означает недоверие к другим министрам. В своей речи он бранил дилетантов критиков, критикующих «после событий» дилетантов генералов, адмиралов, дипломатов, а также некоторых газетных критиков. Как бы то ни было, но если бы не разоблачения «Дэйли Мэйль» и «Таймса» относительно недостатка снарядов большой разрывной силы, то вопли Френча и его офицеров остались бы неуслышанными, и у нас не было бы министерства снабжений, которое улучшило постановку дела.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Октябрь 1915 года.

3 октября. Мы, повидимому, ввязались в войну с болгарами, руководимыми гуннами. Сазонов больше беспокоится о религиозном престиже своего хозяина, чем о военных делах своих союзников.

4 октября. Фердинанд связал свою судьбу с бошами, чего можно было ожидать. (33) Я не понимаю, как можно было предполагать, что он не продался, принимая во внимание, что его правительство получило заем в Германии и получало оттуда военное снаряжение, а также отправляло туркам разного рода грузы из Германии; несмотря на все это, русские удивлены и говорят о неблагодарности болгар. Возможно, что если бы в начале войны Россия не медлила высказать свои намерения недвусмысленным образом, и если бы она пригрозила избалованному ребенку или подготовила бы посылку войск в Варну или Бургас, дела приняли бы иной оборот.

6 октября. Не может быть никаких сомнений в том, что в течение всего времени Фердинанд имел соглашение с австро-германцами о присоединении к ним в момент, когда они проникнут в Болгарию через Сербию, если им вообще это удастся. Румыния еще не имеет окончательного мнения о том, кто будет победителем в конечном счете. Король, в качестве слабого Го-

гентоллерна, желает победы Германии, но правительство его выжидает, так как Румыния получит больше в случае поражения австрийцев и немцев, нежели в случае их победы. В последнем случае ей досталась бы Бессарабия и еще кое-что; в первом же — Трансильвания, Банат и еще кое-какие обрезки. В Салониках создалось любопытное положение. Венизелос подбивал нас, англичан и французов, на высадку: протест против десанта должен был иметь лишь формальное значение. Десант был сделан, Венизелос ушел в отставку, и нас обвиняют в нарушении нейтралитета Греции по образцу немцев в случае с Бельгией. Король имеет на своей стороне штаб и маневрирует с целью сохранения благожелательного нейтралитета по отношению к Германии.

Сегодня утром здесь был Эшер. Он приехал от Френча, который настроен оптимистично. В официальных кругах Лондона, по его словам, господствует угнетенное настроение. Добровольные зачисления в армию сократились до 12 000 в неделю. Имеется 1 миллион 200 тысяч молодых людей в возрасте 19—24 лет, которые *не хотят зачисляться,* а всего имеется около 4 миллионов годных для военной службы мужчин, которые не явились. Вчера в Калэ встретились Китченер, Бальфур и Мильеран для обсуждения вопроса, откуда взять силы, необходимые для Салоник. Китченер обещал Мильерану 75 дивизий в определенные сроки; однако, откуда мы можем взять их, если салоникская экспедиция прибавится к необходимости держать известное количество войск на полуострове Галлиполи? Как Жоффр, так и Френч настаивают на том, чтобы им предоставили обещанное, и являются противниками дарданелльской и салоникской экспедиций.

15 октября. Жоннар посетил меня сегодня утром. Он критиковал методы правительства и в частности образ действий его на Балканах, в каковом сказалось полное отсутствие политики. Министерство, по его словам, плыло по течению и было взято на буксир русским правительством с его абсурдными выдумками. Пользуясь отсутствием Делькассе, кто-то стал от имени Франции напоминать России о жертвах, принесенных Францией и Англией, и о причинах, по которым балканские государства так неохотно нам помогают. Салоникская экспедиция должна продолжаться в большом масштабе, при участии французов или без них, но не решено еще, что будет с галлипольскими войсками: останутся ли они на месте, пойдут ли вперед, или отступят.

Что станут делать итальянцы, никто не может сказать, последует ожидать, что они будут делать как можно меньше.

15 октября. Гг. Ходж и Робертс, члены парламента, а также Смис сделали мне вчера визит. Они продолжают объезд провинциальных городов. Ходж просил у меня подтверждения или опровержения того, что ему говорили в социалистических кругах, а именно, что гражданское население в настоящее время за мир *на каких угодно* разумных условиях. Я разуверил г. Ходжа и компанию. Ходж сказал мне, что, по его мнению, у нас будет принудительный набор, так как требуемое количество людей не может быть получено иным способом.

17 октября. Нам передают, что 200 000 турок намерены выступить на помощь болгарам. Греки говорят, что условия договора не подходят, что они неприменимы к настоящей обстановке, и заявляют: «Мы не сдвинемся с места, тем более, что противная сторона, повидимому, победит». Румыны говорят: «Мы душою с вами, но пока что просим извинить нас».

Сегодня утром здесь был X. Он приехал по делам, связанным с поставкой леса для траншей. X. привез с собой угнетенное настроение Лондона; ему говорили, что во Франции есть движение за мир, который может быть заключен в течение ближайших шести недель. Ходит слух, что, в виду истощения Германии, император хочет заручиться поддержкой президента Вильсона для осуществления следующего благородного проекта. Восстанавливается довоенный status quo. Все отнятые у Германии колонии возвращаются ей. Германия удерживает Антверпен и, должно быть, некоторую часть Бельгии, достаточную для осуществления непосредственной связи с Германией. Президент Вильсон, будто бы, считает эти предложения великодушными, так как Германия занимает Польшу и часть России, Бельгию и часть Франции и до сих пор не была бита. Напротив, Германия была и остается повсюду победительницей. Американская публика поддержит президента, который окажет давление на союзников, угрожая, в случае непринятия этих условий, запрещением всякого вывоза в их страны из Америки.

То, что он рассказывал о внутренних делах, было интересно. Кабинет раскололся. Артур Бальфур написал убедительную статью против принудительного набора. X. не мог припомнить его аргументации, за исключением указания на то, что такой набор расстроил бы промышленность... X. сказал, что произ-

веденная недавно перепись доказала, что в стране имеются многие тысячи здоровых мужчин, рабочих и других, которые не желают зачисляться, и он, Х., не может сказать, каким образом их можно заставить служить. Джордж Керзон—единственный член кабинета, который стоит без оговорок за принудительный набор.

18 октября. Итальянец, занимающий довольно видное положение, работающий в Турции и выехавший из Константинополя девять недель тому назад, утверждает, что короли Греции и Болгарии совершенно несомненно приняли на себя личные обязательства по отношению к германскому императору в том смысле, что ни Греция, ни Болгария не нападут друг на друга, и что румынский король пообещал германскому императору, что Румыния останется нейтральной. До того, как состоялись эти соглашения, Джавид-бей не мог получить в Берлине ни копейки, после же Турция получила 5 милл. ф. ст. при условии территориальных уступок Болгарии вблизи Адрианополя. Переговоры между Германией и Турцией протекали очень неблагоприятно до тех пор, пока не было произведено первое наступление на Дарданеллы: тогда турки стали шелковыми в руках немцев. Турки были очень перепуганы, когда Италия объявила войну; они думали, что это означает посылку 300 000 итальянцев против Турции. Тот же итальянец говорит, что добиться сколько-нибудь реального успеха в Салониках может лишь армия, насчитывающая не менее чем 500 000 человек. Между тем, снабжать такое количество войск, действующих внутри страны, при наличии одной только железнодорожной линии, почти невозможно.

Положение складывается, повидимому, следующим образом: греческий король получил заверения от германского императора, что Болгария не нападет на Грецию, а будет компенсирована за счет разбитой и расчлененной Сербии. Греческий король уверен в том, что, в случае возможного нарушения этого обещания, он может рассчитывать на защиту со стороны англо-французских войск. Румынский король обещал германскому императору оставаться нейтральным: он должен быть вознагражден Бессарабией, которую отнимут у разбитой России. Какое влияние окажет на болгар манифест российского императора, сопровождаемый бомбардировкой Бургаса и Варны?

19 октября. Эшер был у меня сегодня утром. Он много рассказывал о разногласиях в кабинете, но не упоминал о мире во что бы то ни стало в том виде, как его предлагает президент Вильсон.

Кабинет сейчас разделился, одни хотят обсудить и провести билль о принудительной военной службе, так как введение ее оказалось необходимым, другие хотят ждать, пока не выяснится неудача попыток Дерби. (34) Асквит одобряет эту последнюю идею. Он говорит, что Дерби может еще иметь успех, и тогда не будет надобности ни в каком законодательном принуждении; если же он потерпит неудачу, то тогда найдется достаточно времени для подготовки билля. Дерби говорит, что, если к концу ноября ему не удастся получить 600 000 рекрутов, он будет считать, что добровольческая система не удалась, и что должно быть введено принуждение.

20 октября. Мёррей-оф-Элибанк завтракал у меня. Он прибыл из Лондона вчера вечером. Он считает, очевидно, что Асквиту придется уйти, и что преемником его будет Ллойд-Джордж, который уйдет в отставку, если не будет введена принудительная военная служба, так как иным способом он не может получить людей для заводов, изготовляющих снаряжение. Не так давно Китченер соглашался, что принуждение необходимо. Теперь же он бьет отбой и не знает, какая сторона в кабинете победит. Артур Бальфур решительный противник принуждения. Карсон за принуждение, но, как мне передают, по другому пункту он разошелся с большинством кабинета, именно в вопросе о салоникской экспедиции: он хотел, чтобы вопрос этот решался чисто военными, а не политическими соображениями.

22 октября. Из слов Мёррей-оф-Элибанка я заключаю, что дни пребывания Асквита в кабинете сочтены. Ллойд-Джордж говорит, что принудительная служба необходима для его военных заводов. Старые бабы в военном министерстве продолжают отстаивать шрапнель против снарядов большой разрывной силы и пытаются доказать, что наша артиллерия превосходит французскую.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ноябрь — декабрь 1915 года.

3 ноября. Вчера я сделал визит Бриану. (35) Он сказал, что я слишком хорошо знаю его политику, чтобы на ней стоило останавливаться. Он настроен не очень оптимистично в вопросе о балканских делах, но он решительный сторонник борьбы до конца.

9 ноября. Анри де-Бретейль только что был здесь. Недавно он встретил одного французского морского офицера, который сказал, что согласно существующему мнению, в том числе мнению нового министра, Дарданеллы могут быть форсированы ценою потери пяти или шести кораблей и 15 000 человек. Как бы то ни было, если даже предположить, что союзнический флот прорвется, не уничтожив турецких фортов, орудий и т. д., то как смогут наши корабли снабжаться всем необходимым и быть уверены в возможности возвращения в Эгейское море? В 1878 г., когда британский флот прошел проливы до Константинополя, он не встретил никакого сопротивления со стороны турок, которые были в восторге от нашего появления, положившего конец русской диктовке. В настоящее время мы имеем совершенно иной случай. ([36])

Германские подводные лодки проявляют слишком большую активность в Средиземном море. Помощь, оказываемая нам на Балканах продвижениями русских в других местах, в настоящее время равна нулю: русские и на этот раз, как всегда, опаздывают, и глупости, допущенные императором, Сазоновым и компанией, поразительны.

Возможно, что Китченер отправится в Салоники, после обследования положения на полуострове Галлиполи. Он взял с собою очень способного французского офицера, который только что приехал с полуострова. Китченер поехал, чтобы самому посмотреть, сможем ли там удержаться, на что он надеется, так как наш уход оттуда повлек бы теперь за собою огромные потери и мог бы иметь неблагоприятный политический эффект в Египте и Индии. Он говорил, что вернется к исполнению своих обязанностей в военном министерстве как можно скорее, после того как осведомится о военном положении в восточной части Средиземного моря.

Я не пессимист, но наши министры, повидимому, неспособны ни на какие решения. Китченер сказал мне, что Асквит превосходный человек. В подтверждение этого он сказал мне, что Асквит нашел формулу, удовлетворившую всех, когда кабинет разделился по вопросу о принудительной военной службе. Однако, формула эта, насколько я могу судить, не дала никакого решения. Каждый министр несомненно ждет и надеется, что его точка зрения победит в ближайшем будущем. Между тем быстро проходит драгоценное время.

В качестве председателя сенатской комиссии по иностранным делам, Буржуа допрашивал Делькассе. Он был поражен и ужаснулся, когда этот министр хладнокровно признал, что Константинополь был обещан России соглашением между русским, британским и французским правительствами. Делькассе изображал дело так, что Грей был инициатором этого. Буржуа отнюдь не пессимист, но он хочет советов, координации и сотрудничества между союзниками. Нынешняя система, или отсутствие системы, лишена какого бы то ни было порядка: необходим более тесный контакт между военными и морскими штабами держав Антанты и их правительствами, которые должны в точности выяснять свои намерения на суше и на море и сотрудничать для их осуществления. Он говорит, что мы не в состоянии помешать Германии захватить Константинополь, где она фактически уже давно присутствует духовно, но она растягивает свою линию до опасных размеров, и остатки сербской армии в соединении с франко-британскими экспедиционными силами в Салониках будут представлять постоянную угрозу для ее сообщений; позднее Россия окажется большой вооруженной силой, действующей из Бессарабии, и время решит в пользу союзников, так как Германия истощается. Он решительно высказывается за то, чтобы оставаться в Галлиполи. Китченер рассказал мне по поводу Дарданелл следующее: когда Винстон Черчилль выдвинул свой план, согласно которому проливы могут быть форсированы флотом без участия сухопутной армии, Китченер сказал, что он рад слышать, что таково мнение морских властей. Военные эксперты не были запрошены.

11 ноября. Греки становятся очень решительны. Они заявляют, что всякая сербская часть, перешедшая при отступлении греческую границу, будет интернирована, и обещают разбросать мины за пределами греческих территориальных вод. Однако, против кого направлены эти меры защиты? Несомненно не против немцев. Я бы запретил такого рода действия, так как они могут быть направлены исключительно против французов и нас. Я завладел бы Салониками, быть может Пиреем, и высадился бы в Корфу, чтобы разрушить установленную там радио-телеграфную станцию, которая информирует немецкие подводные лодки о местонахождении наших судов.

Органы германской печати сообщают о предполагающейся встрече королей Румынии, Болгарии и Греции. О, эти шакалы, лижущие сапоги императора гуннов!

12 ноября. Мы должны будем в конце концов применить силу по отношению к грекам, которые действуют по приказу Германии. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Сделает ли что-нибудь президент Вильсон, чтобы практически выказать свое возмущение по поводу пиратского захвата «Анконы» Германией? Я сомневаюсь в этом. Он станет цитировать Иезекииля! Его нота, обращенная к нам, не из приятных. Он ссылается на парижскую декларацию 1856 г., к которой американское правительство никогда не присоединялось, и требует, чтобы мы обыскивали суда в море, вместо того, чтобы приводить их в порты, что, как ему известно, невозможно в наши дни, при больших размерах судов и огромном грузе. Эти американцы — прогнившая шайка жуликов, распевающих псалмы и гоняющихся за барышами.

14 ноября. Вчера вечером я обедал по соседству. В числе присутствующих был г. Виктор Берар, ученый востоковед, сотрудник разных обозрений. Г. Берар решительный противник неумелого залезания Франции в Сирию. Ввязываться в сирийские дела она могла бы только в качестве католической державы, для каковой, однако, разделение церкви и государства явилось бы аномалией. Кроме того, Франция не сможет поддерживать мир между мусульманами, евреями и христианами различных исповеданий. Англия является единственной державой, имеющей успех в таких делах. Она господствует над Персидским заливом и Красным морем, и ей надлежало бы заложить основы Арабской империи под своим протекторатом, дав Франции гарантии, подобные тем, которые она имеет в Египте. Он высказывался в этом смысле перед комиссией по иностранным делам в палате депутатов. Я не думаю, чтобы у него нашлось много сторонников, или хотя бы один. (37)

19 ноября. Греческий король, очевидно, предвидит либо окончательную победу Германии, либо ничью. Китченер намерен иметь с ним беседу.

29 ноября. С Френчем покончено. Возможно, что он станет главнокомандующим в Англии. Я очень сожалею о нем. Мне бы хотелось знать специальные обстоятельства, приведшие к его падению.

1 декабря. Мне дана инструкция настаивать перед французским правительством, что, поскольку попытка генерала Саррайля установить связь с сербской армией не удалась, вступило в силу соглашение, по которому все союзнические силы должны вернуться в Салоники и использоваться, как того потребуют обстоятельства. Что касается действий в Салониках, (38) то британское правительство высказывается за увод союзнических сил, однако, лишь при наличии определенного соглашения с греками, обязывающего их защищать свои границы. Далее, должно быть сделано сообщение греческому правительству, что если оно разрешит центральным державам занять Салоники, то это будет повод к войне. Ответ, который я передал по телефону, заключался в том, что сделанное мною сообщение произвело угнетающее действие на Бриана и Жюля Камбона. Я добавил, что, на мой взгляд, отношения между британским и французским правительствами стали бы очень натянуты, если бы мы настаивали на очищении Салоник, которое французами рассматривается, как пожелание, высказанное греческим королем и его правительством по просьбе германского правительства. Военный министр, которому военный атташе передал взгляды британского правительства, сказал ему, что совет обороны на днях согласился с необходимостью полной или частичной эвакуации полуострова Галлиполи, по совету лорда Китченера, и высказал пожелание, чтобы салоникский вопрос был немедленно разрешен соглашением между обоими правительствами. Французы считают, что беседы Китченера с греческим королем наделали много зла; они укрепили короля в мысли, что мы с радостью оставим Салоники, на условиях, желательных для германского правительства и подходящих для короля. Начальник греческого штаба, германофил Матаксос, указал Китченеру, что лучшим средством спасения Египта была бы экспедиция на юг от Александретты. Французы считают, что если Салоники будут оставлены, то их займут неприятельские силы, будь то болгары, немцы или австрийцы, будь то при содействии греков или против них; очищение Салоник имело бы серьезные и неблагоприятные последствия для всей балканской и восточной политики.

3 декабря. Я сообщил Бриану дальнейшее представление британского правительства, говорящее, что продолжающаяся посылка войск в Салоники заставляет британское правительство опасаться катастрофы, так как его военные эксперты единодушно пред-

видят такой исход. Они считают, что если решение увести союзнические силы из Салоник не будет принято немедленно, то все англо-французские силы в Македонии и Салониках могут быть потеряны. Представление настаивает на том, чтобы французское правительство либо тотчас же согласилось с этой точкой зрения, либо встретилось с британскими министрами на конференции в Лондоне.

Позже. Конференция соберется завтра в час дня в Калэ. Бриан, Галлиени и морской министр примут в ней участие.

5 декабря. Из бесед, которые я имел сегодня с различными лицами, бывшими на конференции в Калэ, я собрал следующие сведения: Бриан выдвигал взгляды французского правительства, уже изложенные мною. Китченер говорил с волнением и сказал, что, в случае решения остаться в Салониках, он должен подать в отставку, так как не может принять на себя ответственность за решение, которое, по его мнению, повлечет за собою военную катастрофу. Бриан напомнил Китченеру о взгляде, высказанном им 30 ноября, что Салоники должны быть удержаны в качестве базы для возможных операций в будущем. Французские министры уступили.

Никакие окончательные решения не были приняты британским кабинетом относительно полуострова Галлиполи. В военных кругах считают, что полуостров должен быть очищен. Китченер высказался за удержание позиции длиною в четыре километра у мыса Геллес, но, по мнению генерального штаба, эту позицию нельзя будет удержать, когда снаряды неприятельской тяжелой артиллерии начнут достигать ее. В кабинете вождем противников оставления является Джордж Керзон. Генеральный штаб считает, что эвакуация сможет оказаться невозможной, если решение будет откладываться. Правительство желает, чтобы Китченер отправился с Мудроса в Египет и принял там на себя командование; Китченер ответил, что должен вернуться в Англию, чтобы наблюдать за проведением своей политики.

8 декабря. Э. говорит, что Френч знает о своем предстоящем уходе, и что он распрощался с Жоффром, который, услышав о предстоящей отставке, поднял руки и сказал: «Если мы будем так продолжать, то мы проиграем!» Галлиени полагает, что, что бы ни говорили Китченер и Грей, эвакуация Салоник окажется невозможной, а это потопит Бриана и его правительство. Китченер и Грей ожидаются здесь завтра.

9 декабря. Тяжелые вести из Салоник. Возможно, что мы потеряли или теряем целую дивизию.

10 декабря. Из Афин приходят немного лучшие и более ободряющие вести: согласно сообщению французского посланника Гиллемана, король настроен гораздо более примирительно, а господин Гиллеман считает, что можно достигнуть соглашения между англо-французскими и греческими военными властями для обеспечения безопасности французских и британских войск.

В своем желании остаться в Салониках французы не вполне единодушны, но французский взгляд, как говорят, заключается в том, что мы думаем исключительно об охране Калэ и защите Египта.

Передают, что греческий король и его министр Гунарис пришли к соглашению с Германией о сохранении благожелательного нейтралитета по отношению к Болгарии до тех пор, пока немцы не окажутся вблизи Салоник, с тем, чтобы тогда ввязаться в борьбу против нас. Говорят, что немцы готовят серьезное наступление на Ригу. Они надеются, что внимание публики будет отвлечено от финансового положения победами на Балканах, турецкими успехами в Багдаде, занятием Константинополя и приготовлениями к наступлению на Египет.

12 декабря. Вчера вечером я встретился за обедом с Б. Он недавно делал визит Кайо; (39) мне кажется, что дело шло о какой-нибудь интриге правых против министерства. Кайо настроен очень анти-британски. Он считает себя новым Наполеоном и имеет в виду заключение мира с Германией при помощи Джиолитти; Германия вместе с руководимой им Францией должны умерить гордость и заносчивость Англии; Эльзас и Лотарингия возвращаются Франции, Австрия разбивается на части, при чем главные куски отходят к Италии, а осколки присоединяются к Германии. Что касается Бельгии, то об этом еще придется подумать! Кайо рассчитывает, что поражение при Салониках даст ему пост председателя совета министров и министра финансов. Клемансо согласен с ним в вопросах внутренней политики: расходятся они *только* во внешней политике, а это значит расходиться во всем.

18 декабря. Вчера за обедом предсказывали, что чем больше затянется война, тем лучше это будет для политического положения социалистов. Если падет министерство Бриана, то возможен приход Клемансо, а на смену Пуанкаре придет Рибо,

который ради президентского места пообещает что угодно и сколько угодно.

20 декабря. Вчера вечером я беседовал немного с Френчем. Он говорил о военном невежестве Китченера, ставшем теперь явным, о недостатке у него познаний в области стратегии, о том, как он часто меняет свое мнение и упрямо возвращается к своим идеям после того, как они оказываются разбитыми на голову.

21 декабря. Итальянцы ведут себя нехорошо: остатки сербской армии достигли побережья и должны были отплыть из Сан-Джованни ди-Медуа в Дураццо; так как высадка там представляет трудности, то оттуда предложили принять их в Валонне. Итальянцы возражают на это и говорят: «Берите их в Салоники». Даже после того, как итальянцы вступили в войну, они делают все, что только возможно, для самих себя, а не для общего блага всех союзных держав, и сверх того они не находятся в состоянии войны с Германией!

22 декабря. Германские радио-телеграммы сообщают, что греки заняли форт, господствующий над Салониками, и в пятницу на прошлой неделе открыли огонь по французскому патрулю, который приблизился к форту и не остановился на окрик!

Камбон заметил сегодня, что путь, по которому идет царь, напоминает путь Людовика XVI; возможно, что он будет устранен таким же способом, но, по русской манере, придворными кругами и аристократами.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Январь 1916 года.

8 января. В Берлине состоялась арабская демонстрация в присутствии одного из потомков Магомета, немецких товарищей министра, турецкого посла и болгарского посланника! Присутствовали представители арабов из Туниса, Алжира, Турции и Индии.

Вследствие филэллинизма французов и вялости англичан мы видим нерешительность по отношению к грекам. Кое-кто поговаривает, что греки объявят военное положение, а затем арестуют Венизелоса и его сторонников. Жюль Камбон оплакивает такую позицию. Публика здесь все еще надеется, что греки любят французов!

13 января. Мне передают, что X. в письме к Артуру Гардинджу говорит, что мы должны умиротворить Германию уступкой ей — я думаю, следовало бы сказать возвращением — хорошей колонии! Если таково настроение в министерстве иностранных дел, то да поможет нам бог!

Я рад, что французский флаг развевается над резиденцией императора гуннов в Корфу. Грей относится неодобрительно к такому поспешному образу действий, а греки взбешены.

19 января. Общественное мнение заставит правительство установить действительную блокаду Германии, и если мы обнаружим решимость настаивать на своем, то не думаю, чтобы американцы могли сделать что-либо реальное против нас. Нам необходимо, чтобы французы были с нами.

21 января. О'Коннор рассказал мне о том, как он обратил ирландское собрание (в бывшем Аквариуме, ныне нонкорформистской зале в Вестминстере) в ассоциацию друзей империи, где играют и поют «Боже, храни короля», что для собрания ирландцев факт удивительный. О'Коннор — фритредер, но так же, как его друг г. Магайр, он видит, что нам придется заключить соглашение с Францией, Россией, Италией и Испанией с целью вытеснения немецких товаров. Г. Магайр отметил, что во время своего кругосветного путешествия он убедился, что немцы держат в своих руках мировую торговлю, что именно благодаря богатству, приобретенному от торговли, они смогли вынести финансовое бремя своей военной подготовки, и что если мы не отнимем у немцев их богатств, то не пройдет и нескольких лет, как они опять навяжут нам войну. При довоенном темпе развития Германия через каких-нибудь двадцать лет будет владычицей мировой торговли. Я опасаюсь, что хвастовство à la Ренсимен дает тему для росказней в нейтральных государствах и в Америке о том, что мы преследуем цель разрушить промышленность и торговлю Германии.

23 января. Я беседовал с герцогиней Д'Юзес о Польше и глупостях, которые делают там русские. К числу мелочей, вызывающих недовольство, принадлежит, между прочим, распределение знаков отличий. Извольский раздавал их богемцам, находящимся здесь в плену, и ничего не дал полякам. Далее следует почти принудительное обращение поляков в русское православие, разрушение в Польше всего, что встречалось на пути отступления русских войск, а также руссификация управления. Моя

собеседница говорит, что Франция и Англия должны настаивать на создании свободной Польши.

24 января. Сторонники Китченера все еще стремятся добиться отказа от салоникской экспедиции, но им не удается убедить здешнюю публику.

25 января. За завтраком были сегодня румынский посланник и румынский министр юстиции, Антонеско, близкий друг румынского премьер-министра. Они выдвигали всевозможные аргументы в пользу сохранения Румынией нейтралитета в настоящий момент: здесь был молот и наковальня и т. п. Но весною, когда численность союзнических войск в Салониках возрастет с 300 000 до 350 000, когда греки будут с нами, как противники болгар, а греческий король будет вынужден либо воевать, либо спасаться бегством, и если, *далее*, русские будут подготовлены к наступлению в Буковину, тогда вы увидите, на чью сторону станет Румыния! В настоящий момент центральные державы заняли по отношению к Румынии позицию угрозы. Оба министра критиковали обещания, данные Францией и Англией России, а также обещания этих двух держав по отношению к Италии. Италия играет роль всеобщей посредницы и миротворца, она будет настаивать перед Францией, Англией и Россией на приемлемых условиях мира для Германии, чтобы в награду получить от Германии поддержку итальянских претензий на австро-венгерские территории. Италия руководствуется правилом: не оказываться под сапогом победителя, кто бы таковым ни был. Мои румынские гости признают, что решающим театром военных действий являются Фландрия, Бельгия и Шампань; но они думают, что многочисленные фронты против Германии, т.-е. Салоники, Кавказ, Полесье, Галиция, Месопотамия предоставляют союзникам преимущество в том отношении, что заставляют Германию постоянно передвигать войска с одного фронта на другой, а это утомляет и деморализует их. Если мы будем поддерживать или даже усилим нашу блокаду, то в июне Германия окажется перед недостатком продовольствия, так как запасы к тому времени истощатся, а урожай может быть собран в Германии, Австрии и Болгарии не ранее сентября. В Вене, где румынские министры были совсем недавно, говядина стоит 14 франков за кило, цены на остальные виды продовольствия возросли в той же пропорции. Румыны говорят, что Германии *не избегнуть* в ближайшем будущем серьезных затруднений. До

тех пор, пока будут победы, будут находиться и деньги, но когда начнутся поражения, то вся постройка обрушится, как карточный домик. Румыния очень благодарна Англии за то, что последняя купила у нее 80 000 вагонов хлеба на 10 000 000 ф. ст. Германия закупила некоторое количество, и закупленное было вывезено до того, как последовало запрещение экспорта.

Мне хотелось бы знать, что скажет сегодня правительство в палате общин по вопросу о политике блокады. Никаких отступлений, несмотря на возражения со стороны Америки. Я надеюсь, что это будет сказано. Поскольку Французы не живут бок-о-бок с американцами, здесь заметно гораздо больше решимости противостоять американским претензиям, чем в определенных колеблющихся кругах Лондона.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Февраль 1916 года.

2 февраля. Извольский очень нервничает из-за Швеции, Сазонов тоже.

3 февраля. Сегодня вечером я встретился на Кэ-д'Орсэ с Извольским и с Титтони; первый очень опасается нападения Швеции на Россию. Я спросил Титтони, были ли среди взятых итальянцами пленных баварцы, и если да, то почему они не были растреляны, — ведь между Италией и Германией нет войны. Он ответил, что все такие пленники вполне en règle, так как их бумаги показывают, что они «примкнули» к австро-венгерской армии в качестве добровольцев; по его словам, таких добровольцев насчитывают несколько тысяч. Недурная комбинация!

Ради выборного успеха Вильсона американское правительство начинает занимать неприятную и недопустимую позицию, создавая особое международное право американского изделия, специально для осуществления его целей. Я надеюсь, что мы и Французы отвергнем американскую идею: торговые суда не в праве иметь орудия для собственной защиты, иначе они будут рассматриваться как военные суда, и суда обязаны останавливаться по приказу подводных лодок. Предусматриваемые американским проектом компенсации со стороны Германии не могут быть ею выполнены. Как может германская подводная лодка обеспечить безопасность команде и пассажирам, прежде чем потопить судно?

Посреди океана или даже в виду берега, но при бурной погоде, лодки не являются безопасным убежищем. Ожидают, чтобы мы смягчили нынешнюю форму нашей блокады, специально ради выгоды Америки, ради повышения тех огромных барышей, которые она на нас же зарабатывает.

5 февраля. Жюль Камбон против репрессалий по отношению к немцам за их жестокость в воздушной и подводной войне; он за то, чтобы мы не пачкали своих рук, дабы нейтральные могли делать выгодные для нас сравнения между нашим поведением и поведением немцев. Он не возражал бы против легкой бомбардировки какого-либо германского города, которая напомнила бы немцам, что *может* быть сделано, но он против систематических репрессий.

7 февраля. Я удостоверился в том, что целью беседы Ллойд-Джорджа с Брианом, при которой присутствовали Бонар-Лоу и Робертсон, была попытка отговорить Бриана от серьезных наступательных действий из Салоник и убедить его сосредоточить все усилия на французском фронте: попытка эта не имела никакого успеха, так как Бриан оставался все время загадочным. Упорно держится слух, что дни Жоффра сочтены, и что он будет заменен Лиотэ из Марокко.

Я имел беседу с дель-Муни, * который сказал мне, что он оставил свое уединение ради попытки наладить лучшие отношения между Францией и Испанией. Его аргументы сводились к следующему: Германия ведет в Испании активную политику против Франции и Англии, она тратит много денег и привлекла на свою сторону священников и клерикальную партию. Она проповедует, что страна, не имеющая идеалов, неизбежно гибнет. Испания должна иметь идеалы и справедливое честолюбие, но на ее пути стоят Франция и Англия. Франция — в Танжере и в Марокко, Англия в качестве хозяина Гибралтара и вследствие ее договоров с Португалией, которые препятствуют созданию какого-либо подобия Иберийского Союза. Эта германская кампания, по мнению дель-Муни, представляет большую опасность для дела Антанты. Испания фактически выгнана Францией из Марокко, а Танжер является больным местом испанцев. Он говорил об этом с президентом Французской республики и с Брианом, но те посоветовали ему подождать до окончания войны. Но тогда

---

* Испанский посол в Париже.

будет поздно, так как, если Германия будет бита, Франция не предложит Танжера Испании. Идеал испанцев, на осуществление которого полностью они, однако, не надеются, это соглашение с Португалией с целью создания конфедерации государств (Португалия сохраняет при этом свои суверенные права) и овладение Танжером, частью Марокко, а также Гибралтаром. Я прервал своего собеседника, сказав, что присоединение Гибралтара невозможно: даже в том случае, если бы Германия победила, она не отдала бы Гибралтара Испании, а взяла бы его себе. Он согласился, что Гибралтар — недостижимая мечта. Но он добивается немедленного обещания, что Танжер войдет в состав испанской зоны, чтобы этим обещанием положить конец германской пропаганде; остальные же вопросы, как, например, вопрос о превращении некоторой части Марокко из французской в испанскую, соглашение с Португалией с согласия Англии, а также некоторые возможные колониальные приращения должны быть обсуждены по окончании войны.

12 февраля. Я видел хорошо осведомленного джентльмена из Швейцарии; он сказал, что швейцарцы-французы очень возбуждены против своих немецких соотечественников из-за того, что швейцарское правительство поместило вклады сберегательных касс в германские займы. Опасаются возможности революции. Французско-швейцарские войска посылаются в германскую Швейцарию и наоборот. Опасаются, что в случае революции Германия сможет использовать момент для прохода во Францию через Базель; все это преувеличено, но тем не менее серьезно.

13 февраля. Из газет я не могу выяснить, принял ли Вильсон германские предложения относительно «Лузитании», или нет. Быть-может Гауз указал, что принятие условий восстановит популярность Вильсона среди немцев, и что, поскольку мы отвергнем условия, согласно которым наши торговые суда должны быть не вооружены, он не может рассчитывать навязать их нам. Я не думаю, чтобы он смог привести в исполнение свою скрытую угрозу: рассматривать торговые суда, имеющие орудия для самозащиты, как военные суда, с распространением на них соответствующих ограничений в нейтральных портах, а именно — не более одного посещения за три месяца; стоянка длится не более двадцати четырех часов или столько времени, сколько требуется для временного ремонта и погрузки угля для перехода до ближайшего национального порта.

14 февраля. Робертсон был сегодня в Шантильи, где он совещался со штабом. Ожидается крупная атака германцев между Верденом и Реймсом. Армия Макензена будет спешно переброшена из Швейцарии на французский фронт. Французы настроены очень уверенно. «Пусть они придут, — говорят они о немцах.— Чем больше их будет, тем лучше. Пусть все они придут!». Французы обеспокоены положением дел в Швейцарии и возможностью там беспорядков, которые дадут немцам повод для проникновения во Францию через Базель; на этот случай сделаны необходимые приготовления.

Для секретных нужд палата вотировала кредит в 28 000 000 фр., что составит 1 120 000 ф. ст. по паритету и 1 000 000 ф. ст. по нынешнему курсу. Эти деньги будут использованы для французской пропаганды в нейтральных странах; распоряжается этой суммой Бертело, управляющий делами кабинета Бриана; он очень умен. Бриан ничего не делает, а Бертело очень много работает. Он имеет большое влияние на своего шефа, на мой взгляд неблаготворное, так как он британофоб до глубины души.

15 февраля. Уррутиа рассказал мне, что немцы предлагают Испании Гибралтар в обмен на испанские береговые сооружения в Марокко, т. е. Цеуту и Мелилью, а также свободу действий в Португалии. Танжер, говорят немцы, нужен нам самим, равным образом вся французская часть Марокко; Испании могут быть предоставлены остатки Марокко. Французам следовало бы сейчас объявить об отказе в пользу Испании от прав на Танжер, чем можно было бы приостановить агитацию, поддерживаемую в Испании на немецкие деньги, а также положить конец интригам против держав Антанты. Я бы хотел, чтобы Грей нашел какую-нибудь компенсацию, которая могла бы сохранить престиж Франции при отказе от прав на Танжер; *нам* стоит это сделать.

Я читал одну из статей Диллона, опубликованную в «Дэйли Телеграф», от 8 февраля; многое из того, что он говорит, очень верно, но кое-что принадлежит к разряду esprit d'escalier. К кому он обращается со своими открытиями и пророчествами? Слишком много чужого добра было роздано, задолго до устранения прежних владельцев; обещание относительно Константинополя было огромной глупостью, чтобы не сказать — преступной ошибкой. Далее, тупостью и ребячеством было верить, что Германия допускает ввоз оружия и припасов в Болгарию, не зару-

чившись содействием Фердинанда, и думать, что турки сделали Болгарии территориальную уступку вблизи Адрианополя без какого-либо реального qui pro quo в форме соглашения с Германией. О'Бейрн, который пришел, весь пропитанный русской верой в преданность болгарского народа матушке-России, был озадачен Фердинандом и его министрами. Далее идет одурачивание союзнических посланников в Афинах и их начальства королем Константином. Если бы это все не было так трагично, то могло бы оказаться хорошей комедией. Хотя, быть-может, сербы не подготовили свои войска настолько, чтобы быть в состоянии атаковать болгар в момент, когда Фердинанд объявил мобилизацию, державам Антанты не следовало давать Сербии решительный совет воздержаться от наступления на Болгарию. Очень больно, что мы оказались такими идиотами и были так одурачены. Я не принадлежал к числу верующих в успех такой политики.

19 февраля. Взятие Эрзерума (40) должно изменить положение дел в Месопотамии и Египте, если только русские не наделают ошибок; непосредственно же это окажет большое влияние на Малую Азию и на Азию вообще.

26 февраля. Сражение под Верденом все еще продолжается без решительного результата в ту или иную сторону; в одной из своих радиотелеграмм немцы утверждают, что внезапной атакой они заняли вчера вооруженный форт Дуомон, один из концов главной линии постоянных укреплений к северо-востоку от Вердена. Здесь это известие опровергается.

Когда Гауз был здесь, он сказал, что не пройдет шести месяцев, и Соединенные Штаты будут на стороне Антанты. В Лондоне он зондировал Грея относительно мирного посредничества Америки на следующих условиях: Франция эвакуируется, Бельгия также, Франция получает Эльзас-Лотарингию в обмен на некоторые колонии. Грей передал эти условия Камбону, который презрительно рассмеялся над ними. Грей мне об этом ничего не говорил.

Немцы косвенно предлагали, а правительство Соединенных Штатов прямо зондировало относительно следующих условий мира: Бельгия и Франция подлежат эвакуации; Франция получает Эльзас-Лотарингию и отдает некоторые колонии, но не платит никаких возмещений, Англия должна платить. Немцы намекнули, что Соединенные Штаты получат от Дании Грен-

ландию взамен Филиппин, которые Дания затем уступит Германии в обмен на северный Шлезвиг.

Соединенные Штаты не удовольствуются Гренландией. Я думаю, что они согласятся взять датские Вест-индские острова в обмен на Филиппины и смотреть сквозь пальцы на то, что будет с ними делать Дания. Немцам Филиппины нужны для действий против Японии в будущем. Японцы никогда не помирились бы с переходом этих островов в руки немцев.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Март 1916 года.

13 марта. Нижеследующее — слух, но слух достоверный. Обнаружено, что оборона Вердена не была подготовлена. Кастельно отправился туда, в результате чего несколько генералов было выгнано, Петэн поставлен во главе командования, организована настоящая система и вырыты траншеи. Военные власти сейчас вполне уверены в том, что смогут выдержать натиск немцев. Французские потери исчисляются не менее чем в 50 000 человек, а германские от 110 000 до 150 000.

16 марта. Кажется, изобретен новый страшный газ, но посмеем ли мы использовать его против гуннов, и будет ли достаточный запас его? Я сомневаюсь в этом.

Теперь здесь понимают и ценят британские усилия и помощь. Говорят, что сейчас во Франции находится 1 500 000 британских солдат. Наша тяжелая артиллерия вызывает большое восхищение. Она оказала большие услуги под Верденом.

18 марта. Сегодня я завтракал у Анри де-Бретейля. Там был Пишон. Против Жоффра выдвигается много обвинений. У него в главной квартире находятся около 300 офицеров, которые, вместо того, чтобы выполнять свои прямые военные обязанности, пишут меморандумы по таким вопросам как финансы Румынии. Жоффр посылает такие бумаги военному министру для передачи на рассмотрение кабинету! Штабом Жоффра не было сделано настоящих приготовлений к обороне Вердена. Кастельно приехал в Верден 21 января и нашел, что ничего не сделано. Он послал 4000 человек рыть траншеи. 21 февраля немцы перешли в наступление. 24 февраля Кастельно получил от Жоффра все полномочия для действий. Генерал де л'Англь де-Карм хотел

отступить, так как считал, что занимаемых позиций не удержать. Кастельно вызвал Петэна ночью 25 февраля и на следующее утро приказал ген. Бальфурье взять обратно форт Дуомон, что было сделано. Петэн был сделан командиром, и положение улучшилось. Обрадованная публика, за исключением крайних социалистов, хочет, чтобы Кастельно сменил Жоффра; если же эта замена не удастся, то хотят Петэна.

20 марта. Некоторые немецкие колониальные учреждения и предприятия обратились к министру колоний с петицией настаивать при заключении мира на том, чтобы немецкая юго-западная Африка была возвращена Германии. На это министр ответил, что правительство не только будет настаивать на возвращении *всех* колоний, но что оно будет действовать в духе расширения германских колониальных владений. Если бы мы даже были побеждены немцами, туземцы юго-западной Африки удержали бы эту территорию в своих руках и сказали бы немцам: «Приходите и берите, если можете».

В виду того, что итальянское министерство получило выражение доверия от значительного большинства, я думаю, что дипломатическая конференция состоится здесь, как предположено, 27 марта.

В качестве причины, по которой Италия не объявила войны Германии, мне указывают на пребывание в Германии 750 000 рабочих итальянцев. Я подозреваю более тайные причины.

27 марта. На утреннем заседании конференции (от 10 до 12 ч.) обсуждались военные вопросы. Итальянцы заявили, что им нужны тяжелые орудия, пулеметы и снаряжение. Британские представители сказали, что потребности флота были настолько значительны, а потребности армии настолько неожиданны, что мы в состоянии производить только для своих собственных нужд, и то не удовлетворяя их полностью до января следующего года. У нас есть машины, но нам недостает необходимой квалифицированной рабочей силы. Мы не можем перебросить углекопов на другую работу, так как нам приходится снабжать углем союзников и самих себя, и ряд крупных орудийных заводов в Глазго вынужден был остановиться на несколько дней из-за недостатка угля. Ллойд-Джорж привел статистические данные о сделанном нами, а г. Тома дал отчет о том, что сделано Францией. Он и Бриан предлагали итальянским представителям дать квалифицированных рабочих французским заводам.

Представители Италии протестовали, говоря, что итальянское правительство не властно посылать итальянских рабочих во Францию, и было бы невозможно провести через парламент меру, которая давала бы правительству такую власть. На послеобеденном заседании конференции (3 ч. 30 м. — 5 ч.) обсуждались вопросы о продовольствии, о рационировании, о регулировании торговли и о блокаде.

Заседание конференции, происходившее в шесть часов вечера в кабинете Бриана, в присутствии Асквита, Грея, меня, Китченера, Робертсона, Извольского и Жилинского, было посвящено салоникскому вопросу. Слово было предоставлено Китченеру, и он стал в взволнованном тоне распространяться о бесполезности салоникской экспедиции. Вслед за тем Робертсон прочел записку на французском языке, излагавшую его доводы против экспедиции. Китченер объявил о намерении увести одну британскую дивизию. Робертсон разъяснил, что этот уход является предисловием к уводу в возможно ближайшее время второй и третьей дивизий. Жоффр приводил доводы против этого увода, при чем Китченер время от времени бросал возражения, говоря, что британские войска будут полезнее во Франции, чем в Салониках, что он никогда не считал возможным наступление из Салоник, и что присутствие там таких крупных сил в настоящее время означает напрасную трату войск. Ответственность должна пасть на Францию. Мы не в состоянии предоставить транспортные средства, необходимые для подкрепления и снабжения этих войск.

Аргументы Бриана в пользу оставления нынешнего состава франко-британских войск в Салониках, целиком поддержанные Извольским и Жилинским, заключались в следующем. Первоначально мы пришли в Салоники для того, чтобы предупредить превращение их в австро-германскую подводную базу и чтобы помешать Греции присоединиться к центральным державам. Присутствие англо-французских войск явилось серьезным препятствием для осуществления германских намерений. Это видно из заявления греческого короля, шурина императора, предложившего гарантию в том, что если б мы согласились на уход наших войск из Салоник, то неприятель не стал бы затруднять этого ухода. Присутствие англо-французских войск помешало выполнению германского плана нашествия на Египет, каковое намерение причинило столько беспокойства лорду Китче-

неру. Эти союзнические войска удерживали вокруг Салоник значительное количество турок, австрийцев и немцев. Присутствие войск заставило болгар опасаться возможной комбинации против них из Румынии и Греции. Если бы была уведена хотя бы одна британская дивизия, то турки, болгары и румыны заключили бы, что англо-французские войска будут уведены совсем, так же, как и с Галлиполи. Румыния потеряла бы всякую надежду на соединение с Грецией. Болгария осмелела бы и заняла бы агрессивное положение по отношению к Румынии, а всякие виды на присоединение Греции к державам Антанты отпали бы. Если бы британские дивизии одна за другой были уведены, то французам не оставалось бы ничего иного, как тоже уйти, и вся экспедиция была бы провалена. Он думает, что материальный и моральный эффект от этого был бы в высшей степени неблагоприятен. Он надеется, что Китченер не будет настаивать на своем намерении вывести войска, и предлагает Асквиту и Грею подумать о дипломатических и политических последствиях увода войск в настоящих условиях. Китченер ответил, что много думал об этом, и результатом этих раздумий и явилось его предложение об уводе сперва одной, а затем еще двух дивизий. Видя, что Китченер и Робертсон не сумели логически обосновать свое мнение, Асквит сказал, что, принимая во внимание настойчивые возражения Бриана и представителей России, он не будет настаивать на предложении, выдвинутом британскими военными властями.

30 марта. Конференция была жестом, и в качестве такового она имела успех. Все задают себе вопрос, почему итальянец взял на себя обязанность говорить за остальных делегатов. Некоторые думают, что он поступил так с целью подчеркнуть участие Италии в борьбе, *но она не находится в состоянии войны с Германией.*

Сопротивление, оказанное французами под Верденом, грандиозно и является горьким разочарованием для немцев; но сможем ли мы, когда настанет время для активной операции, предпринять успешное наступление? Многие военные авторитеты, в том числе, кажется, и наши, считают, что в полной мере настоящее наступление невозможно ни для одной из сторон. Говорят, что так думали и думают командиры полков, что Жоффр думает так же, но не говорит об этом по политическим соображениям.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Апрель 1916 года.

1 апреля. Из Афин корреспондент пишет: «Нам приходится здесь иметь дело с самым гнусным правительством, руководитель которого Гунарис является ярым германофилом, и тем не менее союзнические правительства, повидимому, расположены давать деньги для поддержки нынешнего кабинета. Это печально, но, к счастью, потеряно уже столько времени, что есть надежда на то, что эти старые птицы свалятся с насеста, прежде чем будут получены деньги.

2 апреля. Здесь был Репингтон, приехавший из Вердена и Шантильи. Он уверен, что французы смогут продержаться против немцев, у которых много убитых. Он считает, что это будет самое действительное средство для побед над немцами. Германия падет от недостатка людей, а не от недостатка иных «товаров». Хотя русским, быть может, и приходится терять двух людей против каждого немца, но людей у России достаточно, чтобы перенести эту диспропорцию в потерях. Репингтон видел последние партии пленных немцев, и он говорит, что они представляют собою жалкий сброд, показывающий, что немцы близки к исчерпанию своих людей. Он нашел у французских офицеров и солдат полную решимость итти до конца Нашей бедой может явиться недостаток людей для пополнения потерь, если мы не введем всеобщего набора, что, как он опасается, маловероятно. Он бранит салоникскую экспедицию, как трату людей и имущества, но он не считается с моральным и политическим эффектом, который имел бы увод войск на Балканах, в Румынии, Греции, Болгарии, Турции, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также в нейтральных государствах.

Лондон, 6 апреля, 4 ч. утра. Только что прибыли сюда, выехав из Парижа вчера в час дня.

Бриан и министр финансов были здесь с серьезными намерениями достать деньги.

11 апреля. Сегодня утром я посетил Лэнсдоуна. Он опасается, что потеря форта Кут ([41]) произведет очень неблагоприятный моральный эффект в Индии, Персии — на Востоке вообще, а между тем мало шансов на его спасение. Он подтвердил мнение Чарли Гардинджа, что военные, а не гражданские власти ответственны

за попытку подойти к Багдаду без достаточных сил. Он говорил о частых переменах мнений Китченера. Он думает, что Бриан и «отец» Жоффр ввергли нас в салоникскую экспедицию.

14 апреля. Во время моего визита у Ллойд-Джорджа, он сказал мне, что, по исчислениям, мы потеряли около 1 000 000 тонн, т.-е. приблизительно седьмую часть нашего торгового флота. Он доволен результатами работ по изготовлению снарядов. Компромиссный мир для него не существует.

Париж, 19 апреля. Сэр Хью Белль, владелец крупного сталелитейного завода, был здесь с поручением от департамента Ллойд-Джорджа расследовать вопрос о сравнительных достоинствах кованых и точеных снарядов. Это сделано, наконец, только сейчас; между тем, еще когда мы были в Бордо, я добивался, чтобы этот вопрос был изучен. Заинтересованные круги оказывали сопротивление всякому сколько-нибудь серьезному расследованию. Такое расследование раскрыло бы действительную стоимость, по которой *можно* производить снаряды, и которая значительно ниже цены, платимой британским правительством.

22 апреля. Клемансо взволнован по поводу Константинополя. Шериф уверяет, что он может прогнать младо-турок при условии, что старо-туркам будет дано обещание оставить Константинополь турецким. Между тем русские сейчас очень задирают нос по поводу занятия ими Эрзерума и Трапезонда и считают, что Константинополь им обеспечен. Однако, с какой бы стороны по суше русские ни направились к Константинополю, им все еще далеко до него. Извольский пронюхал о проекте шерифа и устроил бурную сцену Бриану, который уверял, что ничего не знает об этом проекте. ([12])

25 апреля. Кут до сих пор держится, но надолго ли это? Гражданские и военные власти хотят свалить друг на друга ответственность за опрометчивый поход на Багдад.

26 апреля. Присутствие одной русской дивизии во Франции является лишь политическим жестом, своего рода детской игрой в солдатики. Во время посещения Петербурга Думер явился инициатором этого жеста, но он имел в виду более крупный масштаб, что было абсурдно. Каким образом можно было переправить большое количество русских? Переправлять их из Владивостока значило бы занять все суда государств Антанты, которых недостает и для лучшего употребления. Отправить из Архангельска сколько-нибудь значительное количество людей было бы

опасно: мысль о таком маршруте принадлежит к числу неудачных идей Китченера. Я думаю, что общее число посланных солдат не превышает 12 000.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Май—июнь 1916 года.

6 мая. Получаемые мною сведения из России не вселяют бодрости. Путиловский завод производит снарядов в пять раз меньше, чем выпускал до секвестра предприятия. Движение в пользу секвестра было вызвано наличием немцев в составе администрации завода. Немцы — натурализовавшиеся русские подданные — были выброшены, но на их место были поставлены некомпетентные преемники. Всемогущество Распутина продолжается. Германофильские уклоны имеются при дворе, в консервативных и коммерческих кругах и в революционной партии. Император колеблется между противоположными влияниями при дворе. Вивиани и Тома отправились туда, чтобы ознакомиться с положением дел.

7 мая. Я обедал с Мёррей-оф-Элибанком в кафе-де-Пари. Ресторан был переполнен людьми в хаки и демимонденками в экстравагантных платьях и еще более странных шляпах. Мёррей видел Лейшмена, бывшего американского посла в Константинополе. Лейшмен, очевидно, намерен использовать его в качестве посредника для передачи в Лондон берлинской точки зрения, изложенной Лейшмену Циммерманом, германским помощником министра иностранных дел, который, по словам Лейшмена, является человеком, действительно представляющим мнение Германии.

Взгляд Циммермана-Лейшмена сводится к следующему: поскольку германский и французский фронты одинаково непроницаемы, война окончилась как бы в ничью. Германия будет держать в своих руках занятые ею области Бельгии и Франции до тех пор, пока державы Антанты не согласятся на германские условия, так как немцы считают себя непобедимыми.

8 мая. Мне сообщают о серьезном волнении в официальных кругах Англии, и это не удивительно при такой комбинации, как споры о принудительной военной службе, Куте и ирландском восстании. (43) Асквит был очень напуган, так

как стал вопрос о падении кабинета. Бесконечные интриги как в гражданских, так и в военных кругах.

11 мая. Полученные здесь сообщения говорят, что Ллойд-Джордж очень обеспокоен успехами *пацифистов* в России и в Италии. Предполагают, что в России имеется не только германофильская придворная партия, но также партия мира в народе и среди революционеров.

17 мая. «Тан» сообщает, со ссылкой на «Морнинг Пост», о предстоящем назначении Гардинджа помощником секретаря (тов. министра). Из Лондона мне сообщают, что, согласно распространенному мнению, Кэзмент ([44]) будет приговорен к казни через повешение, но что приговор не будет приведен в исполнение из-за боязни возбудить общественное мнение в Соединенных Штатах. Говорят также, что он обвиняется в том, что склонял британских солдат, находящихся в германском плену, к нарушению верности, но не в восстании, ибо он не совершил никакого явно повстанческого акта, не был пойман с оружием в руках и т. д. Все это вздор. Он гораздо более виновен, чем многие из тех, которые были убиты, как повстанцы, во время боев или были казнены за подписание воззвания об Ирландской республике. Я бы повесил его и бросил бы этот вызов американскому общественному мнению. Американские немцы, конечно, против нас, равно как и американские ирландцы, сочувствующие шинфейнерам; но остальные американцы, не принадлежащие к этим двум группам, будь они на нашем месте, безусловно повесили бы, расстреляли бы или линчевали бы Кэзмента, и с нашей стороны было бы слабостью, если бы мы отпустили его, и за слабость сочли бы это в Америке.

24 мая. Вчера вечером я обедал у Ритца с Гинзбургом, Ле-Руа-Льюисом, японским послом, Ж. Камбоном, управляющим французским банком, и с Бони де-Кастеллане. Эмиссия банка достигла суммы в 600 000 000 ф. ст. Золотой запас немного превышает 200 000 000. Внешняя торговля Японии относительно в таком же благоприятном состоянии, как и торговля Соединенных Штатов: большое превышение вывоза над ввозом, главным образом благодаря русским заказам на оружие и военное снаряжение. Ценность шерстяных изделий, хлопка, кожи и полотна, реквизированных немцами на севере Франции, исчисляется в 36 000 000 ф. ст. Реквизиции эти оплачиваются доходами от реквизиций же. Размеры убытков от грабежа, разрушений, увоза машин, готовых

изделий исчисляются в сумме 200 000 000 ф. ст. Ткацкая промышленность Лилля разрушена, фабрики больше не существуют. Германские власти заставляют банки подписываться на выпускаемые ими обязательства. Получаемая от этих подписок банкнотная и металлическая наличность посылается в Берлин в Рейхсбанк, который открывает ограбленным банкам счета и рассматривает эти суммы как постоянные вклады. На возражения по этому поводу немцы заявляют, что это делается в ответ на секвестр германского имущества и фондов во Франции и должно служить гарантией уважения к этим секвестрованным фондам и имуществу.

25 мая. Мы получили сведения, что в течение 90 дней сражений на верденском фронте и на британском фронте потери французов составили 120 000, наши 90 000 и германские (по вычислению Петэна) — 450 000. С итальянского фронта приходят дурные вести. Согласно германским сообщениям, итальянцы потерпели жестокое поражение и были отброшены, потеряв при этом 24 000 (в том числе 524 офицера) пленными, 251 орудие, 101 пулемет и 16 бомбометателей. Даже по французским сообщениям, итальянцы потерпели поражение, и положение их серьезно. Австрийцы объявляют, что часть итальянского населения бежит вместе с итальянскими войсками из австрийских городов, и что с такими лицами будет поступлено как с примкнувшими к неприятелю.

1 июня. Говоря о том, как много времени уходит понапрасну из-за длинных речей на заседаниях французского совета министров, Бриан попросил меня угадать, кто является наиболее болтливым лицом в совете; я ответил, что трудно угадать, кто из 22 членов совета, но на основании моего опыта, приобретенного на заседании французского кабинета, на котором я присутствовал вместе с Асквитом, Греем, Ллойд-Джорджем и Китченером, я бы сказал, что больше всех говорит президент республики. Бриан ответил на это: «Вы угадали с одного раза».

Мне передали еще одно письмо из Петербурга, согласно которому в России под ружьем находятся 7 000 000. Из них 2 750 000 на передовых позициях и 1 500 000 в ближнем тылу. Теоретически немцы не могут прорвать фронт, но у русских нет способных генералов. Куропаткин неспособен. Это он руководил, вопреки советам Алексеева, последним наступлением, которое стоило русским 50 000 убитыми. Император недостаточно ните-

ресуется войной. В гвардейской пехоте отмечаются антидинастические настроения в пользу вел. кн. Николая, которому это небезызвестно.

2 июня. В Северном море произошло большое сражение, ([45]) но это считается секретом; еще бы! немцы утверждают, что они вышли из него победителями.

Позже. Немцы уверяют, что они уничтожили дредноут «Уорспайт», крейсера «Куин Мэри» и «Индефэтигэбл», два бронированных крейсера, малый крейсер, миноносцы «Тербюлент», «Нестор» и «Акаста», а также большое количество минных истребителей и подводных лодок; остальные британские суда серьезно пострадали, в том числе дредноут «Мальборо»; из экипажа «Индефэтигэбл» в живых осталось всего два человека. Немцы потеряли всего только малый крейсер «Висбаден» и «Поммерн»; пострадали «Фрауэнлоб» и несколько миноносцев. *Наша* версия еще не опубликована.

3 июня. Морское сражение показывает, что немцы были хорошо осведомлены, мы же совсем не осведомлены о движениях флота противника. Наши крейсера, повидимому, были пойманы и взяты под сильный обстрел немецкими дредноутами и крупными крейсерами.

5 июня. Здесь вновь возникло движение против Жоффра и министерства, руководимое Клемансо, Думером и Барту. Они надеются свергнуть Бриана за бездеятельность и за операции Жоффра под Верденом, стоившие 40 000 убитых, 45 000 пропавших без вести и 100 000 раненых.

6 июня. Говорят, что одно из обвинений, выдвигаемых против Жоффра, заключается в следующем: в то время как Петэн постоянно и удачно меняет людей, занимающих передовые позиции в траншеях, Жоффр настаивает, чтобы они оставались там в течение нескольких дней под ряд. Говорят, что Петэн безуспешно протестовал против этого.

Я получил сообщение о несчастьи с «Гемпширом» непосредственно перед завтраком. Меня удивляет, что, несмотря на вероятность встречи с германскими подводными лодками, рыскающими на пути к Архангельску, суда идут туда без конвоя: ведь, уже более года тому назад немцы выслеживали там судно, везшее из Архангельска 8 миллионов ф. ст. золотом. Телеграмма сообщает, что Китченер вместе со своим штабом и О'Бейрн, а также весь экипаж погибли. Частые потопления наших судов —

очень прискорбное явление, но самое ужасное — это гибель их экипажей. Я опасаюсь, что гибель Китченера вызовет сильное угнетение общественного мнения в Англии, во Франции и в России. Кто будет его преемником? Не будет ли им Ллойд-Джордж — мастер на все руки. Если это будет Ллойд-Джордж, то неизбежны трения между ним с его диктаторскими замашками и Робертсоном с его огромным упрямством.

9 июня. Бриан отправился в Лондон. Положение французского кабинета, а вместе с тем и положение Жоффра очень неустойчиво. Результатом секретного заседания 16 июня может явиться отставка обоих. Если Жоффр уйдет, то возможно, что его место займет Кастельно или Петэн. О Барту и Клемансо говорят, как о возможных преемниках Бриана.

14 июня. Бриан твердо надеется, что ему удастся преодолеть все трудности и восторжествовать над своими политическими противниками.

Наступление русских в рижском направлении оказалось, как видно, неудачным.

18 июня. У меня нет еще достоверных сведений о визите Альбера Тома в Россию, ([46]) за исключением того, что Сазонов был недоволен так же, как некоторые другие лица, которым хотелось бы скрыть размеры взяточничества и глупостей.

Русские блестяще обороняются на юге. Чего я опасаюсь, это внезапного обнаружения недостатка снарядов и прочих припасов и отсрочки вследствие этого операций на два года.

21 июня. Бриан говорит, что министерство с уверенностью рассчитывает на солидное большинство.

Мне передают, что Делькассе выставил себя на посмешище: он высказал надежду, что результатом сумасшедшей салоникской экспедиции может явиться переброска 300 000 немцев с верденского фронта на Балканы; между тем, дело на это мало похоже, и Мильеран напомнил ему, что он был в числе сторонников салоникской эспедиции. На Делькассе смотрят как на конченного человека. Говорят, что Бриан обошелся очень ловко с палатой, он напомнил депутатам об их ответственности перед страной за отказ в кредитах на военные приготовления, время от времени предлагаемые министерствами, заявил, что сейчас не время для упреков, что военные ошибки были сделаны, но что сейчас не время поднимать вопрос о пользе тех или иных изменений. Все такого рода вопросы должны быть на короткое время отло-

жены. Результатом секретных заседаний может явиться компромиссная резолюция. Несмотря на то, что солдаты обожают Жоффра, многие генералы критикуют его в беседах со своими друзьями, и эта критика доходит до депутатов.

22 июня. Греческий король смирился после того, как нанес нам, сколько смог, вреда в Салониках и т. д.; все наши требования подлежат удовлетворению.

«Тан» сообщает об изгнании турок из Мекки арабами. Это — крупное событие. ([47])

23 июня. Бриан получил очень значительное большинство, но он связал себе руки, — комиссии будут мешать ему.

X. недавно видел одного очень умного русского, на днях прибывшего из России. Он говорит, что Россия имеет всего лишь 50% того количества снарядов, которое необходимо для действительной обеспеченности. Он опасается, что Россия не сможет сохранить нынешний темп развития своих успехов, а остановка означала бы большой шаг назад; как только война кончится, революция, по словам этого русского, неизбежна.

24 июня. Совершенно очевидно, что король Константин сговаривался с Фердинандом, в согласии с гуннским императором и императором австрийским, о том, что болгарам будет предоставлена возможность занять любую часть греческой территории для обороны против союзников, наступающих из Салоник, и что при окончательном решении вопроса Греция получит части Сербии и Албании в виде компенсации за то, что ей, быть-может, придется уступить Болгарии; это-то и побудило Италию принять участие в нажиме на греческого короля, так как она видела, что ее позиции в Адриатике грозит ослабление.

Я был бы рад, если бы мог думать, что немцы выдохнутся так скоро, как представляют себе некоторые. Всякий мир, который оставил бы Гельголанд в руках Германии и не ограничил бы вооружения Кильского канала, был бы только перемирием. Я сомневаюсь в возможности коммерческого удушения Германии. Мы наталкиваемся здесь на денежные интересы слишком многих нейтральных, и невероятно трудно будет принудить к воздержанию от торговли с Германией все те нации, которые сейчас ведут войну против нее.

25 июня. Эдмунд Тальбот обедал у меня вчера вечером с женой. Он говорит, что положение в Ирландии очень скверно, так как ничего не сделано для укрощения шинфейнеров.

26 июня. Доктор Диллон прибыл сюда сегодня утром. Он все время знал, что Верден должен пасть! Он продолжает держаться мнения, подтверждаемого многочисленными депутатами, сенаторами, политиками и т. д., что Кайо вернется к власти. Этому событию он не назначает теперь столь ранней даты, как во время нашей последней беседы, которая происходила в момент, когда предполагалось падение Бриана. По мнению Диллона, Кайо должен явиться финансовым спасителем Франции, и для этой цели он потребуется как министр еще до окончания войны. Д-р Диллон продолжает утверждать, что во Франции заметны огромная усталость и стремление к миру. На этот раз он не сказал «во что бы то ни стало».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Июль 1916 года.

1 июля. Мы получили превосходные известия по телефону с нашего фронта. Мы отбросили немцев на значительное расстояние на протяжении двадцатимильного фронта и взяли множество пленных при незначительных потерях с нашей стороны. Какое облегчение!

Извольский сказал мне сегодня утром, что с начала июня русские захватили 212 000 пленных.

4 июля. Все идет, повидимому, достаточно хорошо на нашем фронте, но были кое-какие трения между Жоффром и Хэгом. Из хорошего источника я узнаю, что наши потери были очень тяжелы по сравнению с французскими. Французские потери исчисляются в 6 тысяч человек, тогда как наши достигают 30 или 40 тысяч, отчасти вследствие того, что наше наступление было более трудным, отчасти из-за неопытности наших офицеров.

6 июля. Это новое продвижение французов еще больше затруднит попытку противников Жоффра свергнуть его. Мне сообщают, что французы проделали семимильную дыру в германском фронте, и что позади ее у немцев нет готовых укрепленных траншей, так что если Хэг будет продвигаться с таким же успехом, то должны быть достигнуты действительно хорошие результаты.

16 июля. Мы как будто имели хорошие успехи на Сомме, и французы в восторге от нас.

Вчера вечером в числе гостей за обедом был один эльзасец немцкий Вендель, член рейхстага, владелец заводов по обе стороны франко-германской границы. Он бежал во Францию, когда началась война. Он поставляет снаряды французскому правительству. Он сказал, что производство наших заводов в настоящее время значительно превосходит количеством французское производство; между Крезо и французским военным министерством происходили споры, так как министерство отказалось принять советы Крезо относительно снарядов, но, в конце концов, оно было вынуждено признать, что Крезо прав. Нет сомнения, что в военных поставках было немало подкупа по обе стороны канала.

19 июля. Военный атташе говорит, что с 1 июля наши потери составили 100 000 человек. По только-что полученным сведениям, немцы начали ожесточенную атаку густыми массами вчера вечером, и борьба продолжалась всю ночь.

21 июля. Стоимость французских снарядов, выпущенных между 21 февраля и 31 мая на одном только верденском фронте, достигает 31 миллиона 200 тысяч ф. ст.

25 июля. X. пытается заняться условиями мира, которые вдобавок были предложены одним гунном, инспирированным Бюловым. Отставка Сазонова явилась в результате комбинированной интриги императрицы, реакционной и германской партий в России. Император, как подобает восточному деспоту, замышляющему акт неблагодарности, более чем обычно милостив накануне разжалования. От этого пострадают в первую голову поляки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Август 1916 года.

2 августа. Нынешнее поведение американского правительства отвратительно. Ради успеха на выборах президент пытается дергать британского льва за хвост; если бы этот зверь показал свои зубы, то президент содрогнулся бы. Французское правительство и пресса должны были бы объявить о своей твердой солидарности с нами в вопросах о блокаде, о захвате почты, об обращении с германскими подводными лодками, будь то военные или так называемые торговые. Американцы забыли о «Лузитании», о «Персии» и о прочих подобных случаях.

Лондон, 10 августа. Я прибыл в Лондон вчера вечером и, по приглашению Мёррей-оф-Элибанка, завтракал с ним в клубе холостяков, чтобы встретиться там с Ллойд-Джорджем.

Обсуждалось положение Германии, ее стремление к миру и условия, которые она предложила и на которые она пошла бы. Ллойд-Джордж заявил себя решительным сторонником того, чтобы поставить немцев на колени, но тяжелые времена настанут для них только тогда, когда венгры, хорваты и прочие славяне покинут ее и оставят ей одних австрийцев. Возможно, что Германия предложит при посредничестве Америки вывод войск из Бельгии и возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, при условии возврата германских колоний... Согласится ли Франция на это, и сможем ли мы продолжать отказываться? Я заметил, что, поскольку Россия, Франция, Англия и Италия должны быть удовлетворены, разрушение Германии, как мировой державы, *необходимо*, так как иначе возникнет новая война через короткое время. Ллойд-Джордж, повидимому, считает, что Германия может быть взорвана изнутри.

15 августа. Во время завтрака Бальфур спросил меня, какова была бы позиция Франции, если предположить, что Германия предложила бы сейчас эвакуацию Бельгии и возврат Эльзас-Лотарингии. Возникла бы склонность принять эти условия? Я ответил отрицательно, так как Франция потребовала бы больше, чем содержится в таком предложении. Она не согласилась бы отдать ничего из того, что она захватила у Германии, и, кроме того, она связана со своими союзниками обещанием не заключать мира отдельно от них. Более того: французский народ в целом решительно хочет разгромить Германию, чтобы иметь длительный, не гнилой мир. Бальфур спросил, смогут ли французы выдержать еще одну зимнюю кампанию. Я ответил утвердительно, так как последние успехи значительно ободрили их, и они уверены, что при помощи союзников им удастся поставить Германию на колени.

Ханки, указывая на возможность американского посредничества с целью перемирия, сказал, что перемирие, которое продолжалось бы месяц, оказало бы большую услугу в смысле увеличения наших запасов военного снаряжения. Бальфур и я доказывали остальным присутствовавшим, что немцы потребуют снятия блокады на этот месяц, на что, по мнению Бальфура, мы не сможем согласиться.

Разговор коснулся также германского влияния при русском дворе и успешного вмешательства императрицы и Распутина с целью добиться отставки Сазонова по вопросу о Польше. На заданные мне вопросы я ответил, что сведения, полученные во Франции из неофициальных русских кругов и от французских должностных лиц в России, предсказывают революцию в России непосредственно после войны. Обсуждалось также неразумное поведение императора и его министров по отношению к Распутину. Впрочем, мне сказали сегодня утром в министерстве иностранных дел, что русское правительство уступило представителям британского и французского правительств и согласилось на требования румынского правительства. Ожидается, что соглашение о военном сотрудничестве Румынии с Антантой будет подписано не сегодня-завтра.

21 августа. Сегодня вечером я видел Жюля Камбона и Бриана. Французская публика вполне понимает необходимость еще одной зимней кампании. Бриан согласен со мной в оценке господствующего настроения. Не нужно «мира во что бы то ни стало». Война до конца, до полного разгрома германского милитаризма, сепаратные заключения мира невозможны!

Бриан взволнован из-за России, и не удивительно! Извольский чувствует, что его положению грозит опасность; Бриан предпочел бы сохранить его, чем получить другого, который может оказаться еще хуже. Революция в России после войны рассматривается здесь как нечто неизбежное. Она может произойти еще раньше. Бриан также думает, что если обнаружится соглашение реакционеров с немцами, то армия воспрепятствует этому.

22 августа. Положение дел в России и победы реакционеров вызывают здесь большое беспокойство. Я не допускаю, чтобы народ и армия позволили императору броситься в объятия Германии.

24 августа. Здесь сильно нервничают по поводу так называемой германской партии в Петербурге, стоящей у власти, и из-за возможной склонности России к миру на умеренных условиях. Русская цензура разрешает опубликование германофильских и антибританских мыслей. X. подтверждает мою уверенность в том, что, если стоящие сейчас у власти в Петербурге круги обнаружат склонность пойти на соглашение с Германией, вместо того чтобы разгромить ее, русский народ и рус-

ская армия воспрепятствуют этому, даже если бы для этого потребовалось удалить императора и поставить на его место другого.

Извольский боится и трепещет в ожидании нового отличия в виде «ордена сапога». Его уход в настоящих условиях вызвал бы сожаление, так как, несмотря на многие свои ошибки, он имеет некоторые заслуги. Он сторонник доведения войны до конца.

25 августа. Мне передана копия письма, полученного недавно из Петербурга. В письме говорится, что положение на австрийском фронте превосходно, на германском же неопределенно. Армии Брусилова, несмотря на свои крупные потери, полны бодрости и продвигаются. Армии Куропаткина не продвигаются и не могут прорвать германское расположение. Высшее командование медлит и колеблется, а это обескураживает подчиненных генералов, которым не предоставлено никакой свободы действия. Куропаткин не пригоден для полевого командования. Он мог бы быть лучшим военным министром, чем генерал Шуваев, на неспособность которого горько жаловался верховный главнокомандующий Алексеев. Отставка бывшего военного министра Поливанова вызывает большое сожаление, она вызвана была теми же влияниями, что и отставка Сазонова. Либерально настроенные министры были смещены один за другим из-за антипатии реакционной партии, пропитанной германофильством, к либерализму. Сазонов был за то, чтобы обещания великого князя Николая Польше были подкреплены царским манифестом. Г. Штюрмер желал ограничить уступки Польше известными муниципальными и областными привилегиями и децентрализацией в административном отношении, без какой бы то ни было политической автономии. Император принял решение в духе Сазонова и поручил ему составить манифест. Сазонов попросил у императора разрешения прикомандировать барона Шиллинга к министерству иностранных дел, а сам уехал в отпуск в Финляндию. Во время его отсутствия Штюрмер и его друзья обработали императора при помощи императрицы, и Сазонов пал. Штюрмер, без сомнения, очень громко провозглашает о своем намерении продолжать политику своего предшественника, но, поскольку своим приходом к власти он обязан определенной партии, поддержка которой необходима ему для сохранения поста, приходится опасаться, что мало-по-малу иностранная политика России, если и не изменится практически, то подвергнется иным влияниям.

Транспортный вопрос стоит очень остро. Состояние Архангельской дороги улучшилось, но грузы, доставляемые из Соединенных Штатов, скопляются во Владивостоке, и движение их скоро приостановится. Пробка образовалась в Челябинске, так как пропускная способность железнодорожной сети Европейской России недостаточна.

Наступление из Салоник, повидимому, не слишком успешно.

26 августа. Эдмонд де-Ротшильд опасается, что Россия, представляемая ныне германофильским правительством, взяв все, что хочет, от Австрии, пойдет на соглашение с Германией и затем остановится, сложив руки и заявив: «Я выполнила свою долю». Он говорит, что русская армия зависит от офицеров, которые являются бюрократами и будут слушаться приказов начальства. Крестьяне же невежественны, и им скажут, что Россия получила все, чего хотела. Я думаю, что Россия созрела для революции, и что попытка пойти на соглашение с Германией до того, как она разбита, объединит народ и армию против германской партии и русского двора. Будем на это надеяться и об этом молиться.

27 августа. Повидимому, между Пуанкаре и Брианом были разногласия по вопросу о том, как поступить с королем Константином. Пуанкаре — сторонник железного кулака. Бриан надеется на ораторское убеждение. Британское правительство отдает предпочтение последнему.

Жюль Камбон сказал, что Извольский так мало уверен в сохранении своей должности, что раздумывал, не лучше ли подать в отставку. Я сомневаюсь, чтобы он это сделал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сентябрь 1916 года.

1 сентября. Положение в Греции оживляется. Константин в затруднительном положении, и лозунг «да здравствует король» может не встретить успеха во время выборов. Даже его офицеры начинают возмущаться эвакуацией территорий и фортов по приказам из Афин и по требованиям гуннского императора.

2 сентября. Наконец мы произвели военно-морскую демонстрацию в Пирее. Грей встревожен возможностью революции в Афинах и падения короля. Если он падет, то здесь отнюдь

не захотят установить в Греции республику. Французы будут вполне довольны, если вместо короля будет править его сын. Полагают, что, в отличие от своего отца, он свободен от симпатий к немцам.

4 сентября. Хотя дни и месяцы идут быстро, потребуется еще много месяцев, прежде чем станет виден мир. Американское посредничество не будет здесь встречено дружелюбно. Я надеюсь, но я могу только надеяться, что и в других местах оно будет встречено холодным пожатием плечами. Было бы непредусмотрительно и противно здравому смыслу, если бы мы позволили наши жизненные интересы превратить в игрушку президента, нуждающегося в предвыборном лозунге. Мы должны сказать в вежливых выражениях: «Какое нам дело до посредничества? Оставьте нас в покое. Если враг хочет мира, то пусть он сам обращается со своими условиями к противнику».

Лиса Фердинанд перехитрил самого себя. Мы единственный народ, который верит ему. Мы верили также Константину, но теперь ему трудно будет заставить поверить себе даже своих собственных подданных. Он может оказаться в числе лиц, ищущих себе места: бывший король, имеющий хорошие связи, умеет говорить по-французски, по-английски, по-немецки, по-датски и по-гречески, привык путешествовать и хорошо знает главные европейские столицы.

5 сентября. Не думаю, чтобы наше министерство иностранных дел имело много сведений о политике Франции. Я замечаю, что в Англии заподозревают Францию в намерении создать в Греции республику. Если бы такая республика была создана, то она вскоре распалась бы на части. Представьте себе полдюжины или более греческих республик! Это не подошло бы Франции! Французы не любят Константина, но если бы в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств он исчез, то они захотели бы видеть на его месте его сына.

8 сентября. Я думаю, что Саррайль обречен, и что командовать будет вместо него Гуро. Румыния недовольна нашей бездеятельностью в Салониках, которая неудивительна. Большая часть греческих орудий волшебным образом перешла к болгарам, а немцам были предоставлены все возможности шпионить и интриговать.

Диепп, 10 сентября. Падение рождаемости во Франции приняло серьезные размеры. За 1914—1915 г. число рождений

понизилось на 1 000 000. Конечно, из-за войны уменьшилось количество потенциальных отцов, но пополнить упущенное будет трудно, если даже попытка и будет сделана. От Англии ожидают, что она позаботится о финансовой помощи и об организации в деле водворения беженцев из опустошенных областей и даст деньги, чтобы вновь пустить в ход остановившуюся промышленность. Мне кажется, что французское правительство вошло в соглашение с Бельгией о том, что она не станет заключать торгового договора с Германией; но взамен этого обязательства бельгийцы естественно будут ожидать, что им предоставят возможность выйти на благоприятных условиях на французский рынок с теми товарами, которые они прежде продавали Германии: тогда французские промышленники на севере подымут крик о конкуренции бельгийцев. Другой вопрос, интересующий сейчас публику, касается судьбы тех молодых людей, которые в момент их мобилизации готовились к ученым профессиям — к адвокатуре, медицине и т. д., и что будет сделано с демобилизованными солдатами. Многие из них будут неспособны вернуться к своим прежним занятиям, многие не захотят этого.

15 сентября. Из Мадрида я получил следующие вести. Лорд Нортклифф пробыл три дня на севере Испании и счел то, что он там видел, за типичное испанское умонастроение, между тем это не так. Письмо императора гуннов к испанскому королю, доставленное подводной лодкой, явилось очень некстати, и король не ответил на него. Уррутиа намерен притти к завтраку, так что я могу надеяться на интересные сообщения.

Речь Мауры, которой он добивается назначения, имеет тот смысл, что если Франция согласится на присоединение Танжера к испанской зоне и проявит сговорчивость также в других отношениях, то позиция Испании по отношению к Антанте изменится. Заплатить Танжером за то, чтобы толпы немцев были выгнаны из Испании и чтобы был положен конец укрывательству и снабжению германских подводных лодок в испанских водах, было бы недорого, но я сомневаюсь, чтобы французы поняли целесообразность этой уступки.

14 сентября. Сдача по приказу при Кавалле ([48]) недурная штука! А в Англии все еще есть люди, готовые защищать Константина. Указывают на затруднительность его положения и т. п., между тем все дело в том, что он до сих пор продолжает надеяться, что Германия выиграет войну, и он тогда полу-

чит свою награду, т.-е. кусок Сербии и кусок Албании. Однако Болгария все же получит обратно все, что было отнято у нее Грецией в 1913 г., несмотря ни на какие обещания шурина-гунна.

16 сентября. Кавалла, т.-е. сдача греческой дивизии по приказу Константина и ее интернирование в Германии, превосходное доказательство лояльности короля по отношению к Антанте и к самой Греции!

17 сентября. Румыны очень недовольны тем, что Саррайль не предпринял энергичного наступления, приписывая этому свои поражения в Добрудже. ([49])

Состояние анархии в Греции становится с каждым днем все хуже. Короля обожают те греки, которые не хотят сражаться, а таких в Греции много. Кавалла напоминает оперетку.

Здесь нервничают из-за боязни, что Россия заключит сепаратный мир с Германией. Эпизод с «клочком бумаги» поколебал святость договоров, и каждая из сторон, договорившихся в сентябре 1914 г. (быть вместе и не заключать сепаратного мира), подозревает одного, а то и нескольких своих партнеров в вероломстве. Я не могу допустить мысли, что русская армия и народ позволят императору заключить мир с Германией, если бы даже императрице и Распутину удалось убедить его сделать это.

Националисты жалуются на тяжесть предлагаемых нами условий займа и на наше требование золотого депозита в качестве обеспечения. Мы авансировали нашим союзникам 400 000 000 ф. ст. по умеренным процентам, принимая во внимание исключительный момент. Что было бы с Францией, если бы не наш кредит? Впрочем, то, что говорят националисты, не имеет никакого реального значения.

18 сентября. Король Константин принял требование об организации делового кабинета. Он избавился от Займиса и К° и назначил парламентских министров, склонных к германофильству. Его генеральный штаб, так же как и сам он, не хочет войны против немцев и болгар, даже ради обороны греческой территории; поэтому штаб и его многочисленные сторонники в армии будут готовы защищать короля против народного восстания (это для них менее страшный противник); таким образом, трон Константина может считаться в настоящий момент относительно обеспеченным. Французская пресса разжигает неприязнь к Константину; возможно, что британская пресса вскоре

последует ее примеру. Даже Клемансо настроен сейчас враждебно по отношению к грекам.

Вчера я видел Бриана. Он не верит в возможность сепаратного мира между Россией и Германией, даже если бы министрам-германофилам удалось склонить императора к переговорам с правителем гуннов, что маловероятно.

20 сентября. Наши так называемые бронированные танки явились большим сюрпризом для французской публики и очень неприятной неожиданностью для гуннов. Военный атташе говорит, что французские военные власти знали о них; я в этом сильно сомневаюсь.

Недавно обсуждался вопрос о возмещениях. Моя идея относительно возможных возмещений со стороны Германии сводится к следующему: надлежало бы взять эти возмещения из доходов, полученных германским правительством от продажи железных дорог и лесов какому-либо синдикату; но никто из нынешних врагов Германии не стал бы пайщиком такого синдиката. Поэтому союзникам следует удержать в своих руках главные германские порты и собирать таким образом таможенные пошлины в качестве обеспечения германских платежей вплоть до полной уплаты возмещений. Но в настоящий момент мы очень далеки от исчисления возможных возмещений.

22 сентября. Вчера в палате имела место сцена, означающая крупную неудачу партии мира во что бы то ни стало и объединения с германскими братьями. Один из членов этой партии — Лонгэ, внук Карла Маркса. Когда французское правительство находилось в Бордо, он был предложен кандидатом в переводчики для объяснения с британскими войсками, преимущественно с индийцами. В виду того, что Лонгэ депутат, Мильерану было трудно отказать, но я настоял на своем и отказался принять Лонгэ, который желал изложить свое исповедание англиканской веры. Ему так и не удалось получить место, на которое он надеялся. Он связан с индийскими революционерами во Франции.

26 сентября. Здесь ходят слухи, что положение Штюрмера уже поколеблено, и возможным преемником его называют порядочного человека, именно Гирса, посла в Риме. Я боюсь, что известие это слишком хорошо, чтобы быть верным.

28 сентября. Из Англии идут слухи о посредничестве. О посредничестве *здесь* не захотят и слушать, а вопрос о пере-

мирии не поднимался. В настоящее время немцы не могут предложить приемлемую основу, вернее, приемлемую для *всех* государств Антанты. Разве они могут дать такие компенсации, которых Румыния, Италия и Россия должны добиваться, чтобы иметь возможность оправдаться перед своими народами в разрыве с Францией, Бельгией и Англией? Если бы даже британское правительство было склонно заключить мир на тех условиях, которые готова предложить Германия, разве согласились бы на это народ и наши колонии? Я не верю в возможность мира на протяжении ближайшего года.

29 сентября. Заявления Ллойд-Джорджа в беседе с сотрудником американской печати, переданные в сегодняшнем номере «Дэйли Мэйль», должны, казалось бы, достаточно ясно показать американцам, что всякое предложение президента Вильсона относительно посредничества и перемирия обречено на неудачу. Заявления эти свидетельствуют также о том, что Ллойд-Джордж не согласится на гнилой мир, и указывает тем из его коллег, которые колеблются между доведением войны до полного разгрома Германии и соглашением с гуннами о так называемом почетном мире, что он скорее уйдет из кабинета, чем уступит, и что в таком случае будет апеллировать к стране против пацифистов.

Какую позицию займут его коллеги? Быть-может, руководство Ллойд-Джорджа приведет к тому, что малодушные займут решительную позицию против американского вмешательства и посредничества. Я надеюсь на это.

Новый бельгийский посланник был у меня сегодня с визитом. Он опасается, что германофильская партия в Петербурге одержит верх и склонит императора если не прямо заключить сепаратный мир, то войти в секретное соглашение с императором гуннов о Польше, а затем прекратить военные действия под предлогом недостатка военного снаряжения, ожидавшегося Россией из Франции и Англии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Октябрь 1916 года.

Париж, 2 октября. Говорят, что Венизелос намерен собрать на о. Крите распущенный парламент, в котором он имел большинство; парламент этот должен служить противоядием против

того, что делает нынешний парламент, голосующий, по настоянию короля, против объявления войны. Фондом для поддержания временного правительства послужат пошлины, собираемые на венизелистских островах.

5 октября. Немцы вновь пытаются действовать по принципу «разделяй и властвуй», на этот раз с целью обработать Бельгию и Францию при посредстве короля Альберта. Какие же они плохие судьи характера! Они явно устали и изнурены; они пускают в ход драгоценности, в том числе принадлежащие императрице. Тем не менее, до мира еще очень далеко. Я не думаю, чтобы британская публика позволила правительству прислушиваться к тем условиям мира, которые могло бы предложить германское правительство в согласии со своей похвальбой перед германским народом. Французы не хотят слышать о куцом мире.

6 октября. Что за вздорную речь произнес президент Вильсон в Омахе в четверг! Америка *была* слишком горда, чтобы сражаться; *теперь* для выступления нужна справедливая и важная причина. Но как же обстоит дело с «Лузитанией»? Как обстоит дело с нападением подводных лодок на нейтральные суда без предупреждения? Он подставляет свои паруса какому угодно избирательному ветерку, который только он может поймать. Если он сможет вовлечь нас в переговоры отдельно от наших союзников, то он с легкостью пощиплет за хвост «доброе по природе животное», каковым является британский лев.

8 октября. Прямо изумительно, как многие британские офицеры и политики глотают политические сплетни, собираемые здесь и посылаемые домой англичанами, из которых некоторые считаются умными. Говорят, что Франция выдохлась, что она не подготовлена к борьбе до полной победы, что существует сильное течение в пользу мира, чуть ли не любою ценою; а что на известных условиях Франция согласится заключить сепаратный мир с Германией, — несмотря на то, что она связана сентябрьской конвенцией 1914 г., — что если бы ей предложили сейчас возврат Эльзас-Лотарингии и эвакуацию Бельгии, то она согласилась бы на мир с Германией. Все это ерунда! Французы отлично понимают, что если Германия не будет поставлена на колени, то всякий мир, на который Германия согласилась бы сейчас, дал бы ей только возможность начать войну через несколько лет. Самое *меньшее*, на что Франция могла бы согла-

ситься, это возврат Эльзас-Лотарингии, эвакуация Бельгии, восстановление ее суверенитета, а также контрибуция от Германии. С большим трудом, быть-может, удалось бы убедить Францию вернуть Германии часть германских колоний в западной Африке, но поскольку заокеанские британцы будут настаивать на удержании отнятого нами от Германии в юго-западной Африке, восточной Африке и на Тихом океане, мы не можем ожидать, чтобы французы для нашего удовольствия отказались от своих колониальных завоеваний.

9 октября. Румыны не оправдали надежд, возлагавшихся на них друзьями и поклонниками. На русских выпадет обязанность притти им на помощь в Добрудже.

13 октября. Вслед за Ллойд-Джорджем выступают Асквит и Бонар-Лоу с решительными декларациями о войне и мире. Повидимому, они сочли необходимым поднять флаг на министерской мачте в виду малодушной позиции кой-кого из их окружения.

Я боюсь, что румыны попали в отчаянное положение. Но они поступали так, как поступали и остальные государства Антанты: из политических соображений они делали то, что им хотелось, а не то, что требовалось военной целесообразностью. Мы пришли неподготовленными в Месопотамию, французы начали кампанию с вступления в Эльзас.

Есть люди, которые думают, что германофильски настроенное русское правительство может заключить сепаратный мир с Германией, чтобы предупредить создание Польского королевства, но это означало бы отказ от всех русских мечтаний о Константинополе, так как немцы не могли бы оставить его в руках России и прервать, таким образом, связь Германии с Багдадской железной дорогой.

14 октября. Надеются, что удастся спасти Румынию от разгрома: русские спешат ей на помощь.

16 октября. Я видел письмо из хорошего петербургского источника, датированное 25 сентября.

Русская гвардия понесла очень большие потери между Ковелем и Ровно. Командовал ею генерал Безобразов, которого император назначил вопреки протестам генерала Алексеева. Перспектива новых атак со стороны немцев угнетающе действует в Петербурге. Солдаты, снаряды, легкая артиллерия и ружья имеются в большом и почти достаточном количестве. В марте 1915 г. Россия производила 500 000 снарядов в месяц. За по-

следний месяц она получила 4 000 000 легких снарядов, в том числе заграничные, а по выпуску орудий Путиловский завод достиг производительности, существовавшей до секвестра его, и ожидается, что вскоре производительность возрастет до 250 орудий в месяц. Не хватает тяжелой артиллерии и крупных снарядов. Эта нехватка привела к большим потерям и к приостановке наступления, когда русские увидели против себя не австрийцев, а немцев.

Угнетающе действует также разруха, дороговизна и неспособность правительства. Предполагалось, что положение Штюрмера поколеблено, что от него отошли поддерживавшие его митрополит Питирим и Распутин, что на посту председателя Совета министров его сменит Трепов, что г. Фон-Гирс или г. Боткин намечаются на пост министра иностранных дел, но ни одно из этих предсказаний не оправдалось; принимая, однако, во внимание, наклонность этих лиц к крайней правой и к реакции, такие перемены едва ли имели бы большое значение. Все названные лица в душе враждебны либеральным идеям и принципам. Они молчат, так как не могут поступать иначе. Говорят они только то, чего не думают, за исключением бесед с близкими друзьями, и тогда они открывают свой подлинный характер. Журналист Буладель, который выступал с оскорбительными нападками на Англию и вынужден был оправдываться перед британским послом, утверждает, что Штюрмер, отдавая ему распоряжение ублажить посла апологиями, сказал ему, что разделяет его взгляды. Москва (национальная и либеральная партии) только и заставляет правительство вести приличную внешнюю политику. Петербург не заслужил этой похвалы.

Лондон, 20 октября. Некоторые члены правительства говорят, что мы разорены и не можем продолжать войну. Другие говорят, что мы достаточно воевали и можем добиться приемлемого мира, или говорят, что победить мы не можем, что мы не в состоянии выгнать немцев из Франции и Бельгии, и что война окончится вничью.

26 октября. Сегодня утром я видел Лэнсдоуна. Я возражал против возможности сепаратного мира между Россией и Германией. *Он* не верит в такую возможность, но опасается гибели Румынии и могущего последовать за этим отчаяния в России. Он думает, что это произведет на нейтральных более сильное впечатление, чем победы Антанты под Верденом.

27 октября. Бальфур считает невозможным, чтобы Румыния со своими 800 000 солдат была стерта с лица земли, подобно Сербии. Он, повидимому, не слишком встревожен рейдом германского флота в Доверском проливе. Между тем, ему *надлежало бы* знать размеры опасности. Мне это событие представляется серьезным, особенно в связи с потоплением без всякого разбора судов мелких нейтральных государств, как Норвегия, Дания и Голландия, и с тоном угрозы, который Германия усвоила себе по отношению к Норвегии и который означает новую попытку терроризировать нейтральных и, таким образом, чинить препятствия нашему спабжению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Ноябрь 1916 года.

Париж, 3 ноября. Германские социалисты подняли совместно с русскими анархистами агитацию за мир.

4 ноября. Из авторитетного источника я узнаю, что румынские архивы перевезены из Бухареста в старую столицу Молдавии, Яссы, неподалеку от бессарабской границы России.

На одном русском заводе произошла демонстрация с требованиями мира. Два пехотных полка отказались восстановить порядок, вследствие чего были вызваны казаки, которые и рассеяли толпу. Говорят, что германские социалисты при содействии германского правительства вошли в связь с русскими анархистами. Москва твердо сопротивляется попыткам преждевременно заключить мир.

7 ноября. Глупости, совершаемые Россией время от времени, прямо губят нас, но нас спасают просчеты немцев. Российский император сделал глупость, не подтвердив обещаний, данных Польше вел. кн. Николаем Николаевичем. Германский император и его австрийский коллега, как нам кажется, тоже наделали ошибок в польском вопросе. В какой мере и надолго ли русские поляки, единственные, которые будут пользоваться частичной автономией под германским владычеством, будут находиться под обаянием германской декларации? Им придется, ведь, сражаться в германской армии либо против Франции и Англии, не любить которых у них нет оснований, либо против России, с перспективой быть расстрелянными в случае взятия в плен.

У меня есть сведения, что Штюрмер уже в опале, и что болезнь его должна подготовить к его уходу, и что Сазонов может вновь появиться на политической сцене! Несмотря на то, что Петербург и германофильская партия относятся одобрительно к заключению мира, Москва и армия не допустят до этого.

8 ноября. Здесь было немало разговоров о том, что германофильски настроенное министерство побуждает Россию заключить сепаратный мир с Германией. Гуннский и австрийский императоры, повидимому, потеряли всякую надежду на такой мир, так как, объявив русскую часть Польши королевством под верховным владычеством Германии, они сделали невозможным примирение с Россией. (50)

15 ноября. Пуанкаре негодует по поводу текста русского протеста на декларацию германского и австрийского императоров о будущем Польском королевстве. Он старался о том, чтобы русским объявили, что если император подтвердит обещания, данные вел. кн. Николаем Николаевичем в начале войны, и пообещает русской Польше действительную автономию, то Антанта сделает во время мирных переговоров все возможное, чтобы присоединить к русской Польше Польшу германскую и австрийскую.

20 ноября. Дени Кошен сделал мне визит сегодня днем. Он говорит, что посланники держав Антанты в Афинах, заявляющие о своем желании примирить Венизелоса с королем, на самом деле внушают королю недоверие к Венизелосу, а Венизелоса подстрекают против короля. Таким образом, действия посланников носят антидинастический характер, и они разъединяют короля и его подданных, вместо того, чтобы сближать их. Кошен считает, что результатом войны будет общая передвижка на восток всех континентальных участников войны. Франция получит Эльзас и Лотарингию, Германия — Польшу и значительную часть западной России. Россия будет компенсирована в Малой Азии, Италия вытеснит Грецию из ее владений, граничащих с Албанией. Англия удержит германские колонии, которые она заняла или сможет еще занять. Он ничего не сказал относительно того, что получат Греция, Сербия и Болгария. Он не думает, чтобы из Салоник пришло что-либо, способствующее спасению Румынии. Он не любит русских и смотрит на них как на восточный народ, которому надлежало бы вернуться на Дальний Восток.

21 ноября. Один русский поляк, бывший депутат Государственной думы от Варшавы, посетил меня сегодня. Он остановился здесь по пути в Лондон. По его мнению, возможно, что немцы завербуют *насильно*, если понадобится, в германскую армию русских поляков, которых они вывезли из Польши для работы в Германии.

Недавняя сцена в Думе была гораздо более бурной, чем можно было судить по опубликованным материалам. Заявление военного министра и министра внутренних дел, что война будет доведена до конца, было инспирировано ген. Алексеевым без ведома Штюрмера, который внес в кабинет не имевшее успеха предложение об аресте Милюкова, обвинявшего Штюрмера в продажности. Оба вышеупомянутых министра солидализировались с Милюковым в заседании Думы, вызвав этим аплодисменты. В какой мере император причастен к этой декларации, и какова будет судьба Штюрмера — будет ли он устранен совершенно неожиданно для самого себя, подобно Сазонову и другим министрам, — этого мой поляк не может сказать. В отсутствие императора, уезжавшего в Ставку, на заседаниях кабинета председательствует императрица! Некоторое время тому назад мой поляк представлял императору меморандум о чаяниях Польши. Его величество в общем соглашался и предложил ему показать меморандум императрице, что тот и сделал. Эта дама подвергла мелочной критике все предложения до единого и сказала, что предоставление Польше просимого ею побудило бы Литву и Прибалтийские провинции требовать автономии. Мой поляк ответил ей, что в Литве и Прибалтике больше поляков, чем немцев, что не совсем верно. В общем императрица оказала ему плохой прием. При эвакуации Польши русские вывезли все ценные бумаги и банковские вклады; вследствие этого польские собственники не будут склонны поддерживать германскую так называемую автономную Польшу, будучи уверены, что их ценные бумаги и вклады будут конфискованы, если они станут на сторону Германии.

22 ноября. Из Румынии плохие вести, и поражение ее затянет войну, но я уверен, что немцы, несмотря на свое хвастовство, очень истощены. Они так много говорят в своих радио о том, что в ближайшем будущем Вильсон выступит посредником и миротворцем в германском духе, что он вынужден был протестовать против приписывания ему такого намерения. Законо-

проект о мобилизации для военных целей всей германской нации также показателен для растерянности германского правительства. Они намерены заменить ввезенными бельгийцами и поляками всех здоровых немцев, годных для военной службы.

Французская армия потеряла убитыми и умершими от ран свыше 1 100 000, и в Германии находится около 250 000 французских пленных.

23 ноября. Вести из Румынии не улучшаются. Итак, наконец-то германскому, австрийскому и турецкому посланникам пришлось покинуть Афины. Их следовало удалить гораздо раньше. Удаление их является новшеством в так называемых обычаях и международном праве, но с самого начала войны немцы вводили новшества и нарушали международное право во вред нам. Почему бы нам в миниатюре не подражать германской практике?

24 ноября. Штюрмер пал à la manière orientale, и вместо него правит министр путей сообщения. Должно быть, это Алексеев в ставке запугиваниями побудил императора к этой театральной развязке, подготовив к ней Думу при помощи декларации военного министра и министра внутренних дел.

26 ноября. Большие дебаты возникли вокруг вопроса о том, кто будет послан в Россию в качестве представителя Франции и Англии. Бриан и Асквит были бы подходящими людьми для того, чтобы с наибольшим эффектом говорить с царем и его министрами, и возможно, что Грей пожелает быть истолкователем политики его величества короля Георга. Бриан опасается, что столь длительное отсутствие из Парижа, которое потребуется на поездку в Россию, пребывание там и возвращение может дать его соперникам удобный случай для свержения министерства. В таком случае возникла бы борьба из-за его преемника, притом среди его же коллег. Рибо отказывается ехать в Россию. Возможно, что поедет Думерг. Ллойд-Джордж явился бы подходящим олицетворением решимости британского народа сражаться. ([51])

28 ноября. Положение Румынии действует угнетающе, но оно может измениться, если русские поспешат, и если у них окажется достаточно пушек, а *также* снаряжения для полевой артиллерии.

29 ноября. Есть признаки, что малые нейтральные страны принимают решения совместно, но поскольку Швеция является

spiritus rector, соглашение, если бы таковое было достигнуто под влиянием Швеции, оказалось бы не в нашу пользу. Шведский премьер-министр — друг бошей.

30 ноября. Сегодня я виделся с румынским посланником. Он, конечно, очень удручен. Он порицает Китченера за то, что тот обращал внимание исключительно на север Франции и на Египет. Во Франции не было возможности прорвать германскую линию и вторгнуться в Германию, а Египту в действительности не грозила никакая опасность. Китченер должен был бы понимать, что война будет решена на Балканах, а России надлежало быстро притти на помощь Румынии, когда та вступила в войну.

Морганы предполагали выпустить англо-французский заем. «Федераль Резерв Борд», учреждение, во главе которого стоит американец Шифф, опубликовало заметку, указывающую, что Америка, загребая на войне кучу денег, должна придерживать золото, в целях послевоенного экономического господства, и не должна вкладывать деньги во внешние займы или предприятия. Поскольку никаких иностранных займов, кроме англо-французского займа Моргана, не предвиделось, заметка явно преследовала цель воспрепятствовать этому займу, и встревоженный Мак-Кенна хочет замять это дело.

В «Морнинг Пост» помещена передовая, которой я еще не читал, на тему о том, что Германия сделала очень выгодное для союзников мирное предложение на том условии, чтобы ей была предоставлена свобода действий в Центральной и Южной Америке. Германия сделала много глупостей, но неужели она может оказаться настолько одураченной, чтобы сделать такое предложение, которое ее целиком продает Америке? Бриан смеялся над теми, кто поверил, что такое предложение было сделано. Кто это пустил такую утку, за которой погналась «Морнинг Пост»?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Декабрь 1916 года.

1 декабря. Сегодня за завтраком я встретился с Памсом, очень богатым фабрикантом папиросной бумаги, который сам не курит. Нас было всего трое. Он был очень интересен. Он нападал на Пуанкаре за его исполнение президентских обязанностей. Он говорит, что сейчас замечается сильное движение

против Жоффра, который очень устал. Жоффр с трудом продвигался вверх по служебной лестнице, но он всегда был хорошим работником. Poilus * относились к нему с величайшим доверием, но он не оправдал их ожиданий. Страна, взятая в целом, здорова. Непокорные элементы Парижа и больших городов находятся либо на фронте, либо на заводах, изготовляющих снаряжение, многие из них убиты, а те немногие, кто не был устранен одним из этих способов от руководства беспорядками, столь незначительны численно, что не могут представлять опасности. Возможны демонстрации по поводу дороговизны, но с ними можно будет справиться. Он предвидит после войны целую серию забастовок в странах-участницах войны, но еще больше в нейтральных государствах. В Германии забастовки будут наиболее серьезны, так как они будут использованы социалистами для того, чтобы добиться реформ. После войны безопасность Франции и Англии с абсолютной повелительностью будет диктовать теснейший политический союз между этими странами. Экономическое соглашение натолкнется на трудности, чинимые протекционистами, но оба правительства должны на нем настаивать, а народы примиряться с этим.

4 декабря. Греки передвигают свои войска, орудия и т. д. за пределы досягаемости союзнических десантных частей на север и располагаются против своих врагов-друзей болгар и против левого крыла армии Саррайля.

Как всегда случается с союзниками Антанты, русские являются слишком поздно, чтобы можно было избавить румын от потери Бухареста и спасти их от наступления.

5 декабря. Милые дела творятся в Греции! После ряда других оскорблений, нанесенных Венизелосу, регулярные войска, под начальством греческого генерала, украшенного медалями, напали на его дом в Афинах без всякой провокации со стороны его обитателей. Атака началась с артиллерийского огня. Содержимое дома — мебель, одежда и проч. — было описано и вывезено под военным эскортом. Мне передают, что британские и французские подданные были посажены на суда, стоящие в Пирее.

6 декабря. Недурная историйка происходит в Англии! Мне думается, что Ллойд-Джордж и его товарищи по заговору ре-

---

* Буквально: «обросшие волосами», т. е. небритые; французское прозвище фронтовиков.

шили избавиться от Асквита или погибнуть на этом деле, иначе они бы не потребовали исключения из военного комитета премьер-министра под предлогом, что у него есть другие дела. (52) Они могли бы сделать его председателем комитета из пяти членов с решающим голосом. Для премьер-министра создалось бы позорное и невыносимое положение, если бы он был удален из военного комитета. Я очень жалею, что Асквит уходит, так как Рабочая партия доверяла ему, а с Бонар-Лоу и Ллойд-Джорджем могут быть трения. Я надеюсь, что новый кабинет будет менее многочисленным, более решительным и более быстрым в решениях. Если Артур Бальфур умен, то он воспользуется благоприятной возможностью показать лойяльность по отношению к Асквиту, которую тот так ценит, и уйдет в отставку. Лэнсдоун несомненно так поступит.

Повидимому, возникла идея учредить здесь военный комитет по образцу того, что Ллойд-Джордж предлагал для Англии. Бриан был бы председателем этого комитета и имел бы коллегами военного министра, морского министра и Жоффра.

8 декабря. Здесь ощущается угольный голод. Насколько я знаю, в Руане имеются запасы, но в виду того, что муниципальные власти Парижа установили максимальную цену, угольные торговцы предпочитают снабжать те местности, в которых цена не фиксирована. У меня нет точных сведений о том, так ли это в действительности, но я не мог получить угля от продавца, и мне пришлось обратиться к правительству.

У меня нет известий о том, что происходит в политических кругах Лондона. Я надеюсь, что Ллойд-Джорджу удастся сформировать небольшой, но сильный кабинет, несмотря на хныканье официальных либералов. Пацифисты, повидимому, не понимают, что для нашей страны и для нашего народа дело идет о победе и при том такой, которая поставит врага на колени — иначе рабство у гуннов. О, как я ненавижу политиков с их партийными предрассудками и выдумками! Было бы несчастьем, если бы Ллойд-Джорджу не удалось составить министерство, или если бы составление его затянулось даже немного.

Россия внушает самые мрачные мысли. Ее войска, повидимому, всегда приходят слишком поздно. Она втянула Румынию в войну и оказалась неподготовленной, чтобы притти ей на помощь. Нам удалось уничтожить довольно большое количество нефти и хлеба в тех областях Румынии, которые подверглись

нашествию. За последнее время я ничего не слыхал о возвращении вел. кн. Николая Николаевича к командованию в Европе. Алексеев уволен за одну операцию. Мне кажется, что в близком будущем предстоит новое продвижение французов и в связи с ним также продвижение англичан.

9 декабря. Пан-германистская газета «Alldeutsche Blätter» не является правительственным органом, но ей разрешается публиковать минимальные условия мира, и хорошо было бы британскому народу знать эти условия. Вот в чем они заключаются: часть Франции аннектируется, Бельгия *воссоединяется* с Германией, Германия получает морскую базу на берегу канала к западу от Доверского пролива, Германия аннектирует прибалтийские провинции России, всю Литву, русскую Польшу и всю русскую территорию к западу от линии Киев — Крым, включая Одессу; бельгийский Конго аннектируется. Германия получает все стоянки для флота, какие захочет. Австрия и Болгария делят между собою Румынию, Сербию, Черногорию и Албанию, Турция аннектирует Египет, Судан и Триполи и распространяет свое господство к югу вплоть до Центральной Германской Африки. Опубликование этих завоевательных грез было разрешено, вероятно, ради того, чтобы склонить нас к миру на более умеренных условиях. Само собой разумеется, что по этому плану Германия получает обратно все свои колонии.

11 декабря. Об уходе Асквита я сожалею вследствие моего *личного* отношения к нему. Он мне нравится, и я надеялся, что он примет идею Ллойд-Джорджа о военном комитете. Приходится махнуть на это рукой.

13 декабря. Если бы у немцев была такая сильная уверенность в том, что их победы будут продолжаться сколько-нибудь значительное время, они не стали бы *сейчас* предлагать мир. [53] Они продолжали бы воевать до тех пор, пока их враги не запросили бы мира. После того, как немцам не удалось уговорить каждое из неприятельских правительств в отдельности покинуть своих союзников и заключить сепаратный мир, они пытаются теперь произвести впечатление на толпу. Если бы меня спросили, то я посоветовал бы союзникам не отвечать и не принимать к сведению ноту, которую, по просьбе германского канцлера, намерены передать правительствам держав Антанты правительства Соединенных Штатов и Испании, на которую возложена обязанность защищать в Германии подданных Антанты.

Молчание означало бы презрение; правительствам держав Антанты было бы трудно притти к соглашению о точных условиях общего ответа, а если бы каждая держава стала отвечать за себя, то получились бы расхождения в условиях, которые могли бы побудить Германию к новым попыткам посеять рознь между союзниками. Германская нота свидетельствует о том, что у германского правительства *нет* уверенности в продолжении побед; она сознает солидарность держав Антанты и знает, что если неприятель останется тверд, то Германия потерпит поражение. Так я смотрю на дело. Я рассчитываю на то, что Ллойд-Джордж и Карсон не станут слушать уговоров Германии. Не сделает этого и Джордж Керзон, который не принадлежит к числу пацифистов.

15 декабря. Я опасаюсь, что положение Бриана сильно поколеблено неудачами в Румынии и Греции, хотя он в них и не виновен, если не считать того, что он был инициатором салоникской экспедиции. В то время (февраль 1915 г.) необходимо было увлечь за собою Грецию, Болгарию, Румынию, а мы были одурачены двумя королями — Фердинандом и Константином.

16 декабря. Я надеюсь, что мы оставим без всякого внимания так называемую мирную ноту Германии, и даже в том случае, если она будет представлена правительством Соединенных Штатов и снабжена его рекомендацией. Но я смею думать, что иначе посмотрит на дело министерство в Лондоне. Мы слишком нервничаем по поводу американского общественного мнения. Мы должны поступать так, как несомненно поступили бы американцы, окажись они на нашем месте, а мы на их, но не таков метод Даунинг-Стрита, или, во всяком случае, таким он не был до сих пор.

17 декабря. Я опасаюсь, что правительства Антанты станут отвечать на германскую мирную ноту, что явится, на мой взгляд, актом безумия, так как нота эта была только передана американским правительством без рекомендаций или комментариев.

Косвенным путем я узнал из кругов Ватикана, что мирные условия, предусматриваемые Германией, — конечно, с целью разъединить союзников, — допускают известное удовлетворение для Франции и Бельгии, кое-какие исправления границ и преимущества для Италии, но не допускают возвращения России ее территорий, занятых ныне центральными державами. А Англия пусть убирается к чорту!

20 декабря. Президент Вильсон предлагает американское посредничество, ([54]) заявляя при этом, что предложение его не связано никоим образом с так называемой мирной нотой Германии! Он имел возможность познакомиться с министерскими декларациями в русском и итальянском парламентах и с всеобщим одобрением этих деклараций против германской ноты в газетах стран Антанты, и он должен был бы знать, что Бриан и Ллойд-Джордж останутся на прежней позиции. На этот раз у него нет даже неблаговидного предлога в виде президентских выборов. Мы вынуждены будем отвечать вежливо, но с подавленным недовольством. К сожалению, американский народ обычно поддерживает своего президента, когда он бывает заносчив по отношению к какому-либо иностранному правительству. В эту игру столько раз играли безнаказанно, а в настоящий момент мы так зависим от Америки в отношении продовольствия и военного снаряжения! Сенат может пойти на жертвы ради престижа и добиться эмбарго на определенные товары, в которых мы нуждаемся, под предлогом, что в Америке ощущается недостаток в таких товарах.

Я подозреваю, что Константин готовится стать на сторону Германии, порвав с нами, но я надеюсь, что блокада наша станет строже и истощит его прежде, чем он сможет объединиться с нашими врагами.

21 декабря. Жюль Камбон говорил мне вчера, что Вильсон предлагает свое посредничество, и что он отрицает связь между своим выступлением и так называемой германской мирной нотой. Теперь я вижу, что это не посредничество в буквальном смысле слова, но идет по этому пути. Американское сообщение говорит об ужасах войны, призывает к миру и напоминает об ущербе, наносимом Америке и другим нейтральным странам продолжением войны.

Принимая во внимание, что в русском и итальянском парламенте уже были сделаны декларации ответственных министров прежде, чем американская нота была послана, и что президент Соединенных Штатов не мог не знать, что Ллойд-Джордж и Бриан произнесут аналогичные речи, со стороны американского правительства является возмутительным безобразием проповедывать нам мир, намекая при этом, что продолжение войны *может* стать невыносимым! А как обстоит дело с огромным ростом американской торговли, благодаря войне? Американское сооб-

щение обращается к обеим воюющим сторонам с целью произвести ложное впечатление беспристрастия. Заверения, что американское предложение не связано с германской нотой, просто смешны.

23 декабря. Швейцарское правительство имело наглость поддержать мирную ноту президента Вильсона и заявить, что за последние пять недель швейцарское правительство поддерживало связь с правительством Соединенных Штатов с целью создания мира.

Оба министра, члены Рабочей партии, гг. Гендерсон и Робертс, прибыли сегодня утром. Робертса я встречал прежде, когда он прибыл вместе с Ходжем, и оба обращались с речами к представителям французских рабочих, журналистам и некоторым депутатам на собрании в здании министерства общественных работ... *Тогда* Ходж клялся, что если Асквит и Китченер скажут, что принудительная военная служба необходима, то Рабочая партия согласится на ее введение. Впоследствии он взял свои слова обратно. В настоящий момент они приехали для совещания с французскими социалистами, чтобы услышать их мнение о войне и высказать свои собственные взгляды.

26 декабря. Вот слова, сказанные Сазоновым в беседе с другом. До меня они дошли через общего знакомого.

«Я хотел поддерживать добрососедские отношения с Германией, которые казались мне совместимыми с франко-русским согласием. Три года тому назад миссия ген. Лиман фон-Сандера доказала мне, что германскому правительству нельзя верить, и открыла мне глаза на его намерения. ([55]) Г. фон-Пурталес плохо осведомлял свое правительство о действительном положении в России. Разразилась война. Императрица не пруссачка, она немка, и если бы дело шло об умалении одной лишь Пруссии, она не видела бы в этом ничего неприемлемого, при условии, что Германия оставалась бы неприкосновенной. Но она понимает, что Германия и Пруссия тесно связаны общей судьбой. Она меньше интересовалась бы Вильгельмом, если бы союзники намерены были восстановить Германию за счет Пруссии и возобновить Вестфальское соглашение. Возможно, что такое решение было бы ею одобрено. Оно могло бы оказаться выгодным для великого герцогства Гессенского. Однако, такое решение маловероятно. Впрочем, при всем этом речь идет о личных чувствах, которые могут привести к смене министров, но не к изменению политики. Император хранит верность союзу

с Францией и Англией. Как бы ни было велико влияние императрицы, оно имеет свои пределы. Посмотрите к тому же на позицию г. Штюрмера. Официально, напоказ, он уверяет в своем желании воевать до полной победы и заявляет, что Россия в согласии со своими союзниками не сложит оружия до тех пор, пока Германия не будет побеждена. Взгляды императора не изменились и не изменятся. *Армия не позволила бы этого!*».

Я часто высказывал такой взгляд на русскую армию, и я рад найти подтверждение его. Я говорил также, что Москва, а не Петербург, выражает чувство русских, и что между Москвой и армией будет полное единомыслие относительно Германии и купого мира, и что император был бы устранен, если бы поддался влиянию германофильских кругов при дворе и в петербургском обществе.

Около трех недель тому назад Бернсторф говорил о рождественском подарке в виде мира. Я думаю, что американские немцы, близкие к Вильсону, осведомили его о намерении президента обратиться с посланием о мире и благоволении, и немцы думали, что если они обратятся с посланием раньше Америки, то все нейтральные государства поверят в их готовность заключить мир, и создастся комбинация, перед которой нельзя будет устоять. Результат получился не тот, которого они ожидали. Вильсон должен быть огорошен и рассержен плохим приемом, оказанным его ноте в странах Антанты. Успокоится ли он на отказе Антанты высказать свои условия мира? Он может стать для нас очень неприятен, даже не становясь в открыто враждебные отношения и не уклоняясь от американских, или, вернее его собственных представлений о нейтральности и беспристрастии. Вот заявление генерала Поливанова о русской императрице, полученное мною из того же источника: «Дело не только в германских симпатиях. Есть еще одно обстоятельство, объясняющее позицию и поведение императрицы, а именно, ее желание сохранить монархический принцип. Трудно представить себе, до какой степени императрица исполнена этого стремления. Выше судеб наций она ставит судьбы династии, и она боится поражения Вильгельма, так как в ее глазах оно явилось бы поражением монархического принципа. Греческий принц Николай усердно играл на этой струнке, беспрестанно повторяя, что насильственные меры против короля Константина сослужили бы

службу республиканским и революционным идеям. Из Берлина дан приказ пользоваться этим аргументом для давления на русский двор. Г. Штюрмер поддерживается партией императрицы. Поэтому-то он и не захотел принять по отношению к Греции энергичные меры, которые предлагало французское правительство и которые были необходимы для обеспечения свободы действия салоникской армии. Чтобы пользоваться милостью так называемых высоких сфер, нужно быть совершенно чистым с монархической точки зрения и униженно льстить священным идеям. Мой преемник, ген. Шуваев, целует руки императора. Ген. Сухомлинов был превосходнейшим придворным. Когда дела идут плохо, обращаются к серьезным людям, но при первом же просвете их прогоняют.

«Несколько дней спустя г. Сазонов спросил меня: Вы видели телеграмму гг. Бриана и Асквита г. Штюрмеру по поводу польского вопроса? Оба министра приняли к сведению обязательства министра иностранных дел касательно автономии Польши. Они сделали это в очень вежливой и осторожной форме. Но г. Бозелли решил, что он тоже должен выставить свое мнение. В результате получилось его досадное выступление. Италия, вмешивающаяся в польский вопрос, — поистине, это слишком. Было бы так легко избегнуть этого унижения и я глубоко сожалею, что вопрос о польской автономии стал международным. Это — серьезная ошибка!!»

В другом письме, датированном 9 декабря, говорится:

«В одном из кинематографов в Москве показывалась военная фильма. В ней изображалась жизнь ставки, генералы за работой, император, склонившийся над картами. Когда появилась императрица, публика стала кричать: «А Гриша, где же Гриша?!». (Гриша — это Распутин.) Такого рода манифестации говорят об очень многом. Здесь очень желают, чтобы Ллойд-Джорджу удалось составить кабинет и на него сильно рассчитывают в отношении снабжения России тяжелой артиллерией.

«Императрица отправилась в ставку, и с ней там случилось несколько истерических припадков. Протопопова оставили, Трепов хотел подать в отставку, император должен был пообещать ему, что Протопопов недолго останется на посту министра внутренних дел».

«Чтобы иметь честных, серьезных и способных министров, в роде Сазонова, Поливанова, Коковцова, Кривошеина, следовало

*

бы изменить известное умонастроение в высоких сферах, а это крайне трудно. Император уступает только страху».

Ну, и государство!

27 декабря. Бедный Жоффр. Его выставили очень грубо.

Немцы ответили на ноту Вильсона, что они были бы счастливы послать своих делегатов в нейтральный город для обсуждения с делегатами Антанты условий мира.

28 декабря. Это настоящее благословение для нас, что боши такие gaffeurs. Поспешив со своим ответом на ноту Вильсона, они принесли много вреда самим себе и показали ослиное копыто.

30 декабря. Если нам не удастся добиться мира, который удалит немцев с Балкан, из Константинополя и Багдадской железной дороги, то в близком будущем возникнет новая война из-за Египта и Индии, и тогда у нас может не оказаться тех союзников, которых мы имеем сейчас. Ради Англии и ее империи мы должны итти до конца, что бы ни говорил Вильсон. Ответ, который будет послан ему в течение будущей недели, является комбинацией парижской и лондонской точек зрения. Ответ на германскую ноту будет здесь опубликован завтра. (56)

Распутина больше нет, он убит князем Юсуповым, родственником царя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Январь — февраль 1917 года.

1 января. Как хорошо, что Распутин убран с дороги! Убрал его князь Юсупов, получивший законченное образование в Оксфорде и женатый на племяннице императора, на дочери вел. князя Александра и Ксении, сестры императора. Таким образом, это дело вполне семейное. Моим осведомителем является Севастопуло. Как это было сделано, он не рассказывает и, быть-может, не знает. В Москве происходили очень бурные собрания, преследовавшие цель объединения министерства с Думой для лучшего управления страной и действительного ведения войны. Имели место кое-где демонстрации против императора.

Теперь, когда нам известно, кто убил Распутина, было бы интересно узнать, сделал ли он это из националистических побуждений, с целью освободить Россию из-под плохого влияния,

оказываемого при посредстве императрицы на императора. Здешние русские ликуют по поводу его смерти. Какое влияние окажет эта смерть на императрицу и императора? Говорят, что единственное чувство, управляющее императором, это страх, а это чувство он должен испытывать в настоящий момент. Мне думается, что Москва и армия зашли слишком далеко по антигерманской дороге, чтобы возвращаться назад, и императору придется либо плыть по течению, либо потонуть. Севастопуло не пытался скрыть свое удовлетворение по поводу смерти Распутина.

2 января. Помимо Юсупова в устранении Распутина замешан, повидимому, великий князь Дмитрий. Тело Распутина исчезло; предполагают, что он убит во время оргии. Некоторое время тому назад передавали, что князь Орлов сделал императору представление относительно близости Распутина к императрице; император отпустил его, сказав, что никогда больше не будет с ним разговаривать. Немного спустя князь Орлов с несколькими приятелями ужинали в отдельном кабинете одного ресторана. Узнав, что Распутин находится в ресторане, они пригласили его в свою компанию. Он согласился, в результате чего был доставлен в госпиталь с поломанными ребрами.

7 января. К устранению Распутина приложил руку не Димитрий, сын великого князя Константина, как здесь думали, а 25-летний Димитрий, сын вел. князя Павла от первого его брака с греческой принцессой; вторым браком он женился на разведенной даме, носящей сейчас имя княгини Палей.

Я думаю, что Россия находится на краю революции.

10 января. Отставка Трепова принята, и никто здесь не знает ничего о его преемнике. Враждующие при дворе партии начнут скоро убивать друг друга. Приманкой, привлекшей Распутина в дом, где он был убит, была перспектива встретиться с демимонденками.

Ответ на американскую ноту был передан американскому послу сегодня. Он будет опубликован 48 часов спустя после вручения.

13 января. Я думаю, что скоро должна последовать трагедия во дворце русского императора или революция, поддержанная армией.

В Афинах происходила враждебная Антанте демонстрация резервистов.

14 января. Публика начинает здесь очень беспокоиться по поводу положения дел в России и того влияния на ход войны, которое могло бы оказать исчезновение императора, победа реакционеров или революция. Один французский генерал высказал предположение, что Италия останется на месте, что Россия ничего больше не будет делать, а Франции и Англии придется самим заканчивать войну без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны союзников.

16 января. Руссофильская политика преобладала в министерстве иностранных дел прежде, чем туда пришел Гардинж. В этом направлении действовала группа в составе Грея, Никольсона и Бьюкенена, которого очень ценят. Теперь германские радио обвиняют его в подготовке убийства Распутина. Они утверждают, что в британском посольстве происходило собрание великих князей и других лиц. На этом собрании было решено, что, поскольку Распутина невозможно убрать от императрицы, от него нужно отделаться вовсе. Был брошен жребий, кому быть убийцей. Жребий пал на одного из великих князей Михайловичей. Он от волнения лишился чувств. Тогда Юсупов взял на себя это дело. Бьюкенен гарантировал, что совершивший это дело ни в какой мере не пострадает. По настоянию императрицы, которая смотрит на Распутина, как на мученика, пострадавшего за нее, Юсупов был сослан в свое кавказское имение в сопровождении офицера, а великий князь Дмитрий был сослан в Персию, под охраной генерала. Говорят, что, когда Распутин явился во дворец Юсупова, ему дали револьвер и предложили застрелиться самому, вместо чего он в состоянии бешенства будто бы выстрелил в Дмитрия. После этого его убили.

Несомненно, командующие и войска, находящиеся на французском фронте, ненавидят салоникскую экспедицию, так как она лишает их части войск, которую они рассчитывали иметь в прошлом и в настоящем. Идея салоникской экспедиции в самом начале носила политически-военный характер. Она оказалась ошибкой, поскольку речь идет о соединении с Румынией, затруднении связи между центральными державами и Турцией, и привлечении Константина на нашу сторону.

11 февраля. Сегодня днем ко мне пришел Лиотэ в сопровождении двух офицеров. Я сказал ему, что считаю за великое удовольствие и честь поручение, данное мне королем Георгом, передать ему орден Подвязки за большие услуги, кото-

рые он оказал нашей стране и которые высоко ценятся его величеством и правительством, и т. д. Каковы были эти услуги я лично не знаю, но Лиотэ, повидимому, знает, так как в короткой ответной речи он заявил, что был очень рад оказать эти услуги. Далее, он говорил, о своих хороших отношениях с нашими представителями в Марокко.

27 февраля. Шайка греческих бандитов, состоящая из 150 человек, окружила и изрезала патруль в составе двенадцати сенегальцев. Вследствие этого Саррай дал приказ подчиненным ему войскам убивать всех захваченных бандитов такого рода. Будут ли так поступать британцы, находящиеся под его командованием?

29 февраля. Сегодня я обедал с Блиссом. Я не спрашивал его о намерениях Америки выступить. Он же сказал, что мистер Вильсон готовится ко всем возможностям — весьма загадочное заявление.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Март — апрель 1917 года.

8 марта. Между обоими главнокомандующими замечается расхождение, и военный кабинет предлагает созвать конференцию, чтобы главы правительств приняли окончательное решение о направлении объединенной стратегии союзнических армий; в качестве места встреч они предлагают Лондон.

14 марта. Письма из Петербурга, о которых мне сообщали, оказались пророческими. Революция разразилась. Все министры, за исключением Покровского, министра иностранных дел, в руках революционеров.

Император намерен отвоевать свою столицу! Императрица находится в Царском Селе.

15 марта. Как мне передают, Пишон сообщил по телефону одному из своих друзей, что российский император находится в плену, а Дума правит вместо него при участии брата императора в качестве регента.

16 марта. В «Таймсе», от четверга, напечатана пространная статья «Соединенные Штаты и мир». Говорят, что статья эта инспирирована Вильсоном. Что за вздор! Позвольте нам отказаться от того и другого! Позвольте нам иметь свою соб-

ственную доктрину Монроэ. ([57]) Этот вздор доставит большое удовольствие малодушной публике.

До сих пор не получены точные сведения об отречении царя. Жюлю Камбону передают, что царь отрекся за самого себя и за своего сына в пользу брата, но что великий князь Кирилл выдвигает себя, предоставляя себя в распоряжение Думы.

18 марта. Я очень сожалею об уходе Бриана. ([58]) Не думаю, что кто-либо из его возможных преемников смог улучшить дела с точки зрения Англии. Поговаривают о Пенлеве, математике и друге Пуанкаре.

События в России представляют очень пеструю картину. Дума не является высшей властью. Среди революционеров замечаются пацифистские элементы.

25 марта. «Виктуар» (Эрвэ) хочет сделать попытку отвлечь Болгарию от центральных держав и Турции; для этого нужно было бы сперва убить Фердинанда; но даже и тогда, что можно было бы предложить Болгарии, когда все, имеющее какую-либо цену, уже обещано другим?

29 марта. Существующее в России правительство не склонно поддерживать Константина; Италия, быть-может, поступит так из ненависти к Венизелосу, который, как они боятся, мог бы сделать Грецию сильной. Преемник Бриана не разделяет его взглядов. Убрать Константина можно только в том случае если Венизелосу будет предоставлена свобода действий, а Константину заявят, что он так часто изменял своему слову, что мы уже не можем дольше гарантировать ему что-либо.

5 апреля. Сегодня днем меня посетил Жоффр. Он пробыл у меня три четверти часа. Я спросил его, считает ли он возможным прорваться в Германию, и если да, то возможно ли достигнуть Рейна. Он ответил утвердительно, но добавил, что это потребовало бы много времени. Он полагает, что в этом году немцы, пожалуй, запросят мира или перемирия; в таком случае Антанта должна будет потребовать оккупации германской территории, вплоть до Рейна. Немцы изнурятся до смерти, прежде чем согласятся на такие условия.

8 апреля. Сегодня днем у меня был с визитом Рибо. Он очень озабочен и озадачен позицией итальянского правительства, его криками о необходимости материальной помощи со стороны Франции, его территориальными претензиями в Малой Азии и, наконец, требованием о допущении итальянских

представителей в состав политической миссии в Сирию и Палестину, что он считает совершенно недопустимым. Он намерен в ближайшем будущем отправиться в Лондон для совещания с Ллойд-Джорджем. Я спросил у него, ликвидированы ли трения между генералом Нивеллем и сэром Дугласом Хэгом. Он ответил, что соглашение достигнуто ценою своего рода компромисса. Я задал ему также вопрос, считает ли он военных способными принимать участие в гражданских делах; я столкнулся с большими трудностями, пытаясь растолковать им гражданскую точку зрения в делах, касающихся Франции, так как их претензии были чрезмерны. Рибо согласился, что в такого рода делах военные невозможный народ. Часто поступают на них жалобы от населения, находящегося в районах, занятых британской армией.

Рибо говорил далее об участии Соединенных Штатов в войне против Германии. Я высказал предположение, что американский флот может оказать большую помощь в деле истребления германских подводных лодок, но что военная помощь, которую мог бы оказать американский контингент, присоединившийся к французской армии, в течение долгого времени будет оставаться не более как демонстрацией. Рибо согласился; он опасается, что Германия, прежде чем она будет побита как следует, может предложить условия, которые покажутся приемлемыми президенту Вильсону, но будут отнюдь не приемлемы для Франции и Англии; в таком случае Вильсон сможет оказать давление на государства Антанты. Я заметил также, что когда немецкие подводные лодки потопят большое количество американских кораблей, то американцы разгорячатся и будут настаивать на доведении войны до благоприятного конца.

20 апреля. Ллойд-Джордж вернулся сегодня утром из Сен-Жан-де-Мориена; он пришел ко мне в три часа пятнадцать минут, и я беседовал с ним в течение четверти часа. Он был очень удивлен моим здоровым видом, после того как я пролежал месяц в постели; я объяснил это англо-саксонской природой. Я спросил Ллойд-Джорджа, удалось ли ему разузнать что-либо у Рибо касательно его политики в отношении Греции, так как он намерен поступать иначе, чем Бриан. Ллойд-Джордж ответил, что Рибо парламентарий, постоянно думающий о голосах в Палате; он хотел бы избавиться от короля Константина, но не от наследника.

Беседуя о Палестине, я заметил, что евреи не воинственная нация, и высказал предположение, что если мы будем поддерживать сионистское движение и учредим в Палестине еврейские колонии, то они будут не в состоянии держаться против арабов без британской и французской поддержки; и я спросил его, как бы отразилась такая поддержка на отношении арабов к Англии. Я напомнил также Ллойд-Джорджу, что влияние Франции в Палестине и Сирии основано на деятельности французских католических священников и руководимых ими школ, и высказал предположение, что протестант Рибо, будучи, быть-может, лично склонным допустить справедливость наших претензий в Палестине, не осмеливается все же согласиться на британский протекторат над Палестиной и бросить таким образом вызов комбинации из французских шовинистов, французской необразованной публики, священников и прочих католиков во Франции. Ллойд-Джордж не знал, что Рибо протестант, но добавил, что французам придется примириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там, так как не исповедуем никакой особой веры и являемся единственной державой, способной управлять магометанами, евреями, римскими католиками и вообще людьми каких угодно религий. «В таком случае, — сказал я, — вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки, т.-е. чтобы мы поддерживали мир между различными религиозными и политическими группировками?». «Да», — сказал Ллойд-Джордж.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Май — июнь 1917 года.

2 мая. Ллойд-Джордж со своей свитой прибудет завтра вечером.

5 мая. Я прибыл на Кэ д'Орсэ одновременно с Буржуа.

Извольский прибыл к концу конференции; он был задержан в Елисейском дворце, куда он отправился для представления своих новых верительных грамот. Было комично слышать из его уст декларацию от имени российского правительства, что греческому народу должна быть предоставлена возможность выбора республиканской или монархической формы правления для Греции.

18 мая. Извольский, как говорит Жюль Камбон, намерен побудить «Matin» к заявлению, что император Николай, подписывая непосредственно после русско-японской войны оборонительный и наступательный союз с императором Вильгельмом,(59) в действительности не совершил акта предательства по отношению к Франции. Это было лишь актом слабости, так как император Вильгельм убедил его, что Франция присоединится к союзу, который замышлялся против Англии! Таким образом, оказывается, что разоблачение не было уткой.

От визита, который я сделал Жюлю Камбону, у меня осталось впечатление, что условия в России теперь менее безнадежны. Но я с ужасом думаю, что она уже никогда не принесет пользы.

19 мая. Сегодня утром я узнал, что Извольскому отсоветовали делать какие-либо публичные декларации. Ему растолковали, что заявление его, сделанное, на первый взгляд, с целью уменьшить вину его бывшего хозяина, не порадует ни императора, ни его семью, ни его сторонников и в то же время несомненно не улучшит отношений между Извольским и нынешней властью. Мне передают, что Временное правительство в Петербурге обсуждает вопрос об опубликовании докладов Извольского по вопросу о Константинополе во время визита в Россию Фальера, в сопровождении Пуанкаре, а также из более поздней эпохи, предшествовавшей выборам последнего в президенты Республики. Было бы интересно почитать эти донесения, но возможно, что они скомпрометировали бы кое-кого.

22 мая. Сведения из России несколько более благоприятны. При встрече со мною сегодня утром Извольский сказал, что армия «образумится» раньше, чем народ внутри страны. Он полагает, что наступательные действия будут возобновлены не позже, чем через месяц.

24 мая. Рибо отправляется в Лондон. Я боюсь, что в Лондоне есть склонность к уступчивости в отношении наших целей и намерений. Здесь господствует большое недовольство позицией России. Без аннексий и без контрибуций — это полнейший вздор, если Антанта будет когда-нибудь в состоянии вынудить их. Многочисленные депутации, явившиеся к Рибо с протестом против разрешения французским социалистам отправиться в Стокгольм,(60) а также, думается мне, настроение в кабинете придали бодрости Рибо. Он заявил в Палате, что правительство ре-

шило не выдавать паспортов в Стокгольм французским социалистам. Несколько позднее, быть-может, им дадут паспорта в Петербург, когда не будет более опасности, что французские социалисты встретятся с германской социал-демократией. Здесь замечается дух беспокойства; имели также место демонстрации, заставившие полицию «обнажить сабли». Рибо заявил, что будут предприняты все необходимые шаги для поддержания порядка и экзекуции иностранцев, вызывающих забастовки и беспорядки, и что мир должен быть французским миром, а не германским, и что он явится результатом победы французов.

28 мая. Забастовки женщин имеют в известном отношении оправдание, но они могут повести к забастовкам мужчин, а это было бы серьезно, если только власти не будут действовать с быстротой и решительностью, признаков чего, однако, до сих пор не видно. Заметно очень сильное разочарование и недовольство по поводу краха, пусть даже только временного, русского наступления, и по поводу ограниченного успеха наступательных операций Нивелля. Угнетение, испытываемое во Франции из-за неоправдавшихся надежд на Россию, было несколько облегчено присоединением Соединенных Штатов к делу Антанты. Теперь, когда Америка вошла в число союзников, ожидают что блокада Германии сможет быть усилена; приветствуют американский флот, но опасаются, что настоящая военная помощь не подоспеет во-время, чтобы заменить русское наступление и добиться поражения Германии в ближайшем будущем.

Кампания против Пуанкаре продолжается.

30 мая. Здесь чувствуется беспокойство из-за непрерывных забастовок, в которых участвуют преимущественно женщины, но к ним могут примкнуть и мужчины; в связи с забастовками возможны также хулиганские демонстрации, якобы против дороговизны продуктов питания.

1 июня. Очень угнетающе действует социалистический кризис, непрерывные забастовки, анархия в России, вместе с ее последствием — затишьем на русском фронте в Европе, а также то обстоятельство, что французские войска, в боях с немцами на французском фронте, не оправдали преувеличенных надежд публики. Солдаты в траншеях проявляют признаки неудовольствия по поводу незначительности успехов, а проектируемая встреча французских социалистов с неприятельскими социалистами в Стокгольме показывает им, что мир может быть достигнут незави-

симо от целей, за которые им пришлось сражаться. Главный аргумент, выдвигаемый в пользу поездки социалистов Антанты в Стокгольм, заключается в том, что если русские, германские и австрийские социалисты встретятся, то при отсутствии советов и помощи со стороны социалистов Антанты, русские смогут притти к соглашению с социалистами центральных держав.

2 июня. Сегодня утром я виделся с Жюлем Камбоном. Он рассказал мне, что встретился с Извольским во время своего посещения министерства иностранных дел. Извольский сообщил ему, что в русское посольство пришла телеграмма, как раз в тот момент, когда он выходил из посольства, направляясь на Кэ д'Орсэ. Возможно, что она содержит инструкции касательно сообщений, которые нужно сделать Рибо в связи со Стокгольмской конференцией, вопрос о которой будет поставлен на обсуждение сегодняшнего заседания Палаты. Поэтому он дал распоряжение отправить ему телеграмму на Кэ д'Орсе, как только она будет расшифрована. Вслед за тем Извольский говорил о пустяках, пока ему не принесли конверта с печатью посольства. Он вскрыл его и нашел следующее: «Вам предлагается прекратить исполнение ваших обязанностей и передать дела посольства советнику Севастопуло». Извольский прочел это вслух Жюлю Камбону, добавив: «Я пришел к вам послом и ухожу простым частным лицом». Он должно быть сделал что-нибудь, чтобы заслужить такого рода отставку от такой сволочи — правительством ее нельзя назвать, — которая стоит у власти в Петербурге.

Если бы Рибо не заявил в Палате, что паспорта в Стокгольм французским социалистам выданы не будут, то произошел бы кризис кабинета. Забастовки принимают серьезный характер, и если не будет проявлена твердость, неизбежны бунты и кровопролития.

Лондон, 9 июня. Биржевая телеграфная компания сообщает следующее: ожидается, что лорд Берти, имевший вчера аудиенцию у короля в Бёкингемском дворце, в ближайшем будущем оставит пост британского посла в Париже.

11 июня. Меня спрашивают, верно ли сообщение газет? Я отвечаю, что мне не предлагали подавать в отставку, и что у меня нет оснований для этого, так как я совершенно выздоровел и не сознаю себя духовно неспособным. Я завтракал у Лэнсдоуна. Лэнсдоун осведомился, не будет ли с его стороны

нескромностью спросить меня, верно ли, что я останусь послом до окончания войны? Я ответил, что Грей просил меня об этом, но что эта просьба и мое согласие не обязательны для нынешнего правительства.

12 июня. В сегодняшнем номере «Таймс» публикует над передовой следующее краткое сообщение:

ЛОРД БЕРТИ.

«Ходит слух, что лорд Берти-оф-Тэм намерен покинуть свой пост британского посла во Французской республике, который он занимал в течение многих лет, обнаруживая большое умение. Мы уверены, что этот слух лишен какого бы то ни было основания. В настоящий критический момент войны, трудно было бы сделать бо́льшую ошибку, чем удалить из парижского посольства такого выдающегося общественного деятеля, имеющего такие заслуги, какие имеет лорд Берти, если только это изменение не вынуждено состоянием его здоровья. Между тем, этого нет. Здоровье лорда Берти превосходно, и бдительность его при охране французско-британских интересов не претерпела умаления. Он пользуется в небывалой степени доверием французов, и его твердость оказала неоценимые услуги за последние три года. Он не достиг еще предела своих услуг ни по отношению к своей стране, ни по отношению к великому союзнику, при котором он аккредитован. Поэтому мы вместе с теми, кто больше всего призваны правильно оценивать положение со всех точек зрения, надеемся, что лорд Берти не только останется в Париже послом, но что он получит также полную поддержку. В момент, когда во многих странах сторонники компромиссного мира осмеливаются подпимать головы, мы не можем позволить себе роскошь ослаблять нашу бдительность, или сменять стража, занимающего пост, требующий наибольшей испытанности».

Я замечаю здесь в общем угнетенное умонастроение. Число британских судов, потопленных подводными лодками, вновь возросло, но возросло также число подводных лодок, подстреленных нами. Говорят, что Асквит намерен спихнуть Ллойд-Джорджа. Мне кажется, что это сейчас невозможно.

23 июня. Положение в России меняется изо дня в день и отнюдь нельзя быть уверенным, что русские перейдут в наступление. Клемансо говорит, что при дополнительном давлении со стороны германских войск, переброшенных с русского фронта

на французский, активное наступление французов невозможно. Поэтому будут производиться демонстративные наступательные действия, подобно тем, которые практиковались англичанами, с целью отвлекать немцев, пока американцы не подоспеют для крупных наступательных операций, которые начнутся, быть-может, не ранее, чем через год.

24 июня. Много хлопот наделали здесь русские части. Их перевели в тыл французского фронта, они не хотят сражаться и не хотят никуда переводиться. Они были обработаны русскими анархистами.

27 июня. Три представителя Британской рабочей партии, член парламента О'Грэди, Эпильтон и Шорт, были в России. Они верят в возобновление русского наступления в ближайшем будущем. Они не любят Кайо и его методов и целей, но на них произвело впечатление, что в широких кругах французских социалистов есть стремление к окончанию войны, и что Кайо является человеком, который может этого добиться.

Пишон сказал вчера, что если бы Мальви арестовал зачинщиков беспорядков, вместо того, чтобы играть им в руку, то опасные демонстрации прекратились бы.

28 июня. Все признают, что моральное состояние части французской армии ухудшилось вследствие потерь и неудач Нивелля, вследствие поражения России и бунта русских частей на французском фронте, а также вследствие затишья на этом фронте. Кайо и К° пытаются использовать этот моральный упадок для агитации за мир любой ценой. Не думаю, чтобы они завербовали много сторонников, если только дела не ухудшатся еще на много. Наша непрерывная наступательная оборона, уверенность наших солдат и перспектива американской военной помощи, думается мне, поддерживают настроение во Франции.

30 июня. Известные силы по ту сторону канала, повидимому, продолжают верить и добиваться сепаратного мира и сионизма! (61) Германию необходимо как следует добить, прежде чем она станет искать мира. Компромиссный мир повлек бы за собою склоку между союзниками из-за вопроса о том, кому платить за разбитые горшки и кому жертвовать благами, на которые они рассчитывают. Попытки отделить Болгарию и Турцию были бы более чем бесполезны. Болгария не может высвободиться из австро-германских объятий, а для того, чтобы отделить Турцию, Антанте пришлось бы распроститься со всякой

мыслью о Месопотамии, Аравии. Палестине, Армении и сферах влияния в Малой Азии, или, по крайней мере, с некоторыми из этих идей. Кто из союзников Антанты готов пойти на требуемые жертвы? Нет, мы должны продолжать борьбу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Июль 1917 года.

2 июля. Мне передают, что секретные заседания были необычайно шумные, и что на них раздавались крики: «в Версаль», другими словами, требования Национального собрания для выборов президента. Удивительно, до какой степени мало секретны эти секретные заседания.

4 июля. Здесь полагают, что русские действительно начинают оправляться.

Тома не имел того успеха в России, который ему приписывается, — по крайней мере, он не имел успеха с точки зрения французских интересов. (62) Он выступал в пользу плебисцита по вопросу об Эльзас-Лотарингии. Вслед за тем ему пришлось брать обратно свои слова, и в настоящее время Рибо начисто отверг такого рода идею. Плебисцит всегда может быть сработан оккупирующей военной силой в желательном ей направлении. Если бы в Эльзас-Лотарингии не находились германские войска, а, напротив, французские войска были бы там, то для решения в пользу Франции не потребовалось бы никакого плебисцита.

5 июля. Мадам X. посетила меня, чтобы поделиться своими опасениями. Состояние армии ужасно, мы должны притти на помощь, расширив наш фронт. Пенлеве находится в опасности. Если он станет действовать согласно требованиям депутатов, то Петэн подаст в отставку. Если он будет противиться депутатам, он будет свергнут. Петэн способный генерал и пользуется популярностью в армии, но у него слишком много самолюбия, чтобы он согласился обратиться за помощью к британской армии вследствие плохого состояния французской. Наступление Нивелля обошлось в 140 тысяч жертв убитыми, ранеными и пленными, его армии совершенно деморализованы и отказываются сражаться. Нивелль принял от Жоффра его штаб, который оказался негодным, а к Петэну перешел штаб Нивелля. Необходима основательнейшая чистка. Палата намерена

послать гражданских комиссаров для контроля над армиями. Петэн откажется принять их и подаст в отставку. Пенлеве оказался между молотом и наковальней. Он очарователен, умен, хорошо говорит, но у него нет достаточной решительности. Он должен был бы высказаться до конца и настоять на привлечении английской помощи. Мадам X. хочет послать двух депутатов, враждебных Пенлеве (если он не решится действовать), в Англию с рекомендательными письмами к Артуру Бальфуру и Джорджу Керзону, которых она знает лично, дабы эти два депутата могли официозно обрисовать критическое положение и указать на меры к улучшению, т.-е. на необходимость более широкого британского фронта. Я спросил, почему Пенлеве не может сделать соответствующее представление, пользуясь обычными путями. Она сказала, что он слишком робок. Она хотела, чтобы он сам отправился в Англию. Я сказал ей, что Пенлеве бывал там не раз, что он был там после наступления Нивелля, что он хорошо знает Ллойд-Джорджа, наконец, почему Рибо не вмешивается в дело, если во французской армии действительно господствует такое плохое настроение, как она говорит. «Все здесь слишком робки, революция идет», — ответила она. Она хочет, чтобы я встретился с Пенлеве в ее доме, а не по собственной инициативе. Я сказал, что сделаю ему визит в военном министерстве. Депутаты, которых она хотела бы послать в Лондон, это Абель Ферри, докладчик военной комиссии Палаты, и Фавр. Я высказал предположение, что публичное заседание, которое последует за секретной сессией, покажет, жизнеспособно ли министерство, и останется ли Пенлеве на посту военного министра, а пока эти вопросы не будут решены, бесполезно посылать депутатов в Лондон для обсуждения вопроса о состоянии французской армии и о расширении британского фронта. Этим я от нее отделался.

12 июля. Рибо отклонил всякую мысль о плебисците, как способе решения судьбы Эльзас-Лотарингии, заявив, что кабинет, включая заблуждающегося Тома, единодушно считает право Франции на эту область неотъемлемым.

14 июля. Пенлеве посетил меня сегодня днем. Я рассказал ему о желании депутатов беседовать со мной по вопросу о расширении британского фронта, о моем отказе принять их, о том, как один депутат писал мне, что хочет быть принят по вопросу общего характера, при чем я не мог предпола-

гать, что речь идет о британском фронте. Между тем, на деле, речь шла именно об этом. Я рассказал о моем отказе предпринять какие-либо шаги, о визите мадам X. и ее заботах о спасении Пенлеве по личным и патриотическим соображениям, о ее предложении дать рекомендательные письма к Артуру Бальфуру и лорду Керзону двум депутатам, чтобы они получили возможность изобразить опасность положения и спасти министерство и Францию растяжением британского фронта на 135 километров, иначе будет хаос и революция. Он сказал, что когда дамы вмешиваются в политику, то они обычно делают вздор. Посетивший меня депутат и упомянутая дама сильно преувеличивали серьезность положения. Замечается недовольство среди пострадавших частей, и существует мнение, что Франция несет чрезмерную долю тяжести войны, но не было никаких бунтов и криков «да здравствует мир!». Военное положение в ближайшем будущем будет расследовано при участии британских авторитетов. Он поблагодарил меня за ответы, данные мною депутату и мадам X. Я сказал, что моя информация была бы для него полезнее, если бы он смог принять меня не после, а до секретной сессии и открытого заседания. Он не ожидает никакой опасности со стороны намеченного секретного заседания сената. Он упомянул о необычайно ребяческом поведении русских частей во Франции. Я упомянул о мирной пропаганде финансистов, среди которых много евреев и лиц еврейского происхождения, а также других, думающих только о деньгах. Он за борьбу до конца.

17 июля. Социалисты обсуждают вопрос, предложить ли Альберу Тома выйти из министерства. Ренодэль и Лонгэ намерены принять участие в намечаемой международной конференции, на которой будут присутствовать немцы. Допустит ли союз кочегаров, чтобы Рамзей Макдональд ([63]) отправился на конференцию при условии, что они пошлют своих делегатов, которые будут слушать его речи и, в случае надобности, возражать ему? Немцы пытаются раздуть здесь огонь революции и вражду против Англии, как виновницы продолжения войны; будет сделана попытка использовать в качестве козыря вопрос о колониях, Месопотамии и т. д., и, таким образом, возложить на нас вину за оттяжку мира. Если бы только русские дети согласились быть серьезными на три месяца! В таком случае мы могли бы дождаться американцев, которые

придут следующей весной, и добиться полного краха Германии и ее союзников.

20 июля. Сообщение о предстоящей конференции, опубликованное в сегодняшних утренних газетах, вызвало гнев находящихся здесь сербского и румынского посланников. Говорят, что официально будут представлены только Франция, Англия, Италия и Россия. Сербия, Румыния и Греция будут иметь только совещательный голос. Они протестовали в письменной форме и настаивают на своем участии в конференции на равных правах с великими державами, так как дело идет об их национальных интересах. Русский поверенный в делах Севастопуло поддерживает их требования. Черногория заявляет протест по поводу того, что она даже не упомянута, и требует тех же прав, которые будут предоставлены Румынии, Сербии и Греции. Можно себе представить, как мы будем драться, когда дело дойдет до обсуждения мирных условий наших союзников и до вопроса о том, кто будет платить за получение так называемого разумного мира. Такой мир не порадует никого и огорчит очень многих. Карсон, как видно, говорил, что мы должны быть готовы обсуждать условия мира, если немцы в качестве гарантии согласятся увести свои войска за Рейн. Жоффр говорил мне, что если немцы запросят мира, то державы Антанты должны в виде гарантии германской искренности занять левый берег Рейна.

22 июля. Выдвинуто предложение, исходящее от русского министра иностранных дел, относительно созыва в сентябре конференции Антанты для обсуждения «целей войны». ([64]) Несомненно, такого рода конференция вскрыла бы крупные разногласия и привела бы к прениям о том, кто из союзников должен умерить свои требования ради достижения мира. Германское правительство, несомненно, получало бы информацию о ходе конференции и использовало бы получаемые сведения для разжигания споров между противниками Германии. Единственный способ обеспечить удовлетворительный и длительный мир, это поставить Германию на колени. В этом случае риск серьезных разногласий между державами Антанты был бы меньше.

26 июля. Министр Гендерсон намерен привезти в Париж русских социалистических делегатов и представителей британской рабочей партии, Уэрдля и Макдональда. Как это излишне! Зачем потакать русским экстремистам?

27 июля. Ллойд-Джордж оставил здесь Джорджа Юнга, одного из секретарей военного кабинета. Он должен оказывать содействие Гендерсону и в то же время наблюдать за этим человеком, бывшим недавно в России и намеревающимся привезти завтра в Париж пацифистских членов Рабочей партии, Уэрдля и Макдональда, для совещаний с французскими социалистами. Гендерсон намерен посетить меня и иметь со мной беседу, а Юнгу удалось выведать желание Ллойд-Джорджа, чтобы я дал Гендерсону хороший и успокаивающий совет и сделал, таким образом, попытку удержать его от опрометчивости. Ллойд-Джордж нервничает из-за положения на театре войны и из-за возможности, что британские, французские и русские пацифисты вынудят неудовлетворительный мир. Он намерен взять их обманом. Мне необходимо повидать Рибо до встречи с Гендерсоном, чтобы убедиться, осведомлен ли Рибо об этой миссии и ее целях, и узнать его мнение.

28 июля. Я посетил Рибо для беседы о намерениях социалистов. Он сказал мне, что Альберу Тома поручено следить за англо-русскими делегатами. Непосредственно перед тем я виделся с Тома, который выехал для встречи Гендерсона и его спутников. Я сказал ему: «Надеюсь, что вы помешаете им делать глупости». «Я попытаюсь», — был его ответ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Август 1917 года.

Лондон, 6 августа. Некоторые идиоты из числа случайных английских путешественников привезли с собою в Лондон из Италии и Франции убеждение, что обе эти страны не смогут выдержать еще одну зимнюю кампанию. И вот «некое влиятельное лицо» — я его не знаю — использует эту информацию для агитации за преждевременный мир, из опасения, что позже будет хуже для нас. Как настойчивы, однако, эти евреи и другие пацифисты!

9 августа. Здесь носятся слухи, что Франция принуждена заключить мир и не может продержаться еще одну зимнюю кампанию. На самом деле пацифисты несколько дней тому назад подхватили в Париже сведения об английских жертвах и действуют ими на податливость французов, подчеркивая в то же

время необходимость возможно более скорого мира в наших собственных интересах. Пацифисты, финансисты, германофилы и франкофобы проповедуют здесь в Лондоне мир почти что любою ценой, доказывая, что немцы готовы согласиться на справедливый мир.

11 августа. Гендерсон натворил недурную путаницу с рабочей конференцией. Еще накануне своей речи он знал, что нынешнее русское правительство отказалось от какой бы то ни было связи со Стокгольмской конференцией. Тем не менее, он настаивал перед рабочей конференцией на принятии предложения русских социалистов об участии в Стокгольме, на встрече там с неприятельскими делегатами и на предварительном обсуждении с ними мирных условий на основе не связывающих резолюций. Я думаю, что при таких обстоятельствах британское правительство не может дать паспорта британским делегатам. Я полагаю также, что Гендерсон не сможет оставаться членом военного кабинета. Этот джентльмен ждет, что обстоятельства совпадут с его предвзятыми взглядами. Если такого совпадения нет, то он сердится на обстоятельства, но продолжает поступать и высказываться, не меняя своих взглядов.

12 августа. Итак, Гендерсон уехал. Он сыграл весьма печальную роль. Не думаю, чтобы кабинет мог дать паспорта на Стокгольмскую конференцию. Я уверен, что французское правительство этого не сделает.

Париж, 25 августа. Я виделся с Пенлеве и просил его помочь мне в устранении создавшегося в Англии впечатления, будто здесь колеблются относительно продолжения войны. Он согласился с теми соображениями, которые я высказывал, когда мне доказывали возможность уступок. В вопросах и общей позиции Ллойд-Джорджа он заметил наклонность к сомнениям. Он намерен вновь посетить меня. Мои замечания сводились к следующему: если по окончании нынешнего наступления англичане растянут свой фронт и удержатся, то Франция будет продолжать борьбу до прибытия американцев. Я указал также, что большой вред наносят нам известные лица, распространяющиеся здесь о нежелании Англии продолжать войну и посылающие в Англию ложные сообщения о моральном состоянии французских войск, с целью доказать, что они не выдержат новой зимней кампании.

25 августа. Вчера вечером я посетил Альбера Тома. Я рассказал ему, как я отвечал у себя дома на предположение, что Франции не выдержать новой зимней кампании. Он говорит, что я высказывался правильно. Он отправляется сегодня в Англию для встречи с социалистами. Я посоветовал ему говорить очень решительно со всеми теми, кого он знает как малодушных. Я сказал ему также, что существует комбинация из финансистов, еврейских и христианских, из пацифистов по убеждению и инспирированных немцами агентов, ставящая своей целью агитацию за скорый и вследствие этого преждевременный мир. Я высмеивал идею об отделении Болгарии или Австрии от Германии путем переговоров. Никто из них не смог бы подписать и соблюдать сепаратный мир, только удары могут заставить народы сбросить своих правителей, но Турцию, пожалуй, можно было бы купить. В виду того, что папская нота ([65]) была германским зондом и не создала в странах Антанты той атмосферы, которой желали и ожидали ее авторы, нам предстоят дальнейшие объяснительные ноты папы, которые будут указывать, что он был неправильно понят, и что он имел в виду более благоприятные условия для Бельгии и Франции. Лучшим ответом на германо-папское предложение являются успехи французов и итальянцев и в придачу к ним наши выпады на севере. Тома верит в воскресение России. Было бы чудом, если бы она смогла сделать что-либо путное до наступления зимы.

28 августа. В Турине произошли серьезные беспорядки с участием апашей, у которых найдено было много денег. Убито 27 человек.

29 августа. Газеты ничего не сообщают о ходе междусоюзнической социалистической конференции в Лондоне.

30 августа. Я имел интересную беседу с господином Кадманом, который завтракал у меня сегодня. Французские власти знали о залежах сланца на юге, но до сих пор настолько легко было получать нефть, что они считали излишним экспериментировать со сланцами. Он пытается втолковать правительству, что недостаток тоннажа вынудит нас рационировать потребление керосина и нефти во Франции, а французскому правительству, в свою очередь, придется рационировать потребление отдельных лиц. В настоящий момент почти всякий, имеющий знакомство в учреждениях, может получить, примерно, то же количество,

которое имею я, т.-е. триста литров, что равняется 60 галлонам в месяц.

31 августа. Ответ Вильсона папе блистателен. Он говорит, что не может позволить себе смелости высказываться об императорах и правящих кругах центральных империй. Русские продолжают свою возню и не сражаются, чорт их возьми! Лондонская конференция междусоюзнических социалистов потерпела, повидимому, фиаско, но переговоры, вероятно, возобновятся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сентябрь 1917 года.

4 сентября. Итак, Рига сдана без боя. Что за сволочь эти русские!

6 сентября. Пенлеве очень озабочен внутренней политикой, и это неудивительно. Военный атташе думает, что падение Риги не поколеблет французов. Сегодня я видел своего бывшего повара, находящегося сейчас на фронте в колониальном пехотном полку. Я спросил его относительно недовольства. Он ответил, что кое-где недовольство заметно из-за того, что война затягивается, но вместе с тем солдаты сознают, что необходимо продержаться еще одну зиму для получения приемлемого мира.

11 сентября. Что за шабаш происходит в России! Я надеюсь, что Корнилов почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта. Только что появился список нового кабинета (10 ч. 30 м.). (66) Тома возвращается в министерство, и передают, что Рибо согласился принять портфель министра иностранных дел. Не могу понять, как это Рибо соглашается на понижение. Я рад все же, что не приходится начинать все дело с новым человеком. Передавали, что социалисты будут настаивать на передаче Тома портфеля министра иностранных дел на том основании, что в России ожидали назначения его послом. Это было бы, в самом деле, смешно. В русских делах он оказался ложным пророком. Главные его предложения, именно, участие в Стокгольмской конференции и плебисцит относительно Эльзаса-Лотарингии, пришлось отвергнуть. Когда я видел его дней десять тому назад, он все еще продолжал думать, что русские вернутся на свое место. Между тем, это было как раз накануне бегства русских из Риги.

16 сентября. Вчера за обедом я встретился с Мэссими и его женой. Он был военным министром в начале войны. Он безусловно не оптимист. Он говорит, что война целиком ведется в расчете на истощение, и исход ее зависит от того, какая сторона потеряет больше убитыми. Он не считает возможным настоящий прорыв германского фронта ни во Франции, ни в Бельгии. Если Франция и Англия могут держаться без России один год, два, три или даже больше, то это превосходно, но народы устанут раньше этого срока. Что касается мира, то он полагает, что французы были бы рады получить Эльзас-Лотарингию ценою возврата Камеруна и отдачи французского Конго, при условии отказа обеих сторон от контрибуций. Я высказал предположение, что немцы захотят получить обратно все свои прежние колонии, и что требование их послужит им предлогом сказать французам: «Англия преграждает вам путь к Эльзас-Лотарингии, отказываясь возвратить германские колонии». Я полагаю, что он опьянел от собственных слов, ходя из угла в угол комнаты. Надеюсь, что среди французских генералов немногие разделяют его образ мыслей.

Три новых министра посетили меня. Они оплакивают русских. Если русские возобновят наступление, то это будет приятным сюрпризом. В России дела идут с каждым днем все хуже и хуже, но приближаются осенние дожди, и крупные передвижения германских войск будут затруднены грязью.

17 сентября. Утверждают, что Винстон сказал будто бы: «Генералы не хотят заключать мира, а адмиралы не хотят сражаться». Предполагают, что он высказывался за перемирие на французском фронте до тех пор, пока американцы прибудут со своими силами.

Все новые министры, которых я видел, стоят за войну до конца. Они считают, что Россия вышла из игры, и будут довольны, если русские устоят на месте и удержат какое-нибудь количество немцев.

20 сентября. Меня посетил один итальянец, с которым я познакомился в Риме, некий сэр Филиппо де-Филиппи. Он находится на пути к британскому фронту, а затем в Англию. Он, повидимому, сильно сомневается, чтобы стойкости Италии хватило более чем на год или хотя бы на год: он только *надеется* на это. Недостаток угля и пшеницы, а также общее положение во Флоренции, Турине и Романьи может привести

к требованиям мира. Итальянцы намерены командовать над Триестом, но не вступать в него, так как, если бы они вступили в город, то австрийцы разрушили бы его бомбардировкой.

21 сентября. Большинство Палаты настроено в пользу выжидания прибытия американских сил, так как эксперимент Нивелля доказал Петэну и Фошу ошибочность политики, сводящейся к потере людей в предприятиях, обреченных на неудачу, и в попытках прорыва германского фронта без подавляющего количественного превосходства. Социалисты, однако, доказывают, что даже при тактике выжидания и сопротивления германским атакам ежемесячные потери через шесть месяцев окажутся больше потерь, ожидаемых в случае немедленного энергичного наступления, но социалистический идеал — это отказ от аннексий и контрибуций, участие в Стокгольмской конференции. Они верят также или притворяются, будто верят, в возможность Лиги Наций, которая сможет вынудить мир между народами, когда последние обнаружат наклонность к склоке и борьбе. Но кто же примет на себя роль полицейского? Тома хочет поддеть Рибо его парламентской декларацией о том, что Франция не ищет ни аннексий, ни контрибуций и требует только дезаннексии Эльзас-Лотарингии и возмещения убытков за разрушения, причиненные неприятелем. Тома истолковывает речи Рибо и министерские декларации в том смысле, что Франция отказывается требовать, в случае полного поражения Германии, занятия левого берега Рейна. Я уверен, что в таком случае французская публика потребует, чтобы нынешние владения Германии на левом берегу были дезаннексированы, и вместе с исправлением французской границы, необходимым для военной обороны Франции, области эти составили бы буферное государство между Францией и Германией. Социалисты непрактичные люди. Казалось бы, эта война должна научить их кое-чему о человеческой природе, в частности о бесчеловечной природе Германии, и о том, как германские социалисты приспособили свои старые теории к замыслам Германии, к ее жестокостям и к ее способам ведения войны.

22 сентября. Не так давно еще я упоминал о мятежном состоянии некоторых русских бригад, прикомандированных к французской армии. Они не хотят сражаться, не хотят передвигаться; они проникли в соседние французские части; их увели в тыл. Одна русская артиллерийская бригада была напра-

влена через Францию в Салоники. Она окружила своих мятежных соотечественников и выпустила по ним 600 снарядов, при чем десять человек было убито, остальные же сдались и дожидаются своей отправки в Россию в качестве пленных.

Им долго придется ждать!

Жюль Камбон говорит мне, что пацифисты опять усиленно принялись здесь за работу.

23 сентября. Французская пресса высмеивает ответы императора папе; однако, «Юманите» (67) хочет, чтобы Антанта довела до сведения немцев свои условия мира. По этому поводу газета пишет:

«Не находятся ли союзнические демократии в выгодном положении перед лицом этих двух империй, которые развязали войну и которые не решаются громко высказать свои условия мира? Эти демократии могут и должны каждый день обращаться к совести всех народов, к совести германской нации, которую нужно вывести из ослепления. Будем же неустанно противопоставлять осторожному молчанию центральных империй ясные заявления союзнических держав, которые требуют только справедливости, и мирные условия которых не зависят от военных событий. В борьбе этих двух сторон перед общественным мнением превосходство принадлежит несомненно союзникам, если только они сумеют использовать свое оружие».

Что за вздор! Что такое совесть германского народа? Каждый класс его создает свою особую теорию, воинственную или пацифистскую, но всегда согласованную с «Deutschland über Alles», и не будет мира на земле до тех пор, пока не настанет «Deutschland unter Alles», а для этой цели мы *должны* продолжать борьбу до конца.

24 сентября. Эти глупенькие люди, желающие быть невинными, похожи на детей, тянущихся за луной. Они хотят невозможного и считают его возможным. Я говорю о социалистах. Вчера у них происходили собрания. Все они высказываются за участие в Стокгольмской конференции, при чем Тома делает оговорку, что вопрос об ответственности за войну должен быть подвергнут обсуждению. Конференция с немцами была бы похожа на игру в карты с шулерами. Апеллировать к совести германского народа вздорно. У них нет совести. А те, которые претендуют на таковую, подчиняют ее диктовке какой угодно бесчеловечности ради германского господства. Если состоится

конференция, на которую делегаты союзников отправятся с согласия своих правительств, то мы не получим мира, а будем ввержены в позорную отсрочку борьбы на несколько лет.

25 сентября. Здесь был некий джентльмен на пути из Рима. Он говорит, что в Турине происходили довольно серьезные беспорядки, и что в Риме достаточно громко шепчут о мире.

В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского хватило ума объединиться с Корниловым, чтобы выгнать всю эту сволочь из Петербурга, то, может-быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок.

28 сентября. Некоторые лица думают, что Австрия находится при последнем издыхании и не может выдержать дольше, но она не может также заставить Германию заключить приемлемый для нас мир, а сепаратный мир с Австрией для нас неприемлем. Нужно было бы ей сперва сговориться с Италией,—а как это сделать?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Октябрь 1917 года.

1 октября. Марк Сайкс обедал со мною сегодня. Он интересен. Он намерен приступить завтра к переговорам об Аравии. Он видел Альбера Тома и намерен сообщить ему сведения относительно угнетения арабов турками, которые он сможет использовать в своей речи на конгрессе социалистов в Бордо 6 октября.

Джолитти и его группа грозят революцией, если мир не будет заключен немедленно. Тем временем наступление Кадорны превратилось в оборону. Положение в России становится все хуже и хуже, а Альбер Тома настаивает, чтобы мы относились к России с симпатией и своим ободрением помогли ей вновь собраться с силами и возобновить борьбу.

2 октября. Сегодня у меня был здесь полковник Обрей Герберт, член парламента; он туркофил. Он остановился здесь на пути через Рим в Албанию. Он намерен привезти из Соединенных Штатов албанцев, чтобы те сражались с болгарами. Он никогда не думал и сейчас не думает, чтобы война могла затянуться еще на одну зиму. Я спросил, кто же должен отказаться от борьбы, мы, французы, или американцы, или все трое

вместе. Он считает, что мы можем выдержать, но, принимая во внимание общую усталость от войны, огромные размеры военных расходов, настроение рабочего класса в Англии и в других странах, враждебное продолжению войны, было бы лучше всего заключить мир сейчас, когда налицо благоприятная возможность для заключения достойного мира. В ответ на расспросы он изложил свое представление о достойном мире, а именно: эвакуация Бельгии и Франции; часть Эльзас-Лотарингии уступается Франции; Малая Азия остается в руках Турции; для Армении предусматривается особое полунезависимое положение; турки остаются в Константинополе; проливы открываются для всех. Геджасский король получает три флага — свой собственный, турецкий и британский; Сирия и Палестина получают особый режим под господством Турции, и особый режим устанавливается для Месопотамии и Аравии под турецким и британским главенством. Энвера можно было бы купить, и он (Герберт) убедился из личных бесед с турками в Швейцарии и Месопотамии, что на таких условиях Турция согласилась бы бросить Германию и помочь укрощению Болгарии. Австрия находится при последнем издыхании и готова заключить мир. Он не смог дать удовлетворительного ответа на мои расспросы о том, откажутся ли Франция и Италия от своих требований в Малой Азии, согласятся ли они на то, чтобы мы оставили в своих руках все, что мы заняли, и не отдали бы ничего ради мира, и согласятся ли американцы, вступившие в войну ради разрушения германского милитаризма и освобождения угнетенных национальностей, оставить Польшу и Армению под гнетом и Германию в качестве очень крупной военной державы. Что касается возвращения нами кое-чего, на основании бесед с генералом Смутсом, (68) он полагает, что относительно Восточной Африки возможны соглашения с Германией. Я сказал ему, что генерал Смутс, повидимому, не раскрыл ему своих действительных мыслей. Герберт одно из тех лиц, которым разрешается бегать повсюду в хаки и проповедовать мир.

4 октября. X. был во французской главной квартире с Петэном, с которым имел потом частную беседу. По словам Петэна, нельзя позволить, чтобы дела шли так дальше. Британцы занимают только четверть всего фронта и должны значительно растянуть свой фронт. Он пустил в ход старый аргумент, что фронт наш слишком глубок. X. не пришлось напоминать Петэну, что наши войска выдерживают всю тяжесть атак дополнитель-

ных германских дивизий. Если бы он это сказал, то ему пришлось бы добавить, что наши припасы, вспомогательные части, ремонтные мастерские и прочее находятся на французской территории позади линии нашего фронта, тогда как французская армия имеет все эти службы в пределах самой фронтовой полосы.

6 октября. Военный атташе уведомил меня, что Клемансо сообщил военному корреспонденту «Таймса», что немцы недавно предложили сепаратный мир Франции на основе уступки Эльзас-Лотарингии и левого берега Рейна, при условии разрыва Франции с Англией; Рибо получил эти информационные сведения от Клемансо. Если такого рода предложение было сделано, в чем я сомневаюсь, то сделано это было исключительно с целью рассорить союзников.

8 октября. Севастопуло смущен заметным здесь недоброжелательным отношением к России. Русские рабочие увольняются их французскими нанимателями.

11 октября. Сегодня я сделал визит Клемансо; он считает военное положение благоприятным, но абсолютно необходимо растяжение британского фронта; если он будет растянут, то нетрудно будет дождаться прибытия американцев. Я спросил его, какого рода условия предлагают Франции агенты, претендующие выступать от имени Германии; он ответил, что Рибо дал ему честное слово, что никакие специальные условия не были упомянуты. Это совпадает с тем, что я слышал от начальника кабинета Рибо. Хотя он не говорил об этом, я думаю все же, что Клемансо намерен сформировать министерство, если Пенлеве будет свергнут.

15 октября. В письме Ллойд-Джорджу я указал, что, по моим сведениям, Альбер Тома обижен, что не получает от него никаких сообщений, с тех пор как он покинул свой пост. Я добавил, что Тома, защищавший в прошлом участие в Стокгольме, не может публично бить отбой, не теряя своего влияния в социалистической партии, но что мне лично кажется невероятным, чтобы кто-либо из умных социалистов действительно мог верить, что путем личных дискуссий в Стокгольме с германскими социалистами можно заставить их, или вообще какого-либо немца, признать ответственность Германии за войну. Разумеется, германские социалисты не смогли бы доказать французским и британским социалистам, что Франция и Англия несут ответственность; более того, вопрос об ответственности будет только в свое

время представлять исторический интерес и в настоящее время не имеет практического значения. Суть дела заключается в том, чтобы как можно скорее разделаться с войной. Я добавил также несколько замечаний о громких требованиях, раздающихся здесь в публике и в кабинете, относительно растяжения британского фронта. Этот крик будет продолжаться, сколь бы ни были убедительны британские доводы против желаний французов, так как старшие классы французских солдат устали от траншейной работы, и французское правительство намерено вернуть их к частной жизни, заменив их британскими войсками.

16 октября. Телеграмма из Женевы, напечатанная в сегодняшнем вечернем выпуске «Тан», сообщает следующее:

«Помощник германского статс-секретаря по иностранным делам фон-дем-Буше сделал следующее заявление: «утверждение, формулированное г-ном Рибо в его речи во французской палате 12 октября, согласно которому Германия дала понять французскому правительству, что оно имеет возможность начать переговоры о возврате Эльзас-Лотарингии, лишено всяких оснований. Германское правительство всякий раз, когда его зондировали по вопросу о возможном мире, не оставляло никаких сомнений относительно того пункта, что германская территория никогда не сможет стать предметом обсуждения с какой-либо иностранной державой». Итак, мы видим пробуждение Бриана от его сна.

27 октября. Только сегодня французским газетам разрешено было опубликовать так называемые инструкции, данные г-ну Скобелеву комиссией Советов. ([69]) Комиссия эта претендует на назначение его своим делегатом на междусоюзническую конференцию в Париже. Русскому правительству было указано, что г-н Скобелев не является министром и не может быть принят поэтому, вопреки ожиданиям русского правительства, в качестве представителя России, и что вопросы, подлежащие обсуждению конференции, касаются не условий мира, а выбора наилучших средств для доведения войны до победы. Среди мирных условий, излагаемых советской комиссией, имеются следующие: плебисцит для Эльзаса-Лотарингии; возвращение Германии всех ее колоний; отказ от контрибуций, от экономической блокады, от сепаратных таможенных соглашений. Условия эти, должно быть, состряпаны в Германии и оплачены ею.

Итальянцы потерпели ужасное поражение, и неизвестно, остановятся ли они в своем бегстве. Они потеряли триста орудий

и 30 000 человек пленными. Этого, как мне передают, не отрицает сам Кадорна. (70)

Сведения из Италии становятся еще хуже. Теперь немцы заявляют уже, что ими взято 60 000 пленных и 500 орудий. Сегодня днем я встретился с лэди Д., она приехала из Рима. По ее словам, там замечается и всегда замечалось сильное течение против войны. Теперь уже нет больше криков «вперед».

28 октября. Спайерс принес мне сегодня военные новости, и притом плохие новости, касательно Италии. А двумя часами позже военный атташе принес аналогичные сведения. Оба сказали мне, что Фош и Робертсон выезжают отсюда в Италию завтра вечером. Французское и британское правительства, быть-может, пошлют каждое по армейскому корпусу, чтобы попытаться повлиять на итальянский народ и приостановить бегство итальянских войск. 60 000 пленных могут скоро превратиться в 100 000. Наши и французские орудия не были потеряны, так как были вывезены с передовых позиций, итальянцы же потеряли в горах бесчисленное множество орудий и припасов. Известна аксиома, что тот, кто держит в своих руках Ломбардию, господствует над Италией. Таким образом, возможно, что неприятель вскоре будет господствовать над Италией. Несчастные итальянцы! Но несчастны и мы.

Сэр Вальтер Лауренс из главной квартиры посетил меня; Хэг настроен очень оптимистично. В наших предприятиях, работающих на оборону, незаметно особого желания окончания войны, так как заработная плата высока; общество полно пессимизма и тревоги из-за воздушных налетов, но в общем публика здорова.

Недавно был произведен обыск в помещении Action Française (71) и в других местах. Правительственное сообщение в печати заявляет, что были открыты склады оружия, а также «Инструкция, провоцирующая гражданскую войну, путем вооружения граждан друг против друга». Инструкция исходит от роялистов, но их настолько немного, что с ними не приходится считаться. Склады оружия свидетельствуют об общем недовольстве, распространившемся на многих людей, не являющихся непременно роялистами, по поводу клик, которые претендуют на управление страной! Если французские армии на фронте прогонят немцев, то можно будет направить в Париж армейский корпус, который свергнет нынешнюю правительственную шайку. Никто не может оказаться

хуже ее, и все порядочные люди в стране оказались бы сторонниками смены власти. Нам не пришлось бы более слушать так много вздора о Лиге Наций и вечном мире, как сейчас. В виду того, что фраза эта была пущена социалистами и президентом Вильсоном, никто из лиц, занимающих видное политическое положение, не решается высмеивать «Лигу Наций». Кто принял бы на себя поддержание мира, если бы оказались разногласия между двумя или несколькими нациями, входящими в союз, и если спорящие нации были бы готовы решить вопрос путем борьбы?

29 октября. Теперь немцы уверяют уже, что ими взято 80 000 пленных итальянцев и свыше 600 орудий. Робертсон прибудет сегодня вечером и отправится в Италию вместе с Фошом. Кадорна выпустил приказ, в котором делается выговор двум итальянским дивизиям, обратившимся в бегство и создавшим брешь, через которую немцы проникли глубоко в итальянское расположение. Здешняя цензура запретила опубликование этого приказа из опасения, что газеты могут обидеть латинскую сестру. Немцы утверждают также, что ими заняты проходы в Венецианскую долину. Итальянские генералы надеются приостановить дальнейшее движение немцев, но это только надежды.

Имеются доказательства, что так называемое русское правительство ведет переговоры с немцами.

Позже. Французы и мы намерены послать войска в Италию, чтобы показать синий цвет и хаки и предовратить, таким образом, дальнейшее бегство, но Робертсон, проезжавший через Париж вчера вечером, считает, что послать британские войска в Италию, — это значит выбрасывать хорошие деньги после плохих. Немцы заявляют уже о 100 000 пленных итальянцев и свыше 700 орудий.

30 октября. Немцы заняли Удинэ, но никаких новых известий с итальянского фронта нет.

Керенский, считая, что его жена недостаточно достойная спутница для него в Зимнем дворце, бросил ее, заявив, что, поскольку он является сейчас атеистом, он не связан более обетами церковного брака. Он приблизил к себе танцовщицу из русского балета.

31 октября. Итальянцы как будто несколько оправились.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Ноябрь — декабрь 1917 года.

1 ноября. Радио, посланное вчера днем из Вены, сообщает, что австро-германские войска перешли Изонцо в нижнем течении во многих местах, и приближаются к Венецианской долине в направлении Талиаменто и горных областей у истоков реки. Повсюду они находят богатую добычу. В обращении к итальянскому народу австрийцы заявляют, что ими взято 120 тысяч пленных и 1300 орудий, и что народ был обманут Саландрой, Соннино, д'Аннунцио и интервенционистами. Прокламация призывает народ сбросить с себя тиранию виновников войны, которые ввергли страну в величайшее бедствие, либо из-за того, что продались Англии, либо уступая эгоизму капиталистов.

5 ноября. Племянник Остина Ли был здесь вчера проездом с итальянского фронта на пути в Англию. Он сообщил, что наши орудия были увезены, но вся аммуниция была потеряна, а французские орудия, которые не удалось увезти, разрушены. Далее, он сообщил, что 100 тысяч итальянских солдат сложили оружие с возгласами «да здравствует мир!»

Говорят, что если бы министры не выехали в Италию, то с правительством было бы покончено уже в конце недели. Правительство Клемансо, повидимому, неизбежно.

10 ноября. На совещании, состоявшемся 7-го в Рапалло, представители Англии, Франции и Италии решили учредить высший военный совет в целях «лучшей координации военных действий на западном фронте». Совет будет собираться по правилу в Версале, где живут военные представители.

15 ноября. Клемансо предложено составить правительство, что он и намерен сделать. (72) Он может иметь успех и удержаться у власти, так как он будет настаивать на прекращении всякого рода скандальных партий. Столь же важно и то обстоятельство, что он не принадлежит к числу людей, склонных к мирным маневрам.

17 ноября. Мне передают, что когда на заводах, работающих на оборону, и на электрических станциях начался саботаж, Клемансо сообщил в 4 часа дня вождю Генеральной конфедерации труда, что если это будет продолжаться, он наводнит Париж войсками и возложит ответственность на Конфедерацию труда. Саботаж прекратился!

3 декабря. «Виктуар» вновь выдвигает свое предложение о назначении французского генералиссимуса и междусоюзнического штаба. Это делается в связи с ударом, нанесенным немцами в районе Камбрэ. Я посылаю резюме по почте в Лондон вместе с извлечением из статьи «Эко де Пари», которая признает невозможность таким способом ликвидировать существующие затруднения и выражает надежду, что Версальская конференция приведет к улучшению существующего положения.

Недурное трио представляют собою русские мирные парламентеры: еврей, доктор из 5-й армии, доброволец немецкого происхождения и гусарский офицер, выгнанный из армии за растрату. (73) Этому почтенному субъекту было разрешено посетить наши авиационные заводы в Англии, так как, несмотря на то, что он был подозрителен, у военных властей не было доказательств.

4 декабря. Сегодня днем я видел Мильнера. Он возвращается в Версаль сегодня вечером. Поражение, которое мы потерпели при Камбрэ, вызвано, повидимому, неосмотрительностью и нестойкостью одной английской дивизии.

6 декабря. Смутс считает, что вопрос о германской восточной Африке, не есть южно-африканский вопрос, а является вопросом имперским, и что с точки зрения Британской Империи германская восточная Африка не может быть возвращена, так как она соприкасается с Занзибаром и господствует над нашими путями в Индию. Забастовки в департаменте Луары окончились, и войска возвращаются из Лиона.

Германские радио заявляют, что в боях под Камбрэ немцами взято свыше 9000 пленными, 148 орудий, 716 пулеметов, и что подступы к порту Калэ, равно как Лондон, Довер и ряд других английских городов подверглись германскими авиаторами бомбардировке, вызвавшей многочисленные большие пожары. Сообщается также о заключении десятидневного перемирия на всем фронте от Балтийского до Черного моря и на русско-турецком фронте в Азии.

8 декабря. Бывший министр Этьен посетил меня сегодня днем. Он негодует на русских. Публика начинает здесь понимать, что казаки едва ли принесут нам реальную пользу. Россия будет находиться в состоянии брожения на долгое время. Отбросы поднялись сейчас наверх в виде накипи, и потребуется кровожадный диктатор для того, чтобы эту накипь снять. Такой

диктатор найдется, когда народ начнет страдать от этой сволочи. В настоящий момент они не хотят сражаться, и нет никого, кто бы заставил их сражаться. Они хотят грабить и делить землю. Некоторое время спустя они передерутся между собой, и тогда настанет момент для появления диктатора.

Перспективы мрачны почти во всех отношениях, но я верю в наш народ и во французов. Будем надеяться, что немцы, посеявшие семена социализма в его крайней форме, пожнут у себя вихрь революции и террора. Однако, в своей надежде я не слишком уверен.

10 декабря. Троцкий до войны жил в качестве революционного эмигранта в Париже. Когда разразилась война, его заподозрили в шпионаже и выселили в Испанию в октябре 1916 г. Он был обвинен в анархизме, арестован и препровожден согласно его просьбе в Кубу, откуда он, кажется, через Англию вернулся в Россию после свержения императора.

11 декабря. Хаос в России является предметным уроком для французов, запрещающим им иметь социалистическое министерство. Даже в том случае, если такое министерство составлено из так называемых умеренных членов партии, оно пойдет за крайним партийным меньшинством из боязни потерять голоса во время выборов.

Занятие Иерусалима отрадное событие. Но нам нужно гораздо больше для уравновешения поражения под Камбрэ и печального положения Италии. Что касается России, то пусть они дерутся между собою до тех пор, пока максималисты не ожесточат большинства и не будут убиты. Между тем здесь и в Англии встречаются люди, притом серьезные люди, поддающиеся вере, что будущим летом у нас будет вооруженная помощь России. Возможно, что эта страна к тому времени вовсе перестанет существовать как целое.

15 декабря. Немцы отрицают утверждение Бальфура, что они зондировали нас относительно условий мира. Они говорят, что нейтральное лицо, действовавшее несомненно в наших интересах, запрашивало о целях немцев. Германское правительство не может довериться нейтральному в вопросе об условиях мира.

16 декабря. В речи, произнесенной в Берлине, Тирпиц заявил, что Германия должна получить Фландрию, Антверпен, Зеебрюге, Остенде, Калэ, Брие и Лонгви. Эту декларацию сле-

довало бы распространить по всей Англии и Франции, чтобы восстановить народы против пацифистов и мирных переговоров с Германией до того, как она будет разбита. Ллойд-Джорж произнес прекрасную речь. Газета Клемансо «L'Homme Enchaîné» заключает хвалебную статью следующими словами:

«Критический момент пройдет. Наступит час решения. К этому часу уже теперь должны готовиться все союзники, думая только об одном: единая армия и единая война, единое направление. Вот этого-то и недостает в речи г-на Ллойд-Джорджа. Мы можем победить. Мы победим. Мы победим скорее, если в единой и нераздельной Антанте будет один фронт, один план, один вождь».

17 декабря. Норвежские социал-демократы предложили норвежскому комитету, ведающему ежегодным присуждением нобелевской премии мира, выставить в качестве кандидатов Ленина и Троцкого. В нынешнем году это предложение запоздало. Однако, президент комитета сказал, что если бы им удалось восстановить мир и порядок, то предложение это можно рассматривать, как вполне уместное.

18 декабря. Мне думается, что мы сделали ошибку, выдав русских анархистов вследствие угроз Советов, после того как мы отказались это сделать! К нам будут обращаться все с новыми требованиями. Это Бьюкенен посоветовал сдаться. Он заявил, что не может взять на себя ответственность за возможные последствия нашего упорного отказа.

23 декабря. Маклаков, так называемый русский посол, посетил меня сегодня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством de facto, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного авторитетом правильно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом. Он видел в прессе сообщение, что бывший министр юстиции Щегловитов, известный реакционер, выпущен на свободу и используется большевиками, которые, по его мнению, подготовляют при помощи немцев возведение на престол кого-либо из членов российского царствующего дома. То,

что останется тогда от России, будет выдано на полный произвол Германии. Я спросил его, согласятся ли на такое решение Украина, Сибирь и другие части России. Он ответил, что, быть-может, не согласятся в данный момент, но что заводы, изготовляющие военное снаряжение, окажутся в руках руссогерманцев, и казаки останутся без артиллерии. Я спросил его, не выступит ли народ против Ленина и Троцкого из-за недостатка продовольствия в Петербурге. Он думает, что так оно и будет, но что это не изгонит немцев.

Милюков говорил Маклакову, что британское правительство подстрекало русское требовать Константинополь, чего русские, за исключением отдельных лиц, не хотели, так как знали, что владение Константинополем принесет затруднения и сделает невозможным какое-либо примирение с турками. Маклаков говорит, что русский народ не дозрел до республики. Он хочет конституционную монархию. Маклакову передавали также, что Бьюкенен предлагал державам Антанты освободить Россию от ее обязательств по отношению к ним. Он считает это глупостью, и неудивительно. Мы не можем заставить их сражаться на нашей стороне, но зачем освобождать их от их обязательств и предоставлять им этим возможность доказывать, что они прекратили борьбу с Германией с согласия и по предложению Антанты.

24 декабря. Сегодня днем меня посетил Мильнер. Он не является ярым сионистом. Он только надеется, что принятие программы сионизма может сослужить нам службу; но что будет, если в Палестине евреи поссорятся с арабами, и арабы, являющиеся воинами, начнут бить евреев, которые с библейских дней стали пацифистами? Несомненно евреи обратятся к британским христианам за защитой против арабов. А если эти христиане окажут им поддержку, то что скажут мусульмане, арабы, индийцы и т. д.? Я думаю, что сионизм — это вздор.

25 декабря. В «Matin» опубликована статья Альбера Тома. Он продолжает верить в себя и в крупную роль Лиги Наций в борьбе против войны. Возможно, что определенные державы придут к соглашению друг с другом, что в случае отказа какого-либо государства подчиниться арбитражу при разногласии с другим, договорившиеся стороны вмешаются для предупреждения войны: но даже в таком случае некоторые государства будут медлить, и если их собственные интересы не будут затронуты,

то они попросят уволить их под тем или иным более или менее благовидным предлогом.

27 декабря. Если Япония или Америка будут медлить с занятием Владивостока, (74) то русские максималисты смогут захватить или уничтожить военное снаряжение, выгруженное там Антантой для русских, когда они сражались на нашей стороне. Было ли когда-либо на свете что-нибудь более жалкое, чем переговоры максималистов с бошами и австрийцами. Непременное условие, что Германия должна получить обратно все отнятые у нее колонии, должно было бы заставить наших миротворцев умолкнуть.

28 декабря. Бен Тиллет приходил сегодня утром с двумя другими. Он передал мне сожаление Эппльтона, по поводу того, что тот был вынужден уехать, не повидавшись со мной. Все трое вместе с одним французским социалистом приглашены завтра к завтраку. Я предоставил Тиллету на завтра мой автомобиль для утренних визитов.

31 декабря. Сегодня утром Клемансо и Пишон приняли объединенную делегацию социалистических депутатов, а именно Тома, Юбер-Руже, Ренοделя, Кашэна и Жана Лонгэ. Они просили о паспортах в Петербург с целью предупредить сепаратный мир России с центральными державами или, по крайней мере, добиться, чтобы он был как можно менее вреден для Франции. Он отказал (браво, Клемансо!) по той причине, что положение в Петербурге слишком неопределенное, чтобы можно было рассчитывать на полезные результаты их вмешательства. А выдача паспортов создала бы ложное впечатление относительно позиции французского правительства: можно было бы подумать, что оно принимает участие в переговорах в целях заключения прелиминарного мира и т. д.

Мирные предложения бошей абсурдны, но я не думаю, чтобы отсутствие в них «свободы морей» означало отказ их от этой идеи. Она вновь появилась бы, если бы мы пошли на переговоры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Январь 1918 года.

6 января. Сегодня приходил ко мне Севастопуло. Он считает, что Киев может вновь стать столицей России. Он говорит, что Финляндия, не имеющая своего хлеба, не может жить

вне зависимости от России. Теперь, когда отпала необходимость заботиться о квартире для императорской семьи, перевод правительства из Петербурга в Москву или в Киев не представит затруднений. Так говорит Севастопуло; но прежде чем вести разговоры о новой столице, Россия должна оправиться.

7 января. Какой-то Дж. вернулся с рассказами о том, как угнетен Лондон: публика начинает обнаруживать сильное недовольство из-за недостатка продовольствия, она недовольна также правительством; банкиры утверждают, что только Америка спасла нас от финансовой катастрофы, что мы должны иметь мир немедленно. Я спросил его, готовы ли банкиры, о которых он упоминал, платить контрибуцию по германскому миру, так как только такой мир достижим в настоящий момент.

8 января. Я полагаю, что премьер-министру пришлось ради поддержки со стороны рабочей партии заявить, что судьба захваченных германских колоний должна быть решена мирной конференцией. Когда наступит этот момент, можно будет найти сколько угодно всяких доводов, чтобы не возвращать их Германии, но наши союзники будут ссылаться на его слова, желая получить уступки, которые немцы станут обещать, если мы, согласно нашим обещаниям, передадим вопрос о колониях на разрешение конференции.

9 января. Мне не нравится меморандум президента Вильсона о целях войны. (75) Альбер Тома, этот социалист, проповедывавший плебисцит, бьет теперь отбой относительно Эльзас-Лотарингии, вступив, таким образом, в конфликт с некоторыми из своих хороших товарищей.

10 января. Я надеюсь, что Ллойд-Джордж найдет способы затушевать свои компромиссные заверения относительно германских колоний, но что мне совсем не нравится, это меморандум Вильсона. Наши колонии выскажутся, когда настанет время для конференции, и с их благополучием нужно считаться больше, нежели с красивыми фразами президента Вильсона. Что он понимает под абсолютной свободой навигации в морях за пределами территориальных вод в мирное, равно как и в военное время? Что означает равенство условий торговли? Наконец, каково значение двусмысленного пятого условия, касающегося колоний? Он хочет иметь Россию в качестве поля для коммерческой деятельности Соединенных Штатов и относится к шайке Ленина и Троцкого, как к людям, достойным уважения.

13 января. Здесь считают, что в Англии уделяют слишком много внимания крайнему крылу рабочей партии и г-ну Гендерсону, а также его непрерывным попыткам организовать международную конференцию в Стокгольме или Копенгагене или еще где-нибудь. Я полагаю, что в Англии сотрудничество с шумливыми социалистами нужнее, чем здесь. Здесь они поболтали в свое время, а теперь они дискредитированы в стране и не имеют силы в палате; они знают, что в лице Клемансо они имеют дело с человеком, который не поколеблется активно выступить против всяких беспорядков, вызванных ими.

К сожалению, с Альбером Тома считаются в Англии. Он должен понять, что мелет вздор о Лиге Наций и о целесообразности встречи с дорогими русскими товарищами. Представьте себе, что за глупость думать, — а так думают вожди французских социалистов, — что русских максималистов можно убедить в их неправоте, уговорить их прекратить свои эксцессы и начать новую жизнь.

У нас было уже достаточно и более чем достаточно деклараций о целях войны. Если Антанта попытается состряпать коллективную ноту, определяющую цели войны более детально, чем это было сделано уже в заявлениях Ллойд-Джорджа, Вильсона и Пишона, то мы раздеремся.

15 января. Что за вздор пишет сегодня Герберт Уэллс в парижском издании «Дэйли Мэйл» в статье, посвященной восхвалению большевиков!

17 января. Передают слова, якобы сказанные Бертело, что дипломатические паспорта выдаются только шпионам и кокоткам. Почти каждый день происходят новые аресты. Враждебное настроение против большевиков здесь очень сильно. И они до сих пор еще не назначили своего представителя. Удивляются тому, что мы вступаем в сношения с правительством в Петрограде и его представителями в Англии.

22 января. Вести из России и Украины производят тяжелое впечатление; французы гораздо более сдержанны по отношению к большевикам, чем мы.

В пятницу я встретился с Извольским за обедом. Он хочет говорить со мной о России. Он клянется, что лично был против передачи России Константинополя, который он желал бы видеть вольным городом в руках турок, но ему приходилось слушаться приказов и требовать Константинополя в угоду общественному

мнению в России. Извольский, хорошо знающий Японию и Сибирь, рекомендует японскую интервенцию. Если вмешаются китайцы, то сибиряки бросятся в объятия большевиков. Он не видит возможности возрождения империи и вообще монархии в России. Лучшее, на что можно надеяться, это федерация государств. Сепаратный мир между Украиной и Германией был бы несчастьем, так как немцы смогли бы вывозить из Украины припасы в безграничном количестве. Извольский хотел бы при помощи союзников воспрепятствовать переходу Архангельска и Сибири в руки большевиков.

23 января. Гомруль для Ирландии может быть полезен или вреден для Британской империи. Однако, вмешательство в это дело со стороны американского президента или конгресса было бы чудовищным безобразием. Парижский «Дэйли Мэйл» публикует сегодня письмо или телеграмму от своего вашингтонского корреспондента, предсказывающую такого рода вмешательство, если британское правительство не проведет гомруля: «И народ Соединенных Штатов также не допускает мысли, чтобы Ольстеру ([76]) позволили отделиться от остальной Ирландии, как он не допускает мысли о разрешении южной Каролине отделиться от Союза».

Немецкие социалисты начинают выступать против его величества, но зайдут ли их возражения против действий императора и его генералов настолько далеко, чтобы принести нам реальную пользу? Я в этом сомневаюсь. В Австрии социалисты работают хорошо. ([77])

24 января. Недурную чертовщину завели мы у себя сами, приняв большевика Литвинова в качестве квази-представителя большевистского правительства, вместо того, чтобы арестовать его, как только о нем узнали. Здесь такого рода представителей нет. Практикуемая нами возня с большевиками не оплачивает себя; ошибкой было разрешение Гюисмансу высадиться в Соединенном Королевстве. Резкие выступления Литвинова были встречены приветствиями. Он подстрекал англичан поступить по примеру большевиков с целью достижения мира. Жена Литвинова британская подданная, а сам он долгое время жил в Англии.

26 января. Вождь рабочей партии Гендерсон распространяет разные вздорные мнения. Если бы ему предоставить свободу действий, то он довел бы до распада Британской империи. Он говорит о завоевании страны на ближайших общих выборах и о том, что он станет премьер-министром. Я надеюсь, что мы

не доживем до такого конца, но большевизм, повидимому, болезнь заразительная, и, к несчастью, Германия в настоящее время имеет против него иммунитет.

Вчера вечером я встретился с Извольским за обедом. Кроме нас, был еще только председатель бюджетной комиссии палаты. Извольский считает Украину в настоящий момент потерянной. Концентрированное давление на большевиков должно быть начато из Архангельска, Сибири и Кавказа; державы Антанты должны предоставить деньги, оружие и амуницию, а также высадить небольшое количество войск в Архангельске; японцы должны высадить войска в Порт-Артуре или Тянь-Цзине вместе с американскими и британскими контингентами; сибиряки присоединятся к ним и выгонят всех большевиков; британские войска из Месопотамии поддержат армян и черкесов и т. д. Очень длинная волынка. Извольский утверждает, что у него нет личных мотивов для этих происков, и считает, что в конце концов одержат верх кадеты; бывшая Российская империя распадется на отдельные государства, которые, быть-может, образуют конфедерацию, во главе которой, может-быть, окажется монарх. Он не думает, что Антанта окажется, таким образом, в состоянии войны с Россией, она поможет только лойяльным по отношению государства элементам подавить большевиков. На это потребуется известное время, а между тем Германия будет вывозить продовольствие и прочее из Украины и Румынии. Французские капиталы в России, в форме займов, инвестиций и т. д., достигают суммы в 800 миллионов фунтов. Один из аргументов Извольского в пользу его архангельского плана, понравившегося председателю бюджетной комиссии, заключается в том, что леса этой области, представляющие безграничную ценность, могут быть захвачены, как обеспечение предоставленных Францией займов. Извольский напомнил мне, что мы торговали с Архангельском еще во времена королевы Елизаветы.

27 января. Сегодня я завтракал у Жозефа Рейнака. Он считает, что мы обнаружили явную слабость по отношению к большевистскому правительству в Петербурге. Присутствовавший Генри Вильсон объяснил ему, что Ллойд-Джордж не мог отказаться от сношений с ними из-за давления рабочей партии.

Передают, что Кадорна предстанет перед военным судом, отчасти из-за того, что некоторые части его войск сложили оружие, главным же образом из-за того, что он критиковал прави-

тельство за недостаточное внимание к его представлениям о том, что войска его развращены социалистами.

28 января. Маклаков приходил ко мне, чтобы отсоветовать какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия на некоторое время должна оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны. Из боязни заразить свои войска большевизмом, германское командование не осмелится проникнуть вглубь севера России, где эта болезнь свирепствует.

30 января. Итак, Смутс говорил в географическом обществе о германских намерениях в Африке. Он, повидимому, и вполне разумно, — против возвращения чего бы то ни было немцам, а относительно германской восточной Африки он говорит: «Преждевременное и неблагоразумное возвращение германской восточной Африки ее бывшим владельцам могло бы иметь последствия, выходящие далеко за пределы африканского континента. Быть-может, мне разрешат выразить горячую надежду, что страна, в которой столь много наших героев потеряли свою жизнь, никогда не станет угрозою будущему мирному развитию мира». Браво, Смутс!

Еще одно излияние Альбера Тома. Он призывает державы Антанты к объединенному выступлению по вопросу об условиях мира. Всякая попытка притти к соглашению относительно такой декларации повела бы к затруднениям, спорам и разногласиям. От нас, как от единственной европейской державы, занимающей вражеские территории, наши союзники стали бы ожидать, что мы будем платить за разбитые горшки, возвратив Германии и Турции занимаемые нами территории, чтобы обеспечить хотя бы частичное принятие Германией условий Антанты. Будем продолжать борьбу, и пусть голод, мор, недовольство и забастовки совершают свою медленную, но верную работу, которая сломит заносчивость немцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Февраль 1918 года.

1 февраля. Здесь находится Марк Сайкс; он служит в министерстве иностранных дел в отделе Палестины, Геджаса, Сирии и т. д. Основываясь на своем опыте, полученном во время пребывания в Петербурге, он утверждает категорически, что в России будет террор, подобный французскому террору 1793 г., и что британское посольство может оказаться в числе его жертв.

4 февраля. Мильнер сделал мне сегодня продолжительный визит. Он надеется, что Клемансо удержится до конца войны. Он был очень откровенен. Россию он считает бесполезной, разве что удастся воспрепятствовать такому крупному безобразию, как сепаратный мир, и отвлечь часть германских сил. Большевизм — это заразительная болезнь, которая, как можно надеяться, распространится на Германию и Австрию. Но Антанте придется установить карантин старого образца, чтобы оберечься от заразы.

5 февраля. Жюль Камбон читал мне вчера письмо из Лондона, в котором говорится о возникновении идеи частной встречи с Черниным в Швейцарии, но идея эта была задушена в самом зародыше.

6 февраля. Вчера вечером я встретился на обеде с послом Маклаковым и его сестрой, дамой сорока лет, очень умной и имевшей ярко выраженные славянские черты. Маклаков озабочен нашим вступлением в сношения с большевиками, которые, по его мнению, не могут оставаться долго у власти. Он подробно указывал Мильнеру на неуместность и вредные последствия таких сношений. Это Рабочая партия в Англии заставляет правительство делать такие странные вещи.

Здесь создалось, повидимому, впечатление, что положение Ллойд-Джорджа поколеблено. ([78]) Сейчас не время для перемен. Будем надеяться и молиться о том, что Рабочая партия не будет заведена на ложный путь Гендерсоном и К°.

8 февраля. Мистер Гарбэн, богатый социалист, работающий здесь в отделе визирования паспортов, был на митинге в Ноттингэме. Он говорит, что парламентская фракция Рабочей партии не отражает настроения рабочих, и что три с половиной

или четыре миллиона рабочих являются сторонниками немедленного мира на каких угодно условиях.

11 февраля. Вчера вечером я обедал у Станислава де-Кастеллян. Я сидел рядом с принцессой Радзивилл, которая только-что приехала из Петербурга. По ее описанию, там происходят празднества, танцы, увеселения и расстрелы. Она присутствовала на улице при встрече двух полков. Один из них был большевистский, а другой монархический, и один пел Интернационал, а другой царский гимн. Она хочет немедленного мира. Владения Радзивиллов находятся в части Польши, оккупированной немцами.

13 февраля. Среди рабочих Клайда есть много русских; имеется меньшинство из пацифистов и нелойяльных элементов, зато в графстве Дерби углекопы твердо стоят за победный мир, и общий дух в стране здоровый.

16 февраля. Наконец-то здесь введены серьезные ограничения роскоши в области питания и прочих предметов первой необходимости; они должны вступить в силу с 1 марта. Мне кажется, что уменьшение в Англии мясной нормы до одного фунта в неделю рассчитано более, чем что-либо, на создание недовольства среди рабочего класса и на помощь пацифистской пропаганде.

Сегодня к завтраку приходила английская чета. Он настроен пацифистски, рассуждая, примерно, следующим образом: «Мы уже достаточно воевали. Все устали от войны. Мы никогда не сокрушим немцев военной силой. Status quo ante bellum был бы лучшим решением при настоящих условиях, и он означал бы фактическое поражение Германии, так как она начала войну с намерением завоевать господство над миром, и status quo означал бы для нее поражение, так как она потеряла миллионы людей и денег и ничего не выиграла. Она была бы слишком бедна в финансовом отношении, чтобы начать войну снова. Что касается населения наших колоний, которое несогласно на возвращение германских колоний, то колониальные солдаты достаточно сражались, а Ллойд-Джордж и другие стоящие у власти лица неоднократно заявляли, что мы не ищем территориальных приобретений». Однако, что бы сказали правительства и народы наших доминионов на предложение вернуть германские колонии? На это мой гость не мог найти ответа.

19 февраля. Несколько слов о парламентской фракции Рабочей партии. По мнению моего вчерашнего гостя, которое он

высказывал как мнение партии, из трех возможностей, а именно, во-первых, решение путем военных действий, во-вторых, продление войны на неопределенное время, в-третьих, заключение всеобщего мира, приемлемого для всех народов, — рабочая партия считает первую невозможной, вторую — несчастьем, которое поведет к разорению всех воюющих стран, третью—приемлемой, в согласии с заявлением президента Вильсона. Возвращение Германии ее колоний должно быть обставлено гарантиями надлежащего обращения с туземцами и запрещением привлекать их к военной службе. Равным образом, Германия не должна иметь исключительных прав на сырье. Рабочая партия против дальнейших увеличений колониальных владений Великобритании. Она будет настаивать на заключении мира, который не будет ни британским, ни французским, ни немецким миром. Он должен быть всемирным миром и соглашением между всеми народами, включая Германию. Ошибкой было недопущение Стокгольмской конференции. Она помогла бы Керенскому удержаться у власти. Цель международной конференции выведать у германских социалистов их взгляды на войну и на желательные условия мира. Что касается Эльзас-Лотарингии, то Великобритания вступала в войну не для того, чтобы получить эти провинции для Франции. Не может быть вообще речи об аннексии этих провинций, так как аннексий не должно быть вовсе, но эксплуатация минеральных богатств в этих провинциях должна быть свободной для всех народов. Судьба этих провинций должна быть решена мирным конгрессом. Быть-может, удастся согласиться на разделе.

Отношение Рабочей партии к генералу Робертсону и Верховному совету в Версале будет зависеть от объяснений премьер-министра. Если они окажутся неудовлетворительными, то партия будет голосовать против него. Если Ллойд-Джордж падет, то откроются следующие возможности: в качестве затычки министерство Лэнсдауна или коалиционный кабинет Асквита, или рабочее министерство. Если война должна продолжаться, то лучше всего было бы Ллойд-Джорджу остаться до доведения ее до конца. Ни кабинет Лэнсдауна, ни коалиционное министерство Асквита не имеют шансов на долговечность. Рабочая партия не желает стать у власти в настоящий момент. Рабочее министерство имело бы действительный успех только после всеобщих выборов, которые дали бы большое увеличение числа членов партии в парламенте.

21 февраля. Мёррэй пришел сегодня к завтраку. У него обедали Макдональд и Жозеф Рейнак, пришедший для встречи с ним. Рамзей Макдональд сказал Мёррэй, что он желал бы остаться в Париже на несколько дней, но что Тома, ожидающий приглашения в Бекингэмский дворец для образования кабинета, настаивает на возвращении всех членов Рабочей партии в Лондон. Рамзей Макдональд убежден, по словам Меррэй, в том, что британское и французское правительства согласятся на участие британских и французских делегатов на международной конференции в Швейцарии для встречи с неприятельскими социалистами, и что такая встреча облегчит мир. Но на каких условиях?

В Сент-Этьене была обнаружена германская шпионская организация, помещающаяся в винной лавке, принадлежащей одному немцу и его жене. Организация эта ставила себе целью устройство стачек в критические моменты войны.

22 февраля. Неужели наступление немцев вглубь России и их аннексионистская программа и требование контрибуции не окажут влияния на французских и британских социалистов, собравшихся в Лондоне, и на их абсурдные идеалы? ([79])

25 февраля. Посетивший меня вчера генерал Раулинсон обнаруживает мягкотелость в вопросе о германских колониях. Он считает, что мы должны бы вернуть Германии Дар-эс-Салаам. Он расположен как раз напротив Занзибара и превратился бы в гнездо пиратов, грабящих нашу торговлю на путях к Дальнему Востоку. Он считает, что, если мы не решимся продолжать войну до полного поражения Германии, мы должны делать уступки. Если народы примут программу Лондонской социалистической конференции, то война должна будет длиться еще два года или больше, ибо откуда мы иначе получим независимую Польшу с выходом к морю и другие вещи, упоминаемые конференцией, которые Германия едва ли уступит, если не будет побита? Социалисты поддерживают требования итальянских ирредентистов, но вместе с тем заявляют, что не должно быть расчленения Австро-Венгрии, не должно быть аннексии Лифляндии, Курляндии и Литвы. Они требуют также самоопределения для Армении, Месопотамии и Аравии или управления их комиссией, назначенной Лигой Наций. Как все это невежественно и абсурдно! Каким образом можно обеспечить самоопределение, и каким образом провести на практике предлагаемый способ управления?

26 февраля. Поговаривают о серьезных трениях между американскими и французскими генералами; Першинг и Петэн не могут сговориться, и ведутся интриги с целью убрать Першинга. Американцы не выносят французской бюрократической волокиты и переходят к выполнению своих намерений, подчас не дожидаясь французской санкции. Это вызывает трения. Американцы мало считаются с частными интересами французов и с французскими чувствами. Американцы хотели бы занять на фронте место рядом с нами. В интересах наших будущих отношений, я лично предпочел бы, чтобы они оставались с французами.

Я опасаюсь, что здешние социалисты ничему не научились на русском уроке. Они попрежнему хотят разговаривать с неприятелем. Речь Гертлинга не сдвинула их с занятой ими позиции, хотя он и заявляет, что Эльзас-Лотарингия не представляет никакой международной проблемы.

Вчера я обедал у Ритца в качестве гостя сэра Чарльза Эллиса и сидел между ним и Винстоном Черчиллем. Взгляды Винстона своеобразны. Он вдруг заявил, что война не должна продолжаться ни на один день больше, чем потребуется для освобождения Бельгии и для получения Францией не непременно всего Эльзаса и Лотарингии, но такой части их, которая лишит Францию возможности думать и говорить, что она была покинута Англией и оправдывать свои поиски новых друзей. Что касается германских колоний, то южная Африка могла бы путем соглашения заполучить германскую юго-западную Африку в обмен на какую-нибудь другую германскую колонию, захваченную нами. Германская восточная Африка должна быть возвращена Германии. Довод, что Восточная Африка может быть использована в качестве базы подводных лодок, угрожающей нашему пути в Индию, не выдерживает критики, так как подводные лодки могут обходиться и без таких баз. Германии необходимы угольные станции и колонии, и нельзя ожидать, чтобы можно было запереть ее в пределах Европы. Я спросил, можно ли ожидать, что Япония вернет Кио-Чао. На это он не ответил, и я оставил вопрос о колониях. Несколько позже, после обеда, Винстон заявил, что речь Гертлинга не открывает никаких перспектив мира, и что нам придется продолжать борьбу еще два или три года, что анархия распространится, повидимому, из России на другие страны, но позже всего на Англию,

где настроение народа лучше, чем оно было два года тому назад. Если Клемансо падет, то он хотел бы видеть у власти Альбера Тома, так как он будет за продолжение войны. Ему нравится Пенлеве. Он считает, что война ведется из-за европейских вопросов и не из-за каких иных, и что после войны Европа останется вооруженным лагерем.

27 февраля. Вчера Винстон очень сильно противоречил самому себе. Он говорил, что нынешняя война — европейская война, и что результаты ее должны быть европейскими. Я высказал предположение, что, по его мысли, решение войны находится в Европе. На это он ответил утвердительно, но прибавил, что вне Европы ничего и не происходит. Вслед за тем он сказал, что, поскольку Германия вывела из строя Россию, мы, в свою очередь, должны вывести из строя Турцию. Обратный вывод из этого заключается в том, что если Германия откажется от захваченных ею частей России, то мы отдадим Палестину и Месопотамию и предоставим арабам самим свести свои счеты с Турцией. Я спросил у Винстона, каково его мнение о японской интервенции. Он ответил, что в случае интервенции Россия объявила бы Японии войну. Чем такая декларация Ленина, Троцкого и К° была бы хуже, чем нынешнее положение? Если Япония будет сидеть смирно, то большевики, с идущими по их пятам немцами, обоснуются во Владивостоке. Лучше было бы, чтобы там и в Манчжурии были японцы, чем большевики и немцы.

Говоря о перспективах войны, Винстон заявил, что мы быстро завоевываем превосходство над немцами в воздухе, что мы сможем, как он ожидает, преодолеть трудности подводной войны и тогда будем в состоянии вести переговоры с Германией, если она обнаружит благоразумие.

Он говорит, что производство предметов снаряжения никогда не шло так хорошо, как сейчас. Он не упоминал об Ирландии.

Что сказало бы население наших колоний, если бы Винстон опубликовал свои взгляды?

28 февраля. Французские газеты раздувают японскую интервенцию во Владивостоке и Манчжурии. Если Япония пойдет туда, то для того, чтобы обосноваться там в более или менее замаскированном виде. Со стороны Америки было бы глупостью возражать против этой интервенции.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1918 год.

4 марта. О Россия, что за поражение! Германская жадность на территории растет. Карс, Батум и т. д. должны быть возвращены Турции! Япония, спеши! Мне кажется, что за все время войны у нас не было таких черных дней, как эти, за исключением тех, когда немцы были вблизи Парижа вначале сентября 1914 г. По сведениям Ли, Клемансо настроен пессимистически. Я видел его сегодня утром. Он не производит такого впечатления. Каждую неделю происходят новые аресты по подозрению в шпионаже.

5 марта. Австро-германские мирные предложения Румынии (80) и расчленение России, а также полное уничтожение Польши должны открыть глаза социалистам и заставить их понять, что международная социалистическая конференция при участии представителей всех воюющих и нейтральных стран не заставит германских социалистов противиться германской территориальной жадности и не приблизит мира, разве что мир этот будет германским. Я надеюсь, что продвижение японцев действительно начинает приобретать значение.

6 марта. Скверная забастовка имела место на одном из заводов по обороне вблизи Парижа. Мне кажется, что она окончилась. Забастовка в Сент-Этьене была подавлена очень решительными мерами. Были пущены в ход конный полк и 3000 жандармов, и большое количество забастовщиков было убито и ранено. Закончилась история отправкой молодых забастовщиков на фронт и повышением заработной платы старшей категории рабочих.

7 марта. Дж. Бьюкенен был вчера здесь у меня. Он говорит, что многие молодые консерваторы намерены войти в коалицию с Рабочей партией, и он думает, что эта партия окажется наиболее сильной численно в ближайшей Палате Общин. Он спросил, не пораженец ли Лушер? Зачем ему быть им? Его компаньон делает снаряды. Он спросил также, делает ли пацифизм успехи во Франции.

Когда Альбер Тома заявил Клемансо, что если тот не последует его совету в каком-то вопросе, то будет всеобщая забастовка, тот заметил: «Во всяком случае, вы в ней не примете

участия». «Почему же?» — спросил Тома. «Потому что я расстрелял бы вас на много раньше начала забастовки», — ответил Клемансо.

Бедная Румыния! Требования немцев относительно свободного доступа к Одессе означают также свободу их продвижения из этого порта в Трапезунд, Батум и Персию совместно с Турцией, идущей из Ардагана и Карса. Слишком долго колебались, прежде чем дали Японии свободу действий в Сибири.

9 марта. В Лондоне опасаются, что продвижение японцев вглубь Сибири вызовет у русских враждебное чувство к Антанте. В России сейчас господствует большевистское и враждебное Антанте настроение. Поддержка японцев может ободрить противников большевиков в России в их сопротивлении. Как бы то ни было, если японцам удастся воспрепятствовать вывозу припасов из Сибири немцами, то это будет выигрышем.

В письме, полученном из Лондона, говорится: «Внутреннее положение нехорошо. Замечается значительное усиление пацифизма, стимулируемое недостатком мяса. Низшие классы столько зарабатывали, что могли хорошо питаться. Теперь они недовольны тем, что имеют только фунт мяса в неделю после того, как ели два фунта в день в среднем. Действительно похоже на то, что некоторые из наших так называемых государственных мужей провоцируют революцию. Говорят, что Ллойд-Джорж предложил свои услуги консерваторам».

Вчера Клемансо имел большой успех в палате.

12 марта. Так называемый русский посол Маклаков хочет и не хочет японской интервенции в Сибири.

14 марта. Социалист меньшинства Мистраль пишет в «Юманите», что доводы, выдвигаемые Японией в пользу интервенции, являются предлогом для захвата части России, брошенной на произвол судьбы Антантой, и что из вражды к русской революции Антанта не окажет противодействия Японии, интервенция которой толкнет Россию в объятия Германии.

15 марта. Здесь существует опасение, что наши забастовки и позиция Рабочей партии и пацифистов могут толкнуть нас на преждевременный мир.

16 марта. Неклюдов, бывший в последнее время русским послом в Мадриде, а до того посланником в Софии и еще раньше советником русского посольства в Париже, просил меня принять его и пришел сегодня днем. Он говорил пространно и

напыщенно, оплакивал слабость императора Николая и его подчиненность жене, следствием чего явились кризисы, которые привели в конце концов к революции. Он критиковал потакание революционерам со стороны Антанты и укорял нас за связи с большевиками. Наиболее угрожаемой державой является сейчас Англия, так как Германия целится из Одессы на Батум, Кавказ, Персию и Индию. Необходимо хорошо помнить, что Россия не просила о японской интервенции. На выступление Японию толкнула Антанта, и если Япония не придет к соглашению с лойяльными элементами в России, то ее интервенция принесет только вражду и окончится неудачей. Франция и Англия, повидимому, действуют, не советуясь с русскими, хорошо знающими Россию и т. д. Я заметил, что когда горит дом, то владелец его обычно благодарен соседу, помогающему тушить огонь, нравится ли сосед ему, или нет. Несомненно, Япония, в случае интервенции, будет рада помощи и содействию тех русских частей, которые захотят воспрепятствовать продвижению большевиков и немцев на восток. Но где эти офицеры? Пусть они предложат свои услуги японцам. Неклюдов, повидимому, считает, что он и еще двое-трое русских, составивших в Париже совещательную комиссию, могут претендовать на то, чтобы с ними советовались.

Я спросил его, не думает ли он, что немцы построят трон для монарха, и захотят ли отделившиеся Финляндия, Прибалтика, Польша и Украина вновь стать частью Русской империи. Он не думает, что такая страна, как Россия, имеющая за собой пятивековую историю, могла бы быть расчленена надолго. Германии выгодно в настоящий момент поддерживать состояние хаоса в тех областях России, которые ею еще не отделены. Она не тянется к Дальнему Востоку. Она хочет проникнуть на Кавказ, в Персию, в центральную Азию, в Индию. Я посоветовал Неклюдову изложить свои взгляды и советы в виде меморандума, который я смог бы отправить в Лондон. Маклакова, который является адвокатом и кадетом, Неклюдов считает интересным, но лишенным практических идей.

21 марта. Поль Камбон не верит в возможность сильного наступления немцев на Западе, он считает, что ближайшими объектами Германии являются сейчас Кавказ, Персия, Афганистан, Индия, а также Месопотамия и Малая Азия, Алеппо и Палестина. В Туре, Перигё и других местах происходили

забастовки железнодорожных рабочих (не машинистов), но в настоящий момент они закончились.

22 марта. Боюсь, что боши дали нам новый Камбрэ.*

23 марта. По уверениям немцев, ими взято во время наступления против нас 200 орудий и 16 тысяч пленных. По здешним сведениям, мы держимся, но потери наши были велики. Против нас было выставлено 97 германских дивизий, по 15 тысяч каждая.

25 марта. Военное положение очень критично. Если мы не задержим немцев на Сомме, то они скоро окажутся в Амьене. Я очень угнетен.

26 марта. Положение в высшей степени серьезно, но французские подкрепления спешат на помощь. Быть-может, нынешний военный кризис принудит к тому, что так долго было предметом дискуссий и споров, а именно, — к единому командованию. Сегодня началась междусоюзническая конференция в Дулан.

27 марта. Положение на фронте несколько улучшилось, и здесь незаметно внешних признаков угнетения. Вчера я начинал думать, что мы вновь можем оказаться в Бордо. Жюль Камбон сегодня полон надежд.

28 марта. Мне передают, что во вторник во время Дуланской конференции происходило в помещении мэрии совещание Мильнера, Хэга, Вильсона и Плюмера, в результате которого Мильнер, при полном согласии Хэга, от имени правительства предоставил британские войска в распоряжение Фоша. После нескольких минут размышления Фош согласился. Клемансо заметил, что англичане вели себя превосходно и с большим достоинством.

Ходят слухи, что если немцы приблизятся к Парижу настолько, чтобы успешно бомбардировать его, то министерство иностранных дел, военное и морское будут переведены в Тур, а дипломатический корпус и прочие министерства в Бордо. В 1870 г. правительство и дипломатический корпус переехали в Тур, а затем в Бордо.

31 марта. Я видел Клемансо. Он уверен в успехе, но сегодняшний день критичен. Мы несомненно убили огромное количество немцев, но наша 5-я армия была фактически уни-

---

* Начало крупного германского наступления против пятой британской армии.

чтожена. Будем надеяться, что Фош в качестве генералиссимуса над англо-франко-американскими войсками сможет остановить германское наступление и спасти Амьен.

4 апреля. Вычислено, что с начала германского наступления 500 тысяч человек выехало из Парижа. Это хорошо, так как сейчас нет места для панической публики.

Адмирал Холл посетил меня сегодня, остановившись здесь на пути из Италии. Он считает, что война может окончиться в этом году и притом с успехом на море. Он не видит возможности возвратить Германии что-либо из отнятых у нее колоний, но нам придется дать ей свободу действий в России, поскольку она может там удержаться в течение некоторого времени. Однако, у нее будет немало хлопот с Лениным и Троцким.

5 апреля. Французы были потрясены нашим несчастьем, но признают, что оно вызвано непреодолимой силой натиска. Высказываются предположения, что британские войска, помимо плохого руководства, не имели также доверия к Го. Я думаю, что теперь, когда Фош стал фактически генералиссимусом, Версаль потеряет свое значение. О нем Клемансо говорит, je m'en fous.* Версаль привел к Фошу. Мы несколько отошли около Амьена, и Клемансо недоволен этим, так как Хэг клялся, что удержится. Со стороны американцев было близорукостью, что они не вступили в войну раньше, а со стороны президента Вильсона было более чем глупо, что он не содействовал японской интервенции. Какую часть русских удастся ему привлечь своей позицией по отношению к так называемому «русскому народу»? Такой вещи вообще не существует, перед нами не что иное, как агломерат различных рас, разбившийся на куски. Весь вопрос только в том, будут ли противники большевиков рады японскому предводительству, поддержанному Антантой и сопровождаемому заверениями в отсутствии аннексионистских намерений. Испробовать это стоит, но «быстрота является существенным условием контракта», как говорят юристы.

Публика, и в первую голову обеспеченные буржуазные элементы, покидают Париж. Множество магазинов закрылось, и повсюду господствует настроение тревоги; однако, военные круги, повидимому, уверены в том, что боши не достигнут Парижа.

---

* Мне наплевать на него.

Если происходящее сейчас сражение не решится в нашу пользу, то мы будем дальше от мира, чем когда-либо, а между тем я не предвижу нашего успеха. Если нам удастся задержать немцев у Амьена, Калэ и Парижа и убить значительное количество их, то мы выиграем время, в течение которого американцы смогут присоединиться, и все наши подкрепления будут переброшены во Францию.

11 апреля. Увы, нас гонят, повидимому, понемножку к линии Калэ. Армантьер пал. Когда мы окажемся в силах противостоять германскому натиску? Большое орудие возобновило сегодня бомбардировку Парижа: в промежуток времени от 3 час. 45 мин. до 4 час. 45 мин. было выпущено три снаряда, через 20 минут каждый, и четвертый был выпущен в 6 час. 30 мин., при чем этот последний выстрел казался самым близким.

12 апреля. Клоц говорит, что нам предстоит пережить три-четыре очень тревожных месяца, но что после этого мы одержим верх.

13 апреля. Вчера мы пережили бомбардировку. Вскоре после десяти часов произошел налет аэропланов. Оказалось несколько убитых и на Рю де-Риволи был подожжен дом.

Клемансо не удовлетворен положением на театре войны.

14 апреля. В 8 часов вечера раздался продолжительный ряд выстрелов, и я думал, что это означает конец налета, но в 11 час. 45 мин. раздался еще один выстрел, за которым последовало еще два.

Итак, наконец, у нас есть главнокомандующий союзническими армиями во Франции. Наше несчастье в значительной мере было вызвано ложным самолюбием, из-за которого мы отказывались передать командование над нашей армией представителю той страны, в которой война свирепствует свыше трех лет, и отказывались от французской помощи, когда она была необходима.

17 апреля. Сегодня утром я получил личную телеграмму от Бальфура, выдержанную в очень благородных выражениях и сообщающую, что моя миссия закончена, и что на мое место в качестве специального посла назначен Дерби. Я поблагодарил Бальфура и сказал, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь новому послу.

Лондон, 27 августа. Для того, чтобы обеспечить Францию от внезапных набегов прусского милитаризма в будущем, Западно-Рейнская область вместе с Эльзас-Лотарингией должна

стать буфером между Пруссией и Францией. Если мы одержим победу на самом деле, то весь пацифистский и социалистический вздор рассеется, как дым, особенно теперь, когда Америка распознала «подлинную природу» не только германских правителей и военных, германской аристократии, германской профессуры, культурной публики и коммерческих кругов, но также и большинства германского народа, в частности и в особенности населения северной Германии и Баварии.

30 августа. Я получил письмо из Парижа, в котором говорится: «Сообщения с фронта настолько благоприятны, что чувствуешь себя как бы во сне, и вы не можете себе представить, какое влияние имеет это не только на рынок, но и на ход дел вообще». Первоначальные мирные условия Вильсона почти совершенно стерлись. Прежде чем будет заключен мир, раздастся громко «Die Wacht am Rhein» в переводе по-французски, как символ французских стремлений.

Не так давно Жоффр говорил мне, что если бы немцы запросили перемирия, то одним из условий была бы оккупация союзниками Рейнских областей вплоть до левого берега реки.

8 сентября. Если союзники будут продолжать свое победное шествие, то общественное мнение во Франции перестанет удовлетворяться status quo с добавлением Эльзас-Лотарингии. Народ потребует мести, компенсации и безопасности Франции в будущем, а эти цели могут быть достигнуты прежде всего уничтожением германской военной машины и военного духа, оккупацией германской территории, восстановлением Бельгии, насколько только возможно, присоединением к ней Люксембурга, удалением Германии из западно-рейнских территорий. Что касается Италии, то вместе с победой будет расти ее аппетит по части австрийской территории. Общественное мнение стран Антанты будет требовать создания польского государства с выходом к морю и независимого от Германии, Австрии и России. Финляндию следует научить не оглядываться на Германию. Население наших колоний не отдаст немцам того, что было у них отвоевано, и ради нашей колониальной империи и ради нас самих мы должны позволить им поступить так, что бы ни говорили и ни думали Винстон Черчилль, Р. Сесиль и другие.

15 сентября. Некоторые стремления Франции и Италии не совпадают со стремлениями Англии, но Англия и ее правительство все же должны поддержать их, чтобы заручиться под-

держкой французского и итальянского правительств во время мирных переговоров. Я всегда говорил Асквиту, Грэю, Ллойд-Джорджу, говорил также Винстону Черчиллю, когда тот советовал сделку между южной Африкой и Германией путем возвращения Германии по крайней мере части восточной Африки, что наши доминионы не допустят такой сделки, и что ни Новая Зеландия, ни Австралия, ни Япония не согласятся отдать Германии то, что было отнято у нее в Тихом океане.

6 октября. Боши вскоре начнут скулить о мире. Я надеюсь, что наши министры будут тверды и останутся глухи до тех пор, пока с немцами не будет совершенно покончено. В Германии так же, как и в Австрии, будут беспорядки, а турки не смогут удержаться, если мы хорошо используем Болгарию, заняв ее черноморское побережье и прогнав турко-германо-русский флот при помощи подводных лодок и аэропланов. Я оставил бы их во владении Константинополем, как вольным портом, передав разоруженные проливы в управление европейской комиссии наподобие режима Суэцкого канала.

21 октября. Мне не нравится ответ президента Вильсона на германскую ноту о перемирии и мире. (81) Он заходит слишком далеко в поддержке гуннов, питая их уверенность, что мы и французы способны пойти на половинчатый мир. Год тому назад Дерби жаловался, что мы не заключаем мира с противником на так называемых «разумных условиях».

27 октября. «Обсервер» присоединяется к шуму и крику относительно всеобщих выборов в ближайшем будущем. Условия перемирия, выдвигаемые им, недостаточно строги, и он не требует возмещения Германией военных расходов. Он говорит только о возмещении за разрушенное и сожженное, а также о передаче лишь части германского флота и всех подводных лодок. Что касается будущего, то «Обсервер», повидимому, верит в изменение права германского леопарда. Он называет Брюссель или Женеву как место для мирного конгресса. Таким местом должен быть Версаль, где в 1871 г. был провозглашен германский император, и где ныне Германская империя должна быть расчленена. Германский народ заступался за германского императора и за германские жестокости, и так он будет поступать и в дальнейшем, если ему не выбьют все зубы и не обрежут все когти. Как бы то ни было, «Обсервер» это не британский избиратель и не британский народ. Мы еще посмотрим.

2 ноября. Итак, Асквит цепляется за старый лозунг о свободной торговле в истолковании его Вильсоном применительно к отношениям между государствами. Свободная торговля в том виде, как она применялась нами до войны, умерла окончательно. Военщина и юнкерье гуннов сознают, что если они хотят жить, то должны продолжать войну хотя бы для вида. Если они могут собраться с силами и удержать новую оборонительную линию в течение зимы, притом на территории Антанты, то они вновь предложат соглашение между равными. Но что произойдет тем временем внутри Германии? События идут теперь быстро, и восстания на территории прежней Австрийской империи могут распространиться на Германию. Если это произойдет, то короны, если не головы, начнут падать, как шишки. Если Фошу удастся вовлечь немцев в еще одно крупное сражение и выиграть его, то германский народ, думается мне, возопит о мире.

4 ноября. Верный способ предупредить соревнование в вооружениях после войны, о котором говорит Нортклиф, это лишить Германию денежных средств для новых вооружений, заставив ее платить за военные издержки, как за разрушение, за поджоги и жестокости, и используя германский труд для добычи угля из германских копей в пользу Франции и Бельгии, до тех пор пока угольные копи в этих странах не будут опять приведены в порядок. В Германии имеются государственные железные дороги, государственные леса, промышленные предприятия и угольные копи, которые можно использовать как залог при взимании подлинных контрибуций, местных, индивидуальных и национальных, за совершенное немцами зло. Сущий вздор воображать, что Антанта сможет в будущем пожать благодарность за то, о чем твердят, как о «справедливых условиях» и «умеренности». Предложение Нортклифа о передаче германским судам случаев, расследованных международными трибуналами и с первого же взгляда доказывающих зверство, жестокости и злодеяния, абсурдно. В девяти случаях из десяти германские суды выносили бы оправдательные приговоры и находили бы смягчающие обстоятельства, а наказания их были бы номинальны.

Итак, Австрия на самом деле вышла из игры. И я думаю, что союзники Антанты должны пройти в Германию через развалины бывшей империи. В Баварии поднимается тревога.

6 ноября. Ничто не может быть лучше, чем условия перемирия с австрийскими армиями, а теперь главное — это воспрепятствовать австрийским немцам, которые идут от Вены на юг Тироля, чтобы соединиться с Германией.

7 ноября. Мне не нравится принятие четырнадцати условий президента Вильсона с оговорками исключительно в вопросе о свободе морей, а также ограничение германской контрибуции требованиями возмещений только пострадавшему гражданскому населению. Это ограничение исключает оплату Германией военных расходов, сделанных Антантой.

Для германского образа мыслей (согласно которому все другие народы лишены способности рассуждать) характерно предложение, чтобы, в интересах человечности, прибытие германской делегации на союзнический фронт сопровождалось предварительным прекращением военных действий, дабы гунны могли продолжать без затруднений свой отход. Ближайшие несколько дней будут очень тревожны для людей, которые, подобно мне, настаивают на полном обескровлении немцев. Нам придется продолжать войну с Баварией, если она удержит Тироль под предлогом самообороны.

8 ноября. Действительно похоже на то, что боши приняли условия перемирия. Тем хуже, думается мне, так как я предпочел бы продолжение борьбы на некоторое время и захват германской территории, вместо оккупации согласно условиям перемирия. Германские делегаты на совещании о перемирии несомненно будут пытаться ставить вопрос о мирных условиях. Президент Вильсон должен был бы не ограничиваться одними протестами против мер, предусматриваемых германскими властями, именно против предписания, данного углепромышленным компаниям в Бельгии и требующего вывода всех людей и животных из копей, передачи немцам всего сырья, принадлежащего компаниям, и немедленного разрушения копей. О том, что произошло между парламентерами, искавшими перемирия, и Фошем, мы узнаем не раньше, чем в понедельник вечером.

10 ноября. Я получил достоверные сведения, что условия перемирия очень суровы и предусматривают оккупацию союзниками не только территорий до левого берега Рейна, но также сорокамильной полосы на правом берегу реки, в которую входят Вестфальские угольные копи и Дюссельдорф. Из того же источника я узнаю, что в числе условий мира будут следующие:

Гельголанд отнимается у Германии и разрушается Кильский канал, являющийся подлинной морской военной дорогой. Немедленно по выполнении условий перемирия должна состояться конференция держав Антанты в Версале.

20 ноября. Итак, морские офицеры бошей проливали слезы при передаче подводных лодок. Это крокодиловы слезы! Почему они не плакали, когда топили торговые суда, сознательно не оставляя в живых ни одного живого существа, чтобы таким образом замести следы разрушения? Где были их слезы, когда они стреляли по беззащитным экипажам на спасательных лодках, покинувшим свои тонущие корабли? Они ликовали тогда, и при всем том в нашей стране есть люди, которые призывают к мягкости по отношению к бедным немцам, действовавшим по приказу германского правительства.

26 ноября. Мне думается, что державам Антанты следовало бы сделать серьезное представление нидерландскому правительству с указанием, что предоставление убежища императору (все равно, отрекся он или нет) будет иметь серьезное влияние на дружественные отношения с Антантой, и потребовать от нидерландского правительства изгнания императора, его свиты и его сына, как нежелательных элементов.

2 декабря. Визит, сделанный мне Клемансо и продолжавшийся около получаса, произвел на меня прекрасное впечатление. Коротко говоря, наши взгляды во всем сходятся. Он высмеивает тех, кто представляет вопрос о суде над императором гуннов, как подлежащий обсуждению и решению международной комиссии ученых юристов. Он является преступником, которому голландцы дали убежище, и Антанта должна требовать его выдачи или изгнания. Клемансо высказывается за требование военных возмещений. Он не верит в неспособность Германии платить. Большевизм не укоренится ни во Франции, ни в Англии. Он говорит, что Англия должна получить Гельголанд. Он думает, что Вильсон найдет правильную линию, когда появится на конференции и провентилирует свои четырнадцать заповедей. Он за то, чтобы мы настаивали на нашем толковании наших прав на море во время войны: он указал американцам, что если бы не британская блокада Германии, то Антанта не смогла бы выиграть, и если бы не давление британского флота, то американские войска не смогли бы быть доставлены в Европу для участия в войне.

5 декабря. Находясь на борту «Джорджа Вашингтона», президент Вильсон заявил одному представителю американской печати, что едет в Европу для борьбы за свои четырнадцать пунктов, и что за столом мирных переговоров он будет настаивать на свободе морей и всеобщем разоружении, и что ни одна нация не должна иметь превосходства на море! Рузвельт дал хороший ответ на четырнадцать пунктов, сказав, что Америка не оказала столь крупных услуг, как руководящие державы Антанты, что британский флот и французские, британские и итальянские армии сделали главное в деле сокрушения Германии и тем самым в деле сохранения безопасности Соединенных Штатов; что Британская империя нуждается в крупнейшем флоте, на что Соединенные Штаты должны немедленно дать свое согласие; что германское истолкование свободы морей в корне неправильно, и что этой фразе не следует давать такого толкования, которое воспрепятствовало бы британскому флоту повторить те огромные услуги, которые он оказал во время войны; что англичане должны удержать в своих руках завоеванные ими колонии; что Америка должна настаивать на доктрине Монроэ и сохранить свое право закрывать Панамский канал перед неприятелем во время войны и что она не должна вмешиваться в европейские, азиатские или африканские дела.

6 декабря. Вчера меня посетил Поль Камбон. Относительно заявления Винстона Черчилля, что эксперты адмиралтейства не советуют занятия нами Гельголанда, и что вследствие этого вопрос не был включен в условия перемирия, Камбон вполне справедливо заметил, что немцы, повидимому, не считали этот остров бесполезным для себя в военно-морском отношении, так как истратили миллионы франков на его укрепление, и владение им дало возможность воспрепятствовать нападению наших кораблей на материк.

Камбон рассказал мне о деятельности Клемансо в качестве мэра Монмартра накануне Коммуны и во время правления коммунаров в 1871 г. Клемансо не имел отношения к расстрелу генерала Тома и другого генерала, которые прогуливались по Монмартру в штатской одежде во время попытки версальских войск завладеть крупными орудиями, увезенными коммунарами из укрепленного кольца вокруг Парижа на Монмартр, по их словам, с целью воспрепятствовать захвату этих орудий пруссаками. В то время, когда генерал Тома командовал частью войск,

сражавшихся против немцев, он выдвинул на передовую позицию монмартрские батальоны, как худший материал, с тем, чтобы иметь надежные войска в резерве. Батальоны коммунаров дрогнули, и по окончании сражения генерал Тома отдал приказ по этим войскам, носивший очень оскорбительный характер. Его узнали, несмотря на штатскую одежду, захватили вместе с другим генералом, предали суду и приговорили к расстрелу. Когда мэру Клемансо сказали о предстоящем, он поторопился вмешаться, но это оказалось слишком поздно — оба генерала были убиты. Клемансо был в то время депутатом и мэром и он тотчас же сложил с себя звание мэра. Правая часть Палаты и ее пресса настаивали на том, что Клемансо был причастен к убийству. Версальские войска, посланные для захвата орудий, действовали по всем правилам военного искусства. Командиры их составляли диспозиции атаки, но тем временем монмартрская чернь, состоявшая преимущественно из женщин, проникла в среду солдат и путем лести и заигрывания привела к братанию с ними. Это дало войскам коммунаров время окружить версальцев. Произошло небольшое сражение, и пушки не были захвачены. С этого момента коммунары стали проливать кровь. Они брали заложников, и, не получив от Тьера согласия на выдачу им некоторых коммунаров, в том числе Бланки, находившихся в руках версальского правительства, они расстреляли архиепископа парижского и других заложников, а затем стали жечь Тюльери и другие общественные здания. Коммунары бомбардировали версальские войска, как раз из тех самых крупных пушек на Монмартре. Тьер считал нетерпимым оставление в руках коммунаров средства для терроризирования Парижа и приказал сделать попытку отнять у них пушки. Ему следовало бы дождаться того времени, когда достаточное количество французских военнопленных вернулось из Германии. После прибытия этих пленных Париж был взят одним наскоком, и Коммуна была подавлена. Некоторые говорили, что Тьеру и правительству вместе с Палатами надлежало оставаться в Париже, а не удаляться в Версаль. Если бы они остались в Париже, то они оказались бы во власти Коммуны, так как надежные французские части находились на фронте или в плену.

7 декабря. «Таймс», иначе говоря, лорд Нортклиф, с полным основанием выступает против Ллойд-Джорджа в вопросе о Германии и военных издержках. Он возражает против доба-

вления слов «в пределах ее платежеспособности» к заявлению, что «Германия должна оплатить военные издержки», сделанному им в речи, произнесенной 29 ноября в Ньюкэстле. Далее, он возражает против заявлений Ллойд-Джорджа: «Мы образовали строгую комиссию для обсуждения вопроса о платежеспособности Германской империи». Германию нужно заставить работать на союзников до тех пор, пока она вместе с соучастниками ее преступлений не оплатит всех издержек войны. Французы принимают меры против отчуждения Германией своего достояния. В сообщении французской прессы устанавливается, что комиссия в Спа выработала условия выполнения финансовой части договора о перемирии, а именно, Германии воспрещается отчуждать, переуступать или закладывать железные дороги, рудники, леса и какие бы то ни было промышленные, торговые и колониальные предприятия, а также распоряжаться иностранными ценными бумагами и своим золотым запасом.

Публика с возрастающей настойчивостью требует, чтобы бошей заставили платить военные издержки. Вокруг этого вопроса будет итти борьба на предвыборных собраниях. Вопрос о суде над императором не подвергается уже больше обсуждению, необходимость суда признана всеми, и голландскому правительству придется уступить после демонстративного сопротивления и обсуждения вопроса с точки зрения международного права, что является по существу потерей времени.

8 декабря. Гарвин в «Обсервер» говорит о восстановлении России под покровительством Америки! Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.-е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в средней Азии и кавказскими княжествами.

12 декабря. Если бы президент Вильсон потребовал своего участия в мирной конференции, то он несомненно ожидал бы быть на ней председателем, а этого Клемансо не мог и не хотел бы уступить даже королю.

14 декабря. «Таймс» отмечает визит президента Вильсона, приветствуя его, как президента Соединенных Штатов, а не автора четырнадцати пунктов. Касаясь инсинуации, что наши цели на Востоке эгоистичны, газета отмечает, что они не более эгоистичны, чем доктрина Монроэ. Мы хотим действовать в нашей части мира так же, как Америка действует на своем полушарии. Говорят, будто наш маринизм так же плох, как германский милитаризм, но разве так думает хоть кто-нибудь в американской армии?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

1919 год.

2 января. Пишон говорил в Палате об исторических правах Франции в Сирии, Ливане и Палестине и сказал, что Великобритания несомненно с честью выполнит свои обязательства по отношению к Франции. Я предупредил Ллойд-Джорджа, что сколько бы ни были абсурдны требования Франции,— именно неверующее правительство, опирающееся на влияние французских римско-католических школ и священников, требует вследствие этого прав,— тем не менее ни одно французское правительство не осмелится поступать иначе, так как уверенность в этих правах живет во всех священниках и католиках Франции, а также среди политических деятелей, которые сами не являются католиками, но чутки к общественному настроению.

4 января. В своей речи, обращенной к итальянскому парламенту, президент Вильсон возвращается к своему старому идеалу дружбы всех народов в качестве исходного пункта, а не в качестве маловероятной возможности в будущем в результате Версальских мирных условий. Я продолжаю думать, что мы должны пойти в Берлин, и я надеюсь, что сами события могут толкнуть нас туда. Я уверен, что мы смогли бы найти достаточно добровольцев в армии и в стране для такого увеселительного похода.

15 января. Как могло правительство сделать такой неловкий шаг, как предложение допустить представителя террористического советского правительства в Париж для изложения советской точки зрения перед делегатами мирной конференции! Роберт Сесиль временно заведывал министерством иностранных

дел, когда предложение это было сделано Франции, Италии, Японии и Америке.

18 января. Фош блистателен! Если державы Антанты будут проводить его взгляды, то все будет хорошо. Французы считают, что германская граница слишком близка (с точки зрения безопасности Франции) к Парижу и по соглашению 1815 г. и по договору 1870 и 1871 гг. Франция хотела бы отбросить Германию с левого берега Рейна к самой голландской границе. Говорили, что если Франция захочет больше, чем Эльзас-Лотарингию, то мы ради этого не стали бы продолжать войну. Они не подумали об обратной стороне медали: о том, что Франция сделала для спасения Англии и своего собственного. Политики обычно очень невежественны и очень близоруки.

20 января. Я думаю, что Клемансо с успехом даст отпор попыткам пригласить в Париж советского делегата для изложения точки зрения большевиков, хотя президент Вильсон, повидимому, скорее сочувствует предложению Ллойд-Джорджа. Последний не имел бы такого триумфа на парламентских выборах, если бы публика знала его намерения касательно большевиков на Парижской конференции. Я не одобряю предложений Смутса о том, чтобы немцам предоставили сырье, дабы они могли продолжать свое производство. Я бы взял их крепко в руки и заставил работать для Антанты и под наблюдением Антанты. Не нравится мне также допущение Германии и России к переговорам, как только они обнаружат раскаяние. Германию следовало бы поставить вне закона. Я надеюсь, что предложение отдать под протекторат Соединенных Штатов Константинополь, Палестину и арабов от Красного моря до Персидского залива, будет отметено. Только благодаря нашей охране Персидского залива, по соглашению с шейхами, мировая торговля может пользоваться этим заливом. Мы несли там полицейскую службу почти сто лет. У нас есть также договоры с арабскими шейхами от Адена до Южной Аравии, согласно которым они отвергают представительство какого бы то ни было другого народа, кроме англичан, и обязуются не уступать никакой части своей территории какой-либо иной стране. Что намерены делать мудрецы на Парижской конференции? Неужели они нам предложат отказаться от наших прав, освященных договорами, соглашениями и подписанными конвенциями? Как абсурден и возмутителен заносчивый тон германского правительства, говорящего о своих

требованиях и намерениях, и указания на невозможность сделать поставки, которые они обязались сделать по договору о перемирии! Нам придется «итти на Берлин».

25 января. Парижская конференция обратилась ко всем борющимся в России группам (включая и Советское правительство) с предложением заключить перемирие и отправить своих делегатов на Принцевы острова для встречи и переговоров с делегатами держав Антанты и правительства Соединенных Штатов.

Мне кажется, что Клемансо счел целесообразным сделать уступку неопытности президента Вильсона и упорству Ллойд-Джорджа в ожидании, что если Советское правительство и примет приглашение, то оно не станет соблюдать условий этого приглашения. Это может оказаться очень опасным и дорого стоящим способом показать гг. Вильсону и Ллойд-Джорджу, что они были, по меньшей мере, очень глупы. То, что называется Россией, я считаю мертвым. Азиатские ханства отпадут, так же поступят те части китайского народа, которые были в той или иной форме аннектированы бывшей Российской империей.

27 января. Сегодняшние газеты сообщают о дебатах в американском сенате, во время которых сенаторы демократы, гг. Кинг из Утача и Майерс из Монтаны, а также республиканец Шерман критиковали президента Вильсона за его попытки убедить французских представителей отказаться от своего враждебного отношения к переговорам с большевиками. Единственная моя надежда в том, что американскую публику не удастся путем лести заставить поддерживать взгляды Вильсона. Принцевы острова обещают окончиться фиаско, так как ни одна русская партия не пожелает отправиться туда для встречи с большевиками. С другой стороны, условия, на которых Советское правительство, по имеющимся известиям, согласно принять приглашение, таковы, что конференция должна их отвергнуть, если у нее есть хоть какой-либо здравый рассудок.

30 января. Idée-fixe Вильсона — это Лига Наций, построенная по его плану. Он делает эту идею привлекательной для неразмышляющих американцев, лишая Японию возможности устройства морской и военной баз в Тихом океане, что в случае принятия его предложения явится, конечно, преимуществом для Соединенных Штатов. Согласие с его предложениями в той части, которая касается южных морей и Тихого океана, озна-

чало бы отдалить Австралазию от Англии. Уступать предложениям Вильсона относительно Камеруна и Того, — значит задевать Францию и наносить ущерб ее интересам, как и интересам Великобритании. С какой стати нам удовлетворяться получением мандата от какой-то неопределенной Лиги Наций, к тому же еще несозданной? Что касается Германской Восточной Африки, то принятие предложения Вильсона означало бы непростительную слабость. Система мандатов, подобно системе совместного владения, наверняка поведет к трениям и к краху. Совместное владычество Англии и Франции в Египте может служить тому примером. Соглашение с Францией в Новых Гебридах является постоянной причиной споров. Напомню также трения из-за Самоа. Я нигде не встречал предложения, чтобы Филиппины находились под суверенитетом Лиги Наций! Адмирал Майо и мистер Лансинг пропагандируют идею огромного американского военного флота и столь же огромного торгового флота с целью захвата мировой торговли. По мнению президента Вильсона, державы Антанты в своей торговой политике не должны делать различий между отдельными государствами и выделять Германию и ее союзников. Каждое государство должно быть свободно в установлении тарифа! Это положило бы конец торговым договорам между независимыми государствами, поскольку дело касается тарифных вопросов. Мы не смогли бы допускать к себе французские изделия по пониженным тарифным ставкам, по сравнению с германскими, а Франция не могла бы заключить с нами соглашение о допущении наших изделий на условиях более благоприятных сравнительно с другими странами. Какую опасность это представило бы для подлинного всеобщего мира!

Забастовки принимают здесь очень серьезный характер. Говорят, что правительство уверено в том, что в течение двух недель сможет овладеть положением. Глазго набит революционерами-иностранцами и большевистскими идеями.

5 февраля. Сольсбери посетил меня сегодня. Он говорит, что популярность американцев во Франции уменьшилась, ибо они явились, чтобы помочь французам, а не англичанам, а теперь они предпочитают англичан французам. Я заметил, что президент Вильсон вступил в войну ради спасения Америки. «Лузитания» не заставила его вступить в войну, хотя очень широкие круги американцев стыдились, что их страна не объявляет войны после преступления с «Лузитанией». Мысль президента

сводилась к тому, что если Франция и Англия будут побеждены и разбиты, то затем настанет очередь Америки, и тогда не окажется ни французской, ни британской армии и флота, чтобы притти на помощь Америке, порты которой подвергнутся бомбардировке, острова будут захвачены, а прибрежные города разрушены после поражения американского флота.

14 февраля. Клемансо блестяще поддерживает наши взгляды, отвергающие требование ограничить наш флот, и он это делает несмотря на то, что наши делегаты не оказали ему столь лойяльной поддержки, какая была бы желательна. Я с радостью вижу, что он настаивает на принятии мер, обеспечивающих безопасность Франции, требуя лишить Германию средств внезапного нападения на Францию. В этом вопросе французы, повидимому, единодушны.

15 февраля. Я прочел «Устав Лиги Мира». Повидимому, он подвергся значительному разжижению с тех пор, как Вильсон выступил со своим планом. В нем нет особых упоминаний о германских колониях, за исключением Юго-Западной Африки и «некоторых островов южной части Тихого океана». Механизм вмешательства в случаях острых разногласий между нациями, грозящих нарушением мира, представляется мне очень громоздким. Можно себе представить, какая грызня начнется, когда будут поставлены на обсуждение вопросы о территориальных поправках, необходимых для охраны Франции от внезапных нападений немцев. В добавление к Эльзас-Лотарингии, возвращаемой Франции, совершенно необходимы буферные государства между Францией и Германией.

18 февраля. Фош был блистателен! Обсуждая его доклад о невыполнении немцами условий перемирия, корреспонденты «Таймса» говорят: «нужно признать целесообразным, — и несомненно это было бы полезно с точки зрения окончательного мира, — ограничение территории, на которой Германия будет иметь возможность концентрировать свою армию. Такого рода мероприятие представляло бы неисчислимую ценность для французов, если бы оно не только сейчас, но и в мирное время удерживало германские войска в известном отдалении от Рейна. Французы получили бы тем самым одну из тех гарантий безопасности, которые они считают существенно необходимыми для успеха Лиги Наций». Из этого следует, что на левом берегу Рейна не должно быть германских войск, а следовательно,

и германской администрации. Дальнейший вывод из этого сводится к тому, что на левом берегу Рейна между этой рекой и Францией — в границах 1869 г. — будет буферное государство.

19 февраля. Меня ужасает покушение на жизнь Клемансо. В самом деле, что бы произошло на конференции, если бы он умер! Нет никого, кто смог бы его заменить.

20 февраля. Я так опасаюсь за Клемансо, которому приходится видеть так много людей и так возбуждаться из-за невозможности присутствовать на конференции и заниматься другими делами. Повидимому, Вильсона ждет в Америке далеко не единодушная встреча.

21 февраля. Клемансо — это чудо! Надо надеяться, что обнаружение полицией в Париже и других частях Франции большевистской деятельности поведет к изгнанию всех русских, которые не смогут представить доказательств своего хорошего поведения. Но почему нужно было ждать покушения на французского премьер-министра?

22 февраля. Идеи Вильсона переживают тяжелые дни в американском сенате. Американские делегаты в Париже, действующие согласно его инструкциям, возражают против англо-французского требования, чтобы Германия платила военные издержки и репарации. Я надеюсь, что мы воспротивимся такой диктовке.

23 февраля. Вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на территориальных условиях мира и на охране безопасности Франции и других государств, конференция болтает о Лиге Наций и, таким образом, теряет драгоценное время, результатом чего может явиться необходимость провести спешно и с бесконечными ошибками решение действительно важных вопросов.

26 февраля. Итак, укрепления Гельголанда подлежат уничтожению, Кильский канал лишается укреплений и открывается для всех судов. С Константинополем, Дарданеллами и Босфором происходит то же самое. Какое счастье! Но кто возьмет на себя охрану этих двух проливов и островов в Мраморном море, а также входов в Дарданеллы, которые британское правительство обещало России? Я оставил бы султана в Константинополе, чтобы удовлетворить тех, кто продолжает смотреть на него как на главу в отношении веры, но я поставил бы его под опеку.

1 марта. Сегодня днем меня посетил Ленсдаун. Он считает, что Ллойд-Джордж вел правильную политику последнее

время, хотя, конечно, он не разделяет его аграрной политики. Что касается президента Вильсона, то, как передают, в Соединенных Штатах замечается скрытое недовольство им. Он не опроверг сообщения о том, что он выставит свою кандидатуру в третий раз, — что явилось бы еще одним отклонением от принципов Вашингтона. ([82])

4 марта. В своей речи в Палате общин Винстон Черчилль сказал, что в час победы нужно иметь перед собою постоянно два правила. Первое: не требовать под влиянием успеха больше, чем позволяет справедливость и благоразумие. Второе: не распускать свою армию до того момента, как получены приемлемые условия. Второе правило было встречено рукоплесканиями, но мне понятно, что Палата встретила молчанием провозглашение первого правила, которое Винстон назвал основой политики британского правительства, а Ллойд-Джордж в своей вчерашней речи с таким же эффектом говорил о благоразумии в области территориальных исправлений. Я надеюсь, что мы выжмем немцев до последнего гроша и заставим их работать на нас так же, как они заставили бы нас в случае своей победы. В печати появился протест арабов и христиан против превращения Палестины в еврейское государство.

Наконец-то идеалисты на конференции пробуждаются к пониманию реальной ситуации и целесообразности отложить вопрос о Лиге Наций до того момента, когда будут установлены условия мира. Вильсон возвращается проученным из Америки, которая приняла участие в войне исключительно ради защиты справедливости! По прибытии в Америку он заявил, что за исключением немногих сенаторов-республиканцев он имеет за собою всю Америку в вопросе о его Лиге Наций, а между тем вопрос о Лиге был отложен с согласия его помощника, полковника Гауза, с тем, чтобы дать конференции возможность обратиться к выработке условий мира.

20 марта. Ограничение численности германских войск, вооружения и т. д., — все это превосходно, но кто будет наблюдать и контролировать действия немцев в этой области? Военные аташе не могли бы иметь веса, и им не подчинялись бы.

22 марта. Сегодня опубликован адресованный британскому правительству протест Ага-хана, эмира Али и других мусульман, против расчленения Турецкой империи и создания мандатных территорий в Малой Азии и выведения этих

автономных государств из-под духовного суверенитета султана. В частности они протестуют против превращения Палестины в еврейское государство. Я оставил бы султана в Константинополе под опекой и дал бы туркам хороший порт, например, Смирну, в качестве выхода к морю.

Согласно вчерашним сообщениям из Парижа, в результате совещания между Ллойд-Джорджем и Алленби было решено вернуться к американскому предложению об образовании междусоюзнической комиссии для изучения на местах не только сирийского и палестинского вопросов, но также вопроса о всей азиатской Турции. Таким образом, мандаты на азиатскую Турцию будут отложены на несколько месяцев. Сильным пунктом в протесте Ага-хана является указание на плохие последствия умаления власти турецкого султана для Афганистана, Индии и Средней Азии. Для Сирии, Аравии и Палестины это не имело бы большого значения.

25 марта. Большим камнем преткновения на пути к миру является то обстоятельство, что делегаты думают о своих национальных интересах, а многие среди них о своих партийных и личных интересах больше, чем о необходимости хорошего мира. Нужно молиться о том, чтобы положение в Венгрии заставило мистера Вильсона понять факты и необходимость немедленного мира независимо от его Лиги Наций. (83)

Грехэм пишет, что конференция, повидимому, увязла в грязи и что все то, что я говорил некоторое время тому назад о применяемых ею методах, оказалось верным. Он усматривает опасность в объединении русских большевиков с германскими спартаковцами и с анархистами центральной Европы, особенно Венгрии.

26 марта. В виду того, что взгляды Ллойд-Джорджа по польскому вопросу не встречают сочувствия у экспертов и французской публики и печати, он грозит перенести конференцию в нейтральную страну, что является с его стороны смешной претензией, так как у него нет власти сделать это. Чтобы Польша могла жить, она должна иметь доступ к Данцигу — притом в виде широкой территории, а не в виде права прохода или узкого коридора — и нельзя допустить, чтобы она смотрела на Россию, Германию или Пруссию как на своего рода покровительствующую державу. Она должна быть настоящим буферным государством, в союзе с другими государствами, которые

будут созданы из областей, отторгнутых от России, Австрии и Германии.

27 марта. Франклин Бульон недолюбливает Клемансо, но его замечания относительно Сирии и Палестины, границ Франции и Польши выражают французские чувства, и если Ллойд-Джордж не изменит своей позиции, не, откажется от своей линии, настаивающей только на праве прохода к Данцигу для Польши, и от мягкости по отношению к Германии за счет Франции, то дружеские и благодарные чувства по отношению к Англии сменятся горечью, неблагодарностью и враждебностью.

28 марта. Как недовольны французы ходом работ конференции и каким фиаско является устав Лиги Наций в его настоящей редакции! Мало вероятно, чтобы Америка в Европе согласилась безусловно поддерживать силой решения Лиги и сражаться за них; к тому же вооруженное вмешательство Америки с достаточными силами для поддержки Франции против Германии явилось бы слишком поздно, чтобы иметь реальный смысл.

Ллойд-Джордж очень упорен в вопросе о польском «коридоре» к Данцигу. В центральной и восточной Европе нации, религии и языки настолько переплетены, что с ними не следует считаться при определении границ, которые должны дать возможность легко обороняться против таких возможных завоевателей Польши, как Германия с одной стороны и Россия с другой. Польша должна иметь обеспеченный доступ к Данцигу, дабы Лига Наций, если она будет существовать, или защитники Польши могли достигнуть ее морским путем. Я не верю в возрождение России, даже в пределах, остающихся после территориальных урезок, предусматриваемых конференцией. Разве может такая смесь наций и религий возродиться в виде большого государства при республиканской форме правления? То, что останется от старой России в Европе, должно иметь право прохода к Балтийскому морю, незамерзающий порт на севере, право прохода к Черному морю, если Россия будет политически уничтожена на Черноморском побережьи, и, быть-может, право прохода через Персию к Персидскому заливу в целях торговли. Сибирь должна сама о себе заботиться и ориентироваться на Тихий океан.

2 апреля. Ллойд-Джордж дал интервью в печати, и если верно передается его позиция в отношении контрибуций и возмещения издержек войны, требуемых от Германии, она соз-

даст большое недовольство в нашей стране, а французами будет понята, как оставление их на произвол судьбы.

«Пертинакс» в «Пти Паризьен» предвидит опасность, что британское правительство может вернуться к политике, проводившейся под влиянием лорда Холдэна в период 1905 — 1914 гг. (84) «После четырех лет, пережитых нашей страной, она не может терпеть такой неуверенности. Она не может спокойно смотреть, как растет и все выше вздымается волна германского реванша. Всякий пункт, отвоеванный Германией благодаря британской политике, непосредственно превращался бы в прямую угрозу для Франции. Связь между обеими странами не могла бы сохраниться». Дух реванша будет существовать в Германии независимо от того, будем ли мы умеренны, как того хочет Ллойд-Джордж, или требовательны, какими мы должны быть. Мы имеем дело с народом, который не может быть укрощен мягкостью, и неужели ради попыток примирить немцев с их военным поражением мы должны отдалять от себя нашу союзницу Францию и создавать в ней дух недовольства нами и возобновлять веру в неизменность приписываемого нам характера «коварного Альбиона».

7 апреля. Падеревский удачно резюмировал споры вокруг Данцига, поставив вопрос: что лучше — включить ли в Польшу два миллиона немцев, или отдать 35 миллионов поляков под иго Германии, оставив Данциг и подступы к нему под германским суверенитетом и удушая таким образом Польшу.

10 апреля. Профессиональные дипломаты обнаружили мало дальновидности и наделали больших ошибок. Но что сказать о любителях, участвующих в переговорах, как Вильсон, Гауз, Ллойд-Джордж, Смутс и другие, с их так называемыми идеями самоопределения, Лиги Наций, умеренности требований к Германии! Они находятся под влиянием соображений внутренней политики, избирательных расчетов и личного честолюбия. Видано ли было когда-либо такие бессмыслицы, как идея Локкарта о контроле над русскими большевиками, как Принцевы острова, или какое-либо другое место для *переговоров* с этой сволочью, как миссия Смутса в Будапеште, (85) как Данциг и вопрос о том, кому им владеть и каким образом дать полякам выход к морю, как Фиуме, Италия, Юго-Славия; как Италия и Смирна и Адалия; как Палестина и евреи и арабы; как судьба Константинополя и султан в качестве калифа? Настроение во Франции станет скоро очень противобританским, если Ллойд-Джордж вместе с президентом

Вильсоном будут продолжать отказывать Франции в территориальных и финансовых гарантиях против враждебных намерений Германии в будущем и откажутся участвовать в оккупации Рейнской области, пока не будут получены гарантии выполнения Германией приемлемых условий мира.

В некоторых газетах ведется дискуссия по вопросу о том, кто завоевал победу и принудил Германию к сдаче, британский ли флот или союзнические армии. И тот и другой вместе сделали это. Говорили, что Трафальгар решил судьбу Наполеона; по этому поводу Клемансо сказал мне, что Трафальгар подготовил падение Наполеона, но закончило его Ватерлоо. Трафальгар без последовавшего за ним Ватерлоо не достиг бы этого результата.

14 апреля. Несмотря на вновь подтвержденное мнение экспертов, что Данциг должен отойти к Польше вместе с широким польским подступом к нему, конференция пренебрегла этим и добилась решения, согласно которому Данциг является свободным городом, находящимся в таможенном союзе с Польшей.

15 апреля. Дела в Индии и в Египте обещают мало хорошего. ([86]) Я полагаю, что нам удастся договориться с французами относительно Сирии и Ливана. За последнее время мало говорили о султане, Константинополе и проливах. Италия дуется, встречая оппозицию своему требованию на исключительное господство в Адриатическом море. Если мы получим мандат на Палестину, то сколько хлопот будем мы иметь с евреями.

19 апреля. Движения в Индии, Малой Азии и на Дальнем Востоке доказывают, что следовало оставить султана в Константинополе в качестве халифа, чтобы те мусульмане, которые считают его таковым, не могли протестовать против христианского предложения о передаче контроля над проливами христианской державе.

21 апреля. Если Германия подпишет мир в том виде, какой имеет сейчас проект договора, то этим будут посеяны семена ряда новых войн. И все это из-за того, что президент слишком спешил со своей Лигой Наций в начале, а потом настаивал на принятии того, что осталось после ряда операций и ампутаций. Если мы решительно используем военные и морские репрессии против гуннов, то они отступят, подпишут что угодно и станут трактовать предварительный мир как «клочок бумаги», лишь только явится благоприятная возможность для этого. По-

этому нам следовало бы совместно с французами и бельгийцами занять Рейнскую область и заставить немцев платить издержки по оккупации и оказывать на них финансовое давление не только для получения репараций, но и для возмещения ими военных расходов. Я думаю, что Италия получит Фиуме, но что, вместе с тем, этот город будет превращен в вольный порт с доступом к нему Юго-Славии и других народов к северу и востоку от него.

6 июня. Ллойд-Джордж добивался упразднения воинской повинности во Франции. Если бы воинская повинность была уничтожена, то Франция не могла бы собрать армию, достаточно сильную для обороны страны, так как средний француз совершенно лишен того духа предприимчивости и авантюризма, который имеется у среднего англичанина. Население Франции падает, и всякий француз может найти себе работу, вследствие этого он предпочитает умеренную уверенность авантюре. Мечта обыкновенного француза это — стать государственным чиновником. Упразднение воинской повинности во Франции означало бы упразднение армии, в то время как в Англии оставалась бы добровольческая армия оплачиваемых солдат в добавление к крупному флоту.

22 июня. Наши моряки прозевали потопление почти всего германского флота. ([87]) Что скажут теперь в защиту немецкой честности те, кто в нее верят? Если, что не невероятно, потопление было предписано берлинскими властями, или последние знали о нем, то союзники должны были бы отказаться от перемирия и начать продвижение вглубь Германии, независимо от того, готово ли германское правительство подписать мир или нет. Потопление корабля это — уголовное преступление, к тому же, когда это преступление совершалось, корабли уже не являлись собственностью германского правительства. Следовало бы предать суду германского адмирала и его штаб.

23 июня. Мы, англичане, не целиком ответственны за те условия перемирия, которые дали возможность германскому экипажу находиться вне наблюдения британцев и поступать как ему было угодно с германскими кораблями.

1 июля. Клемансо произнес, повидимому, блестящую речь в Палате. Два больших военных человека было в эту войну — Жоффр и Фош, а большим и патриотическим государственным деятелем, без всяких задних мыслей касательно голосов на выборах, является Клемансо.

2 июля. Мирный договор мог быть хуже, но ему следовало бы быть лучше. Он мало регулирует вопросы, не касающиеся Германии. Договоры о помощи заключены между Америкой и Францией, а также между Англией и Францией. Они имеют в виду помощь Франции против невызванного ею нападения, однако, если наша помощь будет зависеть от участия в ней Америки, то это портит все дело: Америка может терять много драгоценного времени, прежде чем станет действовать, к тому же Америка далека, и мы сами подвергнемся опасности, если будем медлить в момент кризиса. Италия дуется и добивается выполнения своих крайних требований.

К числу крупных недостатков следует отнести Данциг, непредоставление Франции обороноспособной границы 1814 г., то, что Бельгия не получила обоих берегов Шельды, что Австрии и Венгрии не обеспечен выход к Адриатическому морю, что греков натравили на Смирну, а также колебания относительно Константинополя, проливов и султана, вместе с предположением закупорить турок, лишив их порта в Средиземном море. В сущности грек такой же большой разбойник, как и турок.

4 июля. Вчера я первый раз заседал в Палате лордов. Многие из лордов спали во время речи Керзона, некоторые называли его речь превосходной, я лично сказал бы, что она является весьма ясным заявлением. Принц Уэльский и Стемфордгэм сказали мне, что они слышали речь Ллойд-Джорджа в Палате общин. Я читал отчет в «Таймсе», это была большая и умелая речь, убедительная и красноречивая. Он несомненно оказал стране большие услуги.

17 июля. Я отправился на Альберт Гэт и видел Камбона которому я передал поздравление по случаю большого успеха церемоний в Париже 14 июля. Я рассматриваю их как выражение радости по поводу прекращения войны на французских границах, но не по поводу перспективы длительного мира. Камбон пригласил меня посмотреть на процессию мира из здания посольства. Говорят, что какой-то остроумный француз сказал: «Мирный договор носит в себе все зародыши справедливой и длительной войны».

19 июля. Процессия войск представляла собою прекрасное зрелище. Мне никогда не удалось бы добраться до здания французского посольства, если бы не мой специальный пропуск.

Прием, оказанный американским войскам, не отличался таким энтузиазмом, какой выпал на долю бельгийцев, сербов и итальянцев. Фошу была устроена грандиознейшая овация, и он был, повидимому, бесконечно рад. По степени горячности, с которой толпа встречала отдельных крупных полководцев, я распределил бы их в следующем порядке: на первом месте Фош, на втором — Битти,* на третьем Хэг. Битти был предоставлен выбор между автомобилем, ландо и верховыми лошадьми для него и его адмиралов. Он отказался от автомобиля и ландо, что же касается верховых лошадей, то он сказал, что они не подходят для моряков, и хотя он лично умеет ездить верхом, но многие адмиралы чувствовали бы себя неловко в седле, поэтому он решил итти пешком вместе с остальными адмиралами. Нашим морякам устроили превосходную встречу, равно как кавалерии, пехоте и всем колониальным войскам. Французские войска были встречены грандиозным ликованием, а наши танки, очень умело проезжавшие по улицам, вызвали всеобщий интерес. Японский отряд был хорошо принят. Шерсть всех наших лошадей блестела, как атлас. В общем процессия представляла превосходное зрелище, и я рад, что видел ее.

---

* Главнокомандующий британского флота.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Австрийская нота Сербии. 28 июня 1914 г. в Сараево (главный город Боснии) были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена. Убийцей оказался сербский студент Принцып, и после четырехнедельного расследования дела австро-венгерское правительство обратилось к сербскому правительству с ультимативной нотой 23 июля. Считая, что убийство эрцгерцога было подготовлено в Белграде т.-н. великосербским кругом, стремившимся к расширению Сербии путем присоединения Боснии, австрийское правительство потребовало от Сербии: 1) принятия и опубликования предписанного ей заявления, в котором бы сербское правительство решительно осуждало всякую великосербскую пропаганду, угрожая виновным в такой пропаганде тягчайшими карами, 2) роспуска националистической сербской организации «Народна Одбрана», 3) допущения австро-венгерских властей к розыску виновных и замешанных в убийстве на территории Сербии и к участию в подавлении всякой деятельности, направленной против Австро-Венгерской монархии и ее территориальной целости. — Никаких переговоров по вопросам, поднятым в ноте, австрийское правительство не допускало, требуя ответа «да» или «нет» в течение 48 часов.

2. Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией. С 1878 г. по постановлению Берлинского Конгресса названные части Сербии, получившей «независимость» из рук победителей Турции, были оккупированы и находились под управлением Австрии. В октябре 1908 г. Австрия объявляет Боснию и Герцеговину присоединенными к территории Австро-Венгерской империи и, пользуясь уступчивостью слабого революционного (младо-турецкого) правительства Турции, добивается (18 января 1909 г.) признания аннексии Турцией. Протест Сербии остался гласом вопиющего в пустыне, ибо державы будущей Антанты (Англия, Франция и Россия) не пожелали в данный момент драться с Австрией и поддерживавшей ее Германией. Начав с формальных протестов против нарушения Австрией постановлений Берлинского Конгресса, державы кончили тем, что сами предложили Сербии подписать акт отречения, что ею было выполнено 31 марта 1909 г. Престиж России при этом сильно пострадал, так как она оказалась в числе государств, уговаривавших Сербию пойти на капитуляцию.

3. Германский ультиматум России. В ответ на объявление Австрией войны Сербии (28 июля) Россия приступила к частичной мобилизации

(в Одесском, Киевском и Московском военных округах). 31 июля в России опубликован приказ о всеобщей мобилизации. Германия объявляет о положении «грозящей военной опасности» и требует от России отмены в течение 24 часов всех военных приготовлений и уведомления об этом Германии. Ответа на этот ультиматум не последовало, и 1 августа Германия объявила всеобщую мобилизацию и состояние войны с Россией.

4. *Жан Жорес*, вождь французской социалистической партии, был убит 31 июля 1914 г. роялистом Раулем Виллепол, видевшим в нем опаснейшего «врага войны». Характерно, что убийцу судили только в марте 1919 г., в момент наибольшего «патриотического угара» (после победы!) и... оправдали. Трудно сказать, как бы в дальнейшем Жорес реагировал на возникновение войны. Позиция Жореса по отношению к империалистическим войнам, союзам империалистических государств и к буржуазному пацифизму полна противоречий. С одной стороны, Жорес беспощадно разоблачал империалистические замыслы буржуазии, в том числе и французской. С другой стороны — он же утверждал, что «взглядам пролетариев-социалистов и интернационалистов нисколько не противоречит самое активное участие в народной организации национальной обороны», что «тройственное согласие Франции, Англии и России само по себе не означает угрозы миру». Характерны для Жореса также надежды, которые он возлагал на международный арбитраж.

5. *«Хорошее поведение» французских социалистов по отношению к войне*, за которое лорд Берти хвалит их не раз на протяжении всего своего дневника, является одной частью общей картины предательства вождей II Интернационала.

В течение ряда лет французская социалистическая партия проповедывала, что на войну пролетариат должен ответить всеобщей международной стачкой. Но когда в 1914 г. война разразилась, вожди французской социалистической партии высказались за «оборону отечества», за классовое сотрудничество, за «гражданский мир» пролетариата с буржуазией, который вскоре был скреплен вступлением виднейших социалистических лидеров в буржуазное правительство (Самба, Гэд, октябрь 1916 г., кабинет Бриана). В этом сошлись оба крыла французского социализма — жорэсизм и гэдизм (марксистское направление), между которыми, впрочем, и до начала войны различие все более стиралось.

6. *Позиция Англии накануне и в начале войны и разногласия в английском кабинете.* Позиция Англии в начале войны была очень неопределенной. Франция твердо рассчитывала на вмешательство Англии, и именно это обстоятельство придало ей решимость поддерживать Россию в австро-сербском конфликте. С другой стороны, Германия, довольно долго рассчитывала, что Англия останется нейтральной. В английском правительстве единственными сторонниками н е м е д л е н н о г о вмешательства в войну были Асквит и Грей, особенно последний. Поэтому он, не имея на то полномочий от правительства, сообщил французскому послу, что, если германский флот нападет на Францию, британский флот выступит в ее защиту.

Нарушение Германией бельгийского нейтралитета (см. прим. 7), создавшее реальную угрозу самой Англии, дало Грею повод объявить Гер-

мании войну, и все разногласия в английском правительстве были ликвидированы.

7. Нарушение нейтралитета Бельгии. 30 июля 1914 г. Грей обратился к французскому и германскому правительствам с требованием соблюдать бельгийский нейтралитет. Французское правительство обещало, германское же отказалось дать определенный ответ. 2 августа германские войска оккупировали Люксембург (нейтралитет которого также был гарантирован великими державами). В тот же день бельгийскому правительству была предъявлена германская нота с требованием пропустить германские войска через бельгийскую территорию. Бельгия ответила отказом, и германские войска перешли бельгийскую границу. 3 августа Германии был предъявлен ультиматум с требованием очищения бельгийской территории. В ночь с 4 на 5-е августа Англия объявила Германии войну.

8. Германия и Дания в XIX веке. В тексте речь идет о войнах Пруссии и Австрии с Данией из-за герцогств Шлезвига и Гольштинии. В обоих герцогствах имелось значительное немецкое население. Присоединение Шлезвига к Датскому королевству в 1848 г. вызвало восстание этих провинций, поддержанное войсками Пруссии, Австрии и других немецких государств. В результате соглашения 1852 г. обе провинции остаются под владычеством Дании. Однако, в 1864 г. Пруссия и Австрия вновь начинают войну против Дании, быстро выигрывают ее, Пруссия получает Шлезвиг, Австрия — Гольштинию.

9. Захват Японией Киао-Чао. Киао-Чао — область на берегу Желтого моря, захваченная в 1898 г. Германией у Китая (под видом аренды). В самом начале войны (16 августа) Япония потребовала от Германии выдачи этой области и удаления всех германских судов из китайских и японских вод. Не получив никакого ответа, Япония объявила Германии войну и приступила к осаде города и гавани Цзин-Дао. Осада длилась до 9 ноября, когда город был занят японцами.

10. Победа русских на австрийском фронте. Имеется в виду русское наступление в Галицию, приведшее 7 сентября к занятию гор. Львова.

11. Гомруль и ирландская политика Англии в начале войны. К началу мировой войны ирландское национальное движение уже разделялось на умеренных националистов, возглавляемых Редмондом, готовых удовольствоваться самоуправлением (Home Rule), обещанным английским правительством, и на шинфейнеров (Sinn Fein, древне-ирландское слово, означающее «мы сами»), требовавших отделения и полной независимости всей Ирландии, включая северную часть ее — Ульстер. Проживавшие в Ульстере английские лэнд-лорды и капиталисты не довольствовались парламентской оппозицией консерваторов проектам гомруля, но организовали отряды для вооруженной борьбы с ирландскими националистами. В ответ на это ирландцы также вооружились, и накануне войны Ирландия представляла собою два вооруженных лагеря.

Когда началась война, закон о самоуправлении был подписан королем, но не был введен в действие. Редмонд удовлетворился этой чисто бумажной «уступкой» и стал энергично вербовать ирландских добровольцев в английскую армию. Но уже в сентябре 1914 г. политика Редмонда встретила отпор в рядах ирландских волонтеров. Меньшинство волонте-

ров организовалось под руководством Мак-Нила и, постепенно откалывая от волонтеров Редмонда все большие части, положило начало подготовки к вооруженному восстанию против Англии, разразившемуся в 1916 г. О нем см. прим. 43 и 44.

12. Лондонская декларация 1909 г. и блокада Германии Англией. Лондонская декларация 1909 г. явилась результатом работ созванной по инициативе Англии международной конференции. Наиболее существенным пунктом этой декларации является разделение военной контрабанды на безусловную и условную. К первой относятся предметы вооружения, ко второй продовольствие и прочие предметы гражданского потребления. Таким образом, по смыслу декларации, англичане не имели права захватывать предметы продовольствия, если они направлялись в нейтральные порты. Между тем, весь смысл блокады заключался для Англии в том, чтобы взять Германию измором, а для этого необходимо было лишить Германию возможности снабжаться через нейтральные страны. Поэтому, согласившись в начале войны соблюдать «в принципе» лондонскую декларацию, английское правительство тотчас же принялось «разъяснять» ее отдельными «распоряжениями королевского совета» так, что вскоре от декларации ничего не осталось, а место ее заняла хорошо сорганизованная машина по контролю над всей морской торговлей нейтральных государств. Всякое нейтральное судно обязано было являться на английскую контрольную станцию, подвергалось тщательному обыску и осмотру документов, и, в случае доказанности предназначения груза для Германии, он задерживался. Решения английского призового суда нередко приводили к спорам и осложнениям между Англией и нейтральными странами Европы. Этим обстоятельством, впрочем, англичане смущались очень мало. С нейтральной «мелочью», как Дания, Норвегия и т. д., можно было не церемониться. Сложнее обстоял вопрос об отношениях с Соед. Штатами, по торговле которых английская блокада ударяла с немалой силой. Трения на этой почве с Соед. Штатами окончательно были ликвидированы в сущности только к моменту, когда сами Соед. Штаты выступили против Германии.

13. «Экономист» — либеральный английский экономический еженедельник.

14. Италия, Тройственный союз и Антанта. С 1882 г. Италия состояла в союзных отношениях с Германией и Австрией. Однако, еще задолго до войны 1914 г. постоянно существовавшие серьезные противоречия между итальянским и австрийским империализмом, главным образом, на почве стремления обоих государств к господству на Адриатическом море получили перевес над итальянско-французским антагонизмом в отношении колоний. С другой стороны, наметившееся в начале XX века англо-французское сближение настолько увеличивало и без того подавляющее господство Англии в Средиземном море, что итальянским империалистам и думать не приходилось о возможности бороться против Англии. Вместе с тем, Италия была недостаточно сильна, чтобы пойти на открытый разрыв с Германией. Соотношение сил складывалось в пользу нейтралитета Италии. Такую позицию Италия и заняла в начале войны. При этом она сумела в полной мере использовать также свою формальную принадлеж-

ность к Тройственному союзу, фактически распавшемуся в июле 1914 г., постоянно подчеркивая перед Антантой, что, выступив на ее стороне, она нарушит обязательства к своим союзникам («моральность»!), что для этого необходим серьезный повод («удобный случай»!) и серьезная гарантия помощи со стороны Антанты («легкость»!), а также солидная доля в будущей общей добыче. Такова была позиция, занятая С.-Джулиано, тогдашним итальянским министром иностранных дел. О дальнейшем торге Италии с центральными державами и с Антантой см. ниже прим. 26.

15. Польша. В начале мировой войны самостоятельного польского государства не существовало. Польская республика еще в XVIII веке (1772, 1792, 1795 гг.) была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Во время войны державы обеих коалиций поочередно пытаются привлечь симпатии поляков обещаниями той или иной формы «автономии», а когда дела шли плохо, то и «независимости». В момент, когда лорд Берти считал уже необходимым говорить о независимости Польши (разумеется, как всегда, имея в виду также и ослабление России), русское правительство успело еще только в весьма неопределенной форме пообещать полякам Царства Польского и завоеванных областей самоуправление — воззвания вел. кн. Николая Николаевича от 15 и 16 августа 1914 г.

16. Румыния и Бессарабия. В 1856 г. по Парижскому миру, закончившему проигранную Россией крымскую войну, Россия лишилась Бессарабии, которая вошла в состав образованного в 1859 г. княжества Румыния. В 1878 г. Бессарабия возвращается России, по Сан-Стефанскому миру, в обмен на завоеванную у Турции Добруджу. Разногласия между союзниками и Россией по вопросу о привлечении Румынии на сторону Антанты касались не только «цены»: для России польза от участия Румынии в войне вообще была сомнительна, главным образом, вследствие того, что присоединение Румынии увеличивало и без того огромное протяжение русского фронта.

17. Выступление Турции. Начало германского влияния в Турции и ориентация Турции на Германию восходит к концу XIX века. После революции 1908 г. внешняя ориентация Турции не изменилась, а вскоре после балканской войны, в которой Англия оказала поддержку Греции и другим балканским государствам, расчленявшим Турцию, и сама еще более укрепилась на Кипре и в Египте, враждебность Турции к Англии еще усилилась. Для реорганизации турецкой армии в 1913 г. были приглашены германские инструкторы. Наконец, отпало последнее обстоятельство, которое могло бы удерживать Турцию в английском фарватере, именно резкий антагонизм между Англией и Россией на Ближнем Востоке (см. прим. 19).

Когда началась война, Турция все же медлила выступить против Англии, Англия же, в свою очередь, не хотела дать повода считать ее нападающей стороной, опасаясь возбудить панисламистское движение в своих колониях. События были форсированы германским правительством, направившим 28 октября 1914 г. в Черное море свои крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые еще в начале августа были впущены Турцией в Дарданеллы. 29 — 30 октября турецко-германская эскадра минирует Севастопольский порт, топит транспортное судно и бомбардирует Одессу, Феодо-

сию и Новороссийск. 31 октября Россия объявляет Турции войну, а 3 ноября британский флот уже бомбардирует дарданелльские форты.

18. Англия, арабский халифат и военные операции в Аравии. Еще в начале XX века Англия умела использовать натянутые отношения между арабами и турками. За исключением Геджаса и Иемена, где Турки держали свои гарнизоны, Турция уже после младо-турецкого переворота (1908 г.) фактически не имела никакого влияния в Аравии, и там укрепилось английское влияние. После заключения в 1914 г. соглашения Англии с Ибн-Саудом, султаном Неджда, по которому последний обязался не нападать на страны, находящиеся под протекторатом Англии, и не входить в соглашение с другими державами, Англия старается привлечь на свою сторону шерифа Мекки, эмира Геджаса — Хуссейна. После длительных переговоров (с июня 1915 г. по май 1916 г.), Хуссейн летом 1916 г. окончательно переходит на сторону Англии и выступает против Турции. 13 июня 1916 г. войска шерифа Хуссейна берут Мекку, а к концу 1916 г. очищают от турок Геджас. Выступление против турок Ассира и Иемена и взятие Акабы и Адена наносят окончательное поражение турецким войскам, оперировавшим в Аравии.

19. Россия, Константинополь и проливы. Позиция держав Антанты. В XIX веке стремления русского империализма проникнуть в Средиземное море наталкивались на объединенный отпор западных держав, в первую очередь Англии. Целым рядом международных трактатов (последний из них — постановления Берлинского конгресса 1878 г.) за турецким султаном признавалось право закрывать проливы для прохода иностранных военных судов в мирное время. В XX веке Англия, упорно работавшая над созданием противогерманской коалиции и стремившаяся к вовлечению в эту коалицию России, идет на ряд уступок России. В 1908 г. Англия обещает изменить режим проливов в желательном для России смысле, т.-е. так, чтобы русские военные суда имели свободный проход в Средиземное море в мирное время. Лорд Берти не согласен даже на эту уступку. Между тем, со вступлением Турции в войну, открылась перспектива захвата Константинополя. Вопрос о том, кто будет им владеть, стал на очередь в момент начала дарданелльской экспедиции, и Россия не замедлила предъявить свои претензии в меморандуме, переданном 4 марта 1915 г. французскому и английскому послам в Петрограде. 20 марта того же года французское и английское правительства подписали секретное соглашение с Россией, гарантировавшее последней в числе прочих приобретений в Турции также Константинополь.

20. Попытки Америки посредничать между воюющими. Брайан занимал пост секретаря гос. департамента (мин. ин. дел) Соед. Штатов Америки и в своих попытках посредничества проводил политику президента Вильсона, претендовавшего на роль примирителя в самые первые дни войны.

21. Подводная блокада Англии Германией. 4 февраля 1915 г. германское правительство объявило воды, омывающие Великобританию и Англию, военной зоной, в которой все неприятельские торговые суда будут топиться, при чем безопасность не гарантировалась также и нейтральным судам. Декларация эта вызвала резкий протест со стороны Соед. Штатов, в резуль-

тате чего последовало со стороны Германии обещание щадить нейтральные суда, при чем нейтральность судна определяется не одним лишь флагом, а всей совокупностью обстоятельств. Февраль 1915 г. можно считать началом подводной войны в широких размерах. (О дальнейшем развитии подводной войны см. прим. 25.) Подводную войну Германия противопоставила английской морской блокаде (см. прим. 12). Однако, подводная война не могла достигнуть того эффекта, которого достигала блокада (взять противника измором). — Ягов — германский министр иностранных дел в начале войны. В отставку вышел в ноябре 1916 г.

22. *Лондонская конференция социалистов Антанты* состоялась 14 февраля 1915 г. На конференции были представлены социалисты Англии (Независимая рабочая партия и Рабочая партия) Франции, Бельгии и России (меньшевики и эс-эры; представитель большевиков ограничился подачей декларации, объясняющей, почему большевики не будут участвовать в этой конференции). В порядке дня конференции стояло три вопроса: 1) права малых наций (Польша, Бельгия, Сербия); 2) колонии, 3) гарантии мира. Иначе говоря, собравшиеся социал-патриоты прямо перешли к обсуждению условий будущего мира, даже не поставив вопроса об отношении пролетариата к империалистической войне и молчаливо признав, что она, во всяком случае, должна быть доведена до победного конца, т.-е. до разгрома Германии. Участие в конференции «интернационалистов» из Независимой рабочей партии (Макдональд, Кейр-Гарди и др.) показало всю цену их интернационализма. Буржуазия убедилась, что они стоят на той же почве, что и вожди Рабочей партии, трэд-юнионов и пр. («сначала победа, а потом справедливый мир»). В этом было главное значение этой конференции для буржуазии, и напрасно лорд Берти беспокоился, что Самба скомпрометировал себя, участвуя в ней.

23. *Пацифизм в Англии.* В начале войны пацифистские течения были очень сильны не только среди английского пролетариата, но и среди значительной части английской буржуазии. Часть либералов, во главе с известным теоретиком пацифизма Норманом Энджелем, стояла на той точке зрения, что война «невыгодна», так как она подрывает английскую торговлю; очень многие были противниками войны по религиозным соображениям («квакеры»), наконец, часть рабочей партии, вернее, громадное большинство Независимой рабочей партии, во главе с Рамзеем Макдональдом, занимало определенную социал-пацифистскую позицию: социалисты-де против *всякой* войны, так как война означает гибель миллионов людей, разрушение культуры и т. д., и т. д. Нередки были случаи индивидуальных отказов итти на военную службу под предлогом религиозных или социалистических убеждений. Правительство беспощадно расправлялось с такими уклонявшимися, ко всему же пацифистскому движению в целом оно относилось без особых опасений, прекрасно понимая всю его слабость и внутреннюю противоречивость. После того как Независимая рабочая партия приняла участие в Лондонской конференции союзных социалистов, в глазах широких масс окончательно стерлась разница между социал-пацифистами и откровенными социал-патриотами.

24. *Полковник Гауз* — друг и ближайший советник президента Вильсона. В начале войны он, не занимая никакого официального поста,

объезжал всю Европу в качестве личного представителя президента. Его заявления считались не менее, а скорее более авторитетными, чем официальные выступления государственного департамента Соед. Штатов. После вступления Америки в войну он был назначен представителем Соед. Штатов на междусоюзнической конференции в Париже в ноябре 1917 г., а затем в Верховном военном совете в Версале. Наконец, он участвовал в выработке условий перемирия и мира.

25. *«Лузитания»,* английский пассажирский пароход, шедший из Нью-Йорка, 7 мая 1915 г. был потоплен германской подводной лодкой у ирландских берегов, при чем погибло 1500 человек, среди которых было свыше 100 американских граждан. Потопление «Лузитании» было лишь эпизодом в борьбе Германии за прорыв английской блокады. Германское военное командование все время настаивало на том, что сломить блокаду можно только «беспощадной подводной войной», т. е. потоплением всех не только военных, но и пассажирских и товарных судов, даже нейтральных, идущих в Англию. Однако, германское правительство долго колебалось, боясь, чтобы Соед. Штаты не вступили в войну на стороне Антанты. Не принимая никакого определенного решения, немцы в течение долгого времени топили пассажирские суда от случая к случаю, а потом оправдывались перед Соед. Штатами. С другой стороны, Антанта использовала каждый такой случай для проведения широчайшей кампании за вступление Соед. Штатов в войну. Однако, Вильсон не только не сделал из факта потопления «Лузитании» тех выводов, которых от него ожидали в Англии и Франции, но ограничился протестом, в котором выражал уверенность, что потопление произошло без ведома правительства, и что в дальнейшем такие факты больше не повторятся. Германский ответ был довольно двусмысленным. 19 августа был потоплен почтовый пароход «Арабик», опять-таки без предупреждения. На новый протест Вильсона последовало обещание Германии воздержаться от потоплений торговых судов, и от «беспощадной подводной войны» было решено отказаться. Вопрос этот был поднят вновь уже в 1916 г., началась же эта война уже в начале 1917 г., что и послужило формальным поводом к разрыву между Соед. Штатами и Германией.

26. *Торг Италии с центральными державами и с Антантой. Вступление Италии в войну.* Вступлению Италии в войну на стороне держав Антанты предшествовали длительные переговоры, сперва с центральными державами, затем с Антантой. В первом случае речь шла о цене итальянского нейтралитета, большего центральные державы не требовали. Сменивший С.-Джулиано (ум. в окт. 1914 г.) на посту мин. ин. дел Соннино предъявил Австрии ряд «минимальных требований». Австрия (в марте 1915 г.) после долгих оттяжек согласилась отдать Трентино, но, несмотря на давление Германии, отказывалась уступить территории на балканском побережьи Адриатического моря (г. Триест, Истрию, Далмацию и т. д.). После этого Соннино начал переговоры с Антантой. Результаты этих переговоров были зафиксированы в секретном лондонском договоре 26 апр. 1915 г. По договору Италии были обещаны: Трентино, Истрия (без Фиуме), далматское побережье и острова (населенные преимущественно хорватами), приобретения в Малой Азии, компенсации в Африке,

в случае расширения африканских колониальных владений прочих держав Антанты. Стремясь заполучить помощь Италии, Антанта надавала обещаний не только за счет Австрии и Турции, но и в ущерб претензиям Сербии и Греции (в Адриатике). Условия «секретного» лондонского договора (полностью обнародованного лишь в 1917 г. Советским правительством) не остались секретными и во время войны и обострили до крайности отношения между Италией, с одной стороны, и Сербией и Грецией, с другой. Заручившись этими обещаниями, Италия 3 мая объявляет о своем выходе из Тройственного союза, 23 мая объявляет войну Австрии. Однако, итальянские империалисты стремятся как можно меньше связывать себя и поэтому всячески оттягивают присоединение к соглашению держав Антанты о незаключении сепаратного мира (подписано Италией лишь 30 ноября 1915 г.) и объявление войны Германии (последовавшее лишь 27 августа 1916 г.).

Джолитти, бывший премьером до войны (ушел 10 марта 1914 г.), сторонник нейтралитета, сделал попытку свергнуть кабинет Саландры парламентским путем накануне выступления Италии. 13 мая Саландра, не имевший прочного большинства в палате, вышел в отставку. Но уже через неделю настроение палаты изменилось под влиянием шовинистических демонстраций, и 20 мая Саландра вернулся к власти. — Кн. Бюлов, германский посол в Риме, ведя переговоры о сохранении Италией нейтралитета, поддерживал постоянные сношения с Джолитти.

27. *Россия и Румыния в 1877 г.* Во время русско-турецкой войны 1877 г. Румыния воевала на стороне России и участвовала в осаде Плевны. По мирному договору Румыния не получила никакой «награды»: Добруджа перешла к ней взамен возвращаемой России Бессарабии (см. прим. 16).

28. *Забастовка углекопов в Уэльсе.* В 1915 г. федерация горняков Южного Уэльса, при заключении нового коллективного договора с шахтовладельцами, выговорила себе право выступать от имени всех рабочих, занятых в угольной промышленности независимо от того, являются ли они членами федерации или нет. В дальнейшем федерация потребовала одинаковой оплаты рабочих во всех шахтах. Вследствие предательства союза кочегаров, машинистов и работающих на поверхности земли, заключивших сепаратное соглашение с шахтовладельцами, требования федерации были отвергнуты. В ответ вспыхнула стачка, длившаяся неделю и принесшая убытку в 15 милл. руб. Требования углекопов частично были удовлетворены.

29. *Дарданелльская кампания.* Со вступлением Турции в войну (ноябрь 1914 г.), связь держав с Россией через проливы оказалась прерванной. 3 ноября 1914 г. английские суда производят разведочную бомбардировку дарданелльских фортов. 2 января 1915 г. Россия просит британское правительство произвести диверсию в Дарданеллах, чтобы облегчить положение русских в Армении. За то время, что экспедиция в Дарданеллы обсуждалась и подготовлялась в Лондоне, положение в Армении изменилось в пользу России. Тем не менее, мысль об экспедиции не была оставлена, так как для Англии дело шло отнюдь не столько о помощи русским и о восстановлении связи с Россией, сколько о перенесении войны на Балканы, с целью отвлечения германских сил с западного фронта и охраны

своих ближневосточных владений от нападения со стороны Турции. Кампания началась действиями англо-французской эскадры, обстрелявшей форты, была поддержана затем сухопутными силами, высадившимися на полуострове Галлиполи, и, по прошествии почти года, окончилась полной неудачей союзников: 8 января 1916 г. полуостров Галлиполи был очищен союзниками.

30. Поездка Эппльтона, О'Греди и др. во Францию. Во время войны во всех воюющих странах рабочие организации, ставшие на сторону «обороны отечества», не только терпелись, но даже произошло своеобразное «огосударствление» профессиональных союзов, рабочих партий и т. п. организаций. Вожди этих организаций не только по собственному разумению оказывали услуги «своему» правительству и «своей» буржуазии, но очень часто им давались вполне определенные задания от различных ведомств. Обычным явлением были своеобразные «дипломатические» миссии рабочих лидеров в союзные страны. В данном случае Эппльтон (секретарь Конгресса трэд-юнионов), О'Греди и Круннон (представители отдельных союзов) приехали во Францию, с целью выяснить настроение французских рабочих и убедить их отложить всякую внутреннюю политику до «полной победы». Соответствующее поручение они несомненно получили от британского министерства иностранных дел, о чем свидетельствует и рекомендация лорда Сесиля и широкое содействие, какое им оказывал лорд Берти.

31. Дело Кайо-Кальметт. Кайо, неоднократно занимавший пост французского министра финансов, выступает в 1913 г. инициатором и энергичным защитником закона о подоходном налоге. Против него была начата ожесточенная кампания, во главе которой стал журналист Кальметт, редактор крайне реакционной газеты «Фигаро», который не остановился перед опубликованием интимных писем Кайо к его жене, написанных еще до брака. Жена Кайо, доведенная до отчаяния этой травлей, стреляла в Кальметта и убила его. Кайо должен был выйти в отставку. Суд над женой Кайо происходил накануне войны. Она была оправдана. Во время войны в связи с так называемым «германофильством» Кайо (см. прим. 40) вновь вспомнили об этом деле, и крайние националисты стали пользоваться против Кайо теми же сплетнями, которыми оперировал Кальметт.

32. Антанта и Греция. С 1913 г. Греция состояла в оборонительном союзе с Сербией против Болгарии. Поскольку в 1914 г. Сербия воевала не против Болгарии, а против Австрии, Греция объявила союзный договор неприменимым и сохраняла нейтралитет, тем более, что несмотря на союзные отношения с Сербией, Греция нацеливалась на некоторые сербские владения, которые и рассчитывала получить по окончании войны из рук центральных держав в случае их победы. В свою очередь, центральные державы не требовали участия Греции в войне, довольствуясь ее нейтралитетом.

Между тем, для Франции и Англии, стремившихся распространить войну на Балканах, необходимо было вывести Грецию из состояния нейтралитета. Союзническая дипломатия рассчитывала добиться этого следующим способом: 1) возбудить у греческого правительства такие аппетиты, которые могли бы быть удовлетворены лишь в войне против Турции,

именно посулить территориальные приобретения в Малой Азии и даже Константинополь (хотя он и был еще раньше обещан России!), 2) застраховать Грецию от «болгарской опасности», отдав Болгарии коечто из греческих владений (Драма, Кавала), 3) склонить Сербию на «добровольную» отдачу Греции того, что Греция рассчитывала получить за нейтралитет от центральных держав. Проводником этой политики в Греции явился Венизелос, бывший греческим премьером в начале войны. Однако, ему не удалось сперва сломить стремления Константина сохранить нейтралитет. В марте 1915 г. Венизелос вышел в отставку. Антанта ответила на это занятием греческих островов и угрозой уничтожить греческую морскую торговлю. Новые выборы в палату (август 1915 г.) вновь приводят к власти Венизелоса. 22 сентября союзники производят первый десант в Салониках, несмотря на протест Константина, при чем Венизелос заверяет союзников, что протест этот чисто бумажный. Конфликт между премьером и королем обострился настолько, что Венизелос вновь должен был уйти в отставку, после чего союзники решают «заговорить с Грецией энергично». В дальнейшем, события, связанные с десантом в Салониках, еще больше осложняются разногласиями в среде самих союзников. (См. прим. 38.)

33. Вступление Болгарии в войну. Противосоюзническая ориентация Болгарии была предопределена решениями Бухарестского мирного договора, подписанного 10 августа 1913 г. и закончившего так называемую вторую балканскую войну Болгарии против Сербии и Греции, ведшуюся за раздел территорий, отнятых этими державами в совместной войне против Турции в 1912—1913 гг. Во второй балканской войне Болгария потерпела поражение, и львиная доля отвоеванных у Турции территорий досталась Греции и Сербии с Черногорией, тогда как Болгария, понесшая наибольшие потери в войне, получила лишь незначительное приращение территории и вынуждена была сверх того отдать Румынии Добруджу. За спиной Сербии и Греции стояли державы Антанты, подготовлявшие себе союзников для будущей войны против Австрии и Турции. Болгария все же выступила не сразу, а сохраняла нейтралитет в продолжение более, чем одного года, в течение которого вела одновременно торг с центральными державами и с Антантой. Решающую роль в выступлении Болгарии сыграла уверенность руководящих кругов ее во главе с королем Фердинандом в победе центральных держав, основанная на положении, создавшемся во вторую половину 1915 г.: поражение России в Галиции и неудача дарданелльской экспедиции союзников. 12 октября 1915 г. Болгария объявила войну Сербии.

34. Принудительная военная служба в Англии. До войны в Англии не существовало обязательной воинской повинности. Осенью 1915 г. после образования коалиционного правительства был сделан первый шаг к введению принудительной воинской повинности, а именно был проведен закон о принудительной регистрации всех мужчин от 16 до 65 лет. К концу 1915 г. сделалась совершенно очевидной необходимость усилить кадры английской армии в связи с неблагоприятным положением на фронтах. Однако, была сделана еще попытка обойтись без принуждения. Лорду Дерби было поручено руководство комплектованием армии добровольцами.

К ноябрю выяснилось, что требуемого количества добровольцев не набрать. 21 декабря 1915 г. правительство в принципе согласилось на введение принудительной военной службы.

В начале 1916 г. в парламенте был принят законопроект об обязательной воинской повинности для холостяков и бездетных вдовцов в возрасте от 18 до 40 лет. Законопроект не распространялся на Ирландию, кроме того, исключались священники, лица, работающие на оборону, кормильцы семьи и, наконец, «противники войны по убеждению». После долгих колебаний правительство, наконец, решилось провести действительно *всеобщую* воинскую повинность (3 мая 1916 г.)

35. Отставка Вивиани и кабинет Бриана. В начале 1915 г., когда выяснился затяжной характер войны, Сенат и Палата депутатов потребовали предоставления им более широкого участия в политическом и военном контроле и руководстве. Был выделен ряд комиссий. Палата депутатов стала требовать от военного министра Мильерана объяснений стратегического характера, на что тот не соглашался. В виду этих расхождений, 29 октября Вивиани подал в отставку. Новое министерство было составлено Брианом (он же мин. ин. дел). Военным министром был назначен ген. Галлиени. Партийным составом новый кабинет мало отличался от предыдущего. Социалист Самба и Гэд остались в кабинете Бриана.

36. Англия и Турция в 1878 г. Обеспокоенные успехами русских войск, разгромивших турецкую армию и подходивших к Константинополю, Англия и Франция, опасаясь захвата Россией Дарданелл и проливов и усиления русского влияния в М. Азии, выступают в защиту Турции. После Берлинского конгресса (1878 г.) Англия заключает с Турцией дружественный договор, согласно которому Англия обязалась препятствовать дальнейшему разделу Турции и выступать в случае какого-либо осложнения на Ближнем Востоке в ее защиту.

37. Английские интересы в Сирии и Палестине. Договор Сайкс-Пико. 13 марта 1916 г. Англия и Франция тайно заключают между собой соглашение (так называемый «договор Сайкс-Пико»), по которому все земли, населенные арабами, в том числе Сирия и Палестина, были разделены на пять зон. Месопотамия и южный берег Сирии отходили Англии. Большая часть Анатолии, Ливан и часть прибрежной полосы Сирии предоставлялись Франции. Кроме этих двух зон, предоставленных согласно договора в прямое распоряжение Англии и Франции, следовали так называемые «сферы влияния». Договор Сайкс-Пико лег в основу последующих соглашений о судьбе Сирии и Палестины. Постановлением сессии Верховного совета в Сан-Ремо (25/I 1920 г.) мандат на Сирию был передан Франции, а мандат на Месопотамию и Палестину — Англии.

38. Салоники. История союзнической экспедиции в Салоники ярко иллюстрирует отношение Антанты к нейтральным государствам, а также трения между кабинетами, с одной стороны, и верховным командованием, с другой. Задуманная первоначально в небольшом масштабе высадка английских войск для оказания помощи сербской армии разрослась затем в широкий план кампании на Балканах. Высадка в Салониках была произведена в октябре 1915 г. Значение этой экспедиции для союзников возросло

вследствие выступления Болгарии на стороне центральных держав. В то время как союзники подвозили в Салоники все новые войска, Греция продолжала упорствовать в сохранении нейтралитета, что не помешало союзникам ввести в этой нейтральной стране настоящий режим военной оккупации (см. прим. 32 и 48). Распределение союзнических сил между Дарданеллами и Салониками являлось источником постоянных трений между Англией и Францией. Салоники были по преимуществу французским, а Дарданеллы английским предприятием. С другой стороны, высшее командование обеих стран очень неохотно отдавало силы на обе экспедиции, опасаясь ослабить западный фронт.

39. Кайо во время войны. Во время войны Кайо оставался депутатом и занимал пост казначея армии. Кайо считался очень влиятельным и был близок к правительству, благодаря своей дружбе с бессменным мин. вн. дел Мальви. В то же время было известно, что Кайо не был сторонником войны до полного разгрома Германии. Он считал, что интересы Франции и Англии сталкиваются гораздо больше, чем интересы Германии и Франции, поэтому он стремился к скорейшему заключению «справедливого» (для обеих сторон) мира. Вследствие этого Кайо скоро сделался средоточием всех сторонников мира. Во время своих заграничных поездок он также сталкивался с немцами и с агентами германского правительства, которые старались использовать его для агитации в пользу мира во Франции. Его друг Боло-паша был арестован и уличен в том, что он получал значительные суммы из Германии для подкупа французской печати. По аналогичному обвинению был арестован другой его друг Альмерейдо. Все громче раздавались голоса, что сам Кайо изменник и что его надо судить наравне с его «сообщниками».

Наконец, когда Клемансо встал во главе правительства, Кайо были предъявлены определенные обвинения. В декабре 1917 г. Кайо был лишен депутатской неприкосновенности, а в январе 1918 г. арестован. Однако, судили его лишь в 1920 г. и признали виновным в «сношении с неприятелем». Он был приговорен к трем годам тюремного заключения, лишен права жить в столице на 5 лет и лишен гражданских прав на 10 лет.

40. Значение занятия Эрзерума. Взятие Эрзерума русскими войсками 16 февраля 1916 г. явилось тяжким ударом для Турции, так как при этом была окончательно разгромлена третья турецкая армия. Завладев Сарыкамышем и Эрзерумом, русские войска смогли затем широко развернуть операции как в районе Вана-Трапезунда, так и в Западной Персии в районе Урмии и Испагани.

41. Взятие форта Кут-Эль-Амара. Форт Кут-Эль-Амара, важнейший стратегический пункт в Месопотамии. Здесь 28 апреля 1916 г. англичанам было нанесено турками тяжкое поражение, повлекшее за собой сдачу Кут-Эль-Амары и пленение отряда генерала Тауншенда. Лишь год спустя, англичане смогли, оправившись от этого поражения, возобновить наступление на Месопотамию, и только в сентябре 1918 г. Месопотамия, очищенная от турок, переходит в руки англичан.

42. О шерифе Хуссейне см. прим. 18.

43. Ирландское восстание 24 апреля 1916 г. В 1916 г. национальное освободительное движение охватило все части ирландского населения.

Революционные организации: «ирландские волонтеры» (вербовавшиеся преимущественно из рядов сельских батраков и фермеров), «гражданская армия» (пролетарская организация), шинфейнеры (преимущественно интеллигентская организация) энергично готовились к вооруженной борьбе против англичан. Завязывались связи с ирландцами в Соед. Штатах для получения денег и оружия и с Германией. Несмотря на то, что некоторые вожди движения пытались задержать или даже отменить восстание, оно все же разгорелось 24 апреля 1916 г. Восстание началось в Дублине, где повстанцы продержались неделю и были вынуждены сдаться лишь после прибытия значительных подкреплений из Англии. В остальной Ирландии происходили отдельные вспышки, быстро подавленные после разгрома Дублина. Генерал Максвел, командовавший английскими войсками, потребовал от повстанцев сдачи без условий и зверски расправился с руководителями восстания. Большинство из них было расстреляно без всякого суда, других судили военным судом и приговаривали либо к расстрелу, либо к пожизненному заключению.

44. Роджер Кэзмент — видный участник освободительного движения в Ирландии. Незадолго до восстания Кэзмент отправился в Германию с целью добиться от германского правительства отправки оружия и военного снаряжения в Ирландию, а также освобождения военно-пленных ирландцев для усиления кадров повстанцев. Миссия его была не слишком удачна: вербовка волонтеров подвигалась туго, и Кэзмент разочаровался в реальной помощи германского правительства. Тем не менее, в Ирландию было отправлено германское судно «А» с грузом оружия и с экипажем из ирландских добровольцев. Сделано это было без ведома Кэзмента. Случайно английское правительство узнало об этом, и у самых берегов Ирландии судно встретило британский крейсер и взорвалось на воздух, чтобы не сдаваться. В то же самое время Кэзмент вернулся в Ирландию, где ему удалось уговорить Мак-Нила издать приказ об отмене восстания, в виду невозможности получить реальную помощь от Германии. Накануне восстания Кэзмент был арестован. Суд над ним откладывался, с одной стороны, из-за той кампании против его казни, которая была поднята преимущественно в Соед. Штатах, а отчасти и в самой Англии; с другой стороны, из суда над Кэзментом хотели создать показательный процесс, с целью продемонстрировать связь ирландских националистов с Германией. Суд состоялся в августе. Кэзмент был приговорен к смертной казни за «измену отечеству». 3 августа 1916 г. Кэзмент был повешен.

45. Ютландский морской бой в ночь с 31 мая на 1 июня 1916 г., где встретились главные силы английского флота с главными силами немецкого флота. Несмотря на численное превосходство, англичанам не удалось разбить немецкий флот, и последний успел укрыться в свою базу. Обе стороны понесли громадные потери. Стратегически сражение, не давшее решительного результата, не сказалось на последующем ходе войны на море.

46. Визит Альбера Тома в Россию. Летом 1916 г. Альбер Тома приезжал в Россию. Недостаток снарядов в русской армии сильно беспокоил союзников. Союзные послы постоянно следили за производством военных припасов и за снабжением русской армии, но когда положение

становилось особено катастрофическим, приезжал какой-нибудь «ревизор» из Англии или Франции. В данном случае Тома и явился таким ревизором. Немудрено, что русские министры и особенно двор были очень неприятно поражены этим визитом. Помимо того, что перед Тома пришлось скрыть «глупости и взяточничество», обидным казалось и то, что «какой-то социалист нас смеет учить», а поскольку он является ответственным министром союзной страны, приходится покорно выслушивать его указания. Зато «демократические» круги русского общества и Государственной думы, и кадеты в особенности, были в восторге и всячески чествовали «министра-социалиста».

47. Изгнание турок из Мекки см. прим. 18.

48. Сдача Кавалы. После отставки антантофила Венизелоса (см. прим. 32) Греция, несмотря на все происки Антанты, упорствовала в сохранении нейтралитета, даже после вступления Болгарии в войну на стороне центральных держав. Когда в мае 1916 г. болгарские войска вступили на греческую территорию, им не было оказано сопротивления, а в августе того же года греческие гарнизоны по приказу из Афин сдали болгарам города Сересс, Кавалу и Демиргисар. Венизелос (вернее, Антанта) ответил на это «революцией» в оккупированных союзниками Салониках, где было образовано временное правительство, распространившее свою власть на острова и объявившее войну Болгарии. В 1917 г., после свержения русского самодержавия, не допускавшего крутых мер против короля Константина из боязни поколебать «монархический принцип», у союзнических «демократий» были развязаны руки, и при помощи вооруженного вмешательства они свергли Константина, отправили его в Швейцарию и установили в Афинах власть Венизелоса, вскоре разорвавшего дипломатические сношения с Германией и Австрией.

49. Выступление Румынии. На выступление Румынии Антанта возлагала большие надежды и сильно нуждалась в нем, так как к осени 1916 г. Германия не только успешно сопротивлялась франко-британскому наступлению на Сомме, но и оказывала значительную поддержку Австрии против неожиданного и сильного июльского наступления армий Брусилова. Антанте пришлось поэтому заплатить Румынии (конечно, обещаниями и, разумеется, за чужой счет) довольно высокую цену.

По секретному договору, заключенному Румынией с державами Антанты в начале августа 1916 г., Румынии была обещана вся Трансильвания, широкая полоса собственно Венгрии, Буковина и Банат, т. е. все, чего Румыния добивалась, за исключением Бессарабии, которую союзники очень бы охотно отдали (см. прим. 17 и 27), на что, однако, не соглашалась Россия. 27 августа Румыния объявила войну.

50. Провозглашение Германией независимости королевства Польского. Антанта, выступившая с начала войны в благородной роли «освободительницы малых наций», все время пыталась истолковать манифест вел. кн. Николая Николаевича (см. прим. 15) как объявление независимости Польши, чему содержание самого манифеста и все поведение русских властей в Польше самым явным образом противоречило. Германское правительство, со своей стороны, никогда не могло сравняться с Антантой по части демагогии. Только осенью 1916 г., когда вся русская Польша была в руках

немцев и когда Германия страшно нуждалась в солдатах, центральные державы стали обсуждать вопрос о провозглашении автономии или независимости Польши. Однако, между Германией и Австрией сразу же обнаружились глубокие расхождения в этом вопросе. Германия первоначально предложила объявить независимое королевство Польское в составе русской Польши, всей Галиции и той части Познани, где польское население превышает 65%. Австрия не согласилась на это. Австрийский проект сводился к объединению Галиции и русской Польши в единое королевство, которое вошло бы на правах третьего члена в Австро-Венгерскую империю. После того, как и этот проект был отвергнут, германский райхсканцлер провозгласил независимое Польское королевство на территории бывшей русской Польши, оккупированной германскими войсками. Разумеется, это решение не удовлетворило польскую буржуазию, которая уже мечтала о «великой Польше», и вызвало страшное возмущение царского правительства, ослабив, таким образом, шансы Германии на заключение сепаратного мира с Россией. Союзники же и тут сумели сыграть в благородство, объявив в коллективной ноте о признании независимости Польши. Царское правительство к этой ноте не присоединилось.

51. Россия и сепаратный мир. Намерение союзников послать в Россию кого-либо из виднейших деятелей Антанты показывает, до какой степени дошли к этому времени опасения, что Россия заключит сепаратный мир с Германией. До сих пор трудно сказать, как далеко зашло русское правительство и двор в переговорах с Германией, но слухи о таких переговорах к концу 1916 г. были настолько распространены, что лидер кадетов Милюков, выступавший в данном случае от имени думского большинства и вдохновляемый английским послом Бьюкененом, смог бросить предс. Сов. мин. Штюрмеру обвинение в измене. Даже последовавшая за этим отставка Штюрмера, видимо, не избавила правительства Антанты от их опасений.

52. Падение кабинета Асквита и кабинет Ллойд-Джорджа. Либеральный кабинет Асквита был преобразован 19 мая 1915 г. в коалицию консерваторов, либералов и рабочей партии. Для руководства войной был выделен военный комитет. Осень 1916 г. принесла державам Антанты ряд разочарований: на западном фронте наступление на Сомме приостановилось, на востоке — полный разгром Румынии. В консервативной печати вновь усилились требования более энергичного ведения войны и обвинения против Асквита. Замысел консерваторов был выполнен руками либерала Ллойд-Джорджа, министра военных снабжений в кабинете Асквита. 1 декабря 1916 г. в письме к Асквиту Ллойд-Джордж предложил передать ведение войны совершенно независимому от остального кабинета военному комитету в составе четырех лиц, тут же поименованных: Ллойд-Джордж, сэр Эдвард Карсон (консерватор), Бонар Лоу (консерватор) и один член Рабочей партии. После того как Асквит отказался принять такой план, Ллойд-Джордж подал в отставку, вслед за ним ушел в отставку и Асквит. Новый кабинет был составлен Ллойд-Джорджем, согласно плану, предложенному им в письме к Асквиту.

53. Германское мирное предложение. К концу 1916 г. положение на фронтах сводилось в общем к следующему: на западном фронте союзники

отбили германскую атаку на Верден, но возможность вытеснить германцев из Франции и Бельгии представлялась более чем сомнительной самим союзникам. На восточных фронтах основным фактом являлся разгром Румынии, вследствие чего центральные державы сочли момент удобным для того, чтобы выступить с предложением мира.

12 декабря Германия обратилась с нотой к президенту Вильсону и к папе римскому. Нота эта говорила о несокрушимости германского и австрийского фронтов, о вероятности дальнейших успехов центральных держав, об отсутствии у них желания доводить войну до полного разгрома противников и готовности начать переговоры о мире. Никаких конкретных условий Германия не предлагала. На эту ноту, переданную Вильсоном Антанте, последняя ответила 29 декабря резким отказом «принять предложение, лишенное искренности и содержания». Ни та ни другая империалистическая коалиция не соглашалась еще признать себя побежденной.

54. Запрос Вильсона. Почти одновременно с германской мирной нотой (см. прим. 53) выступил президент Вильсон с запросом к воюющим сторонам о конкретных целях, преследуемых ими, и по достижении коих они согласны были бы прекратить войну. В лагере Антанты много говорилось в связи с этим выступлением о том, что Вильсон-де льет воду на мельницу немцев. На деле запрос Вильсона являлся просто дипломатической вылазкой с целью найти повод для вмешательства в войну.

Германия уклонилась от ответа на вопрос Вильсона, заявив, что наилучшим способом обсуждения вопросов о целях войны она считает непосредственные переговоры между воюющими. Антанта, не желая уклоняться целиком от ответа и вынужденная хотя бы слегка приподнять завесу над своими (грабительскими) планами, долго медлила с ответом и лишь 10 января сообщила о своих «целях войны»: 1) восстановление Бельгии, Сербии и Черногории с уплатой возмещений, 2) эвакуация занятых территорий Франции, России и Румынии с возмещениями, 3) возврат областей, отторгнутых у держав Антанты центральными державами в прошлом, 4) освобождение населения, «находящегося под кровавым игом турок», и изгнание последних из Европы.

55. Генерал Лиман фон-Сандерс — глава германской военной миссии в Турции, приглашенный Турцией в 1913 г. для реорганизации турецкой армии и флота. Во время войны 1914—1918 гг. руководил военными операциями на кавказском фронте.

Активный проводник немецкой политики в Турции, имевший большое влияние на ЦК младо-турок, стоявших в то время у власти и ориентировавшихся на Германию.

56. Ответ на германскую ноту и на запрос Вильсона, см. прим. 53 и 54.

57. Доктрина Монроэ. В 1825 г. в послании к Конгрессу президент Соед. Штатов Д. Монроэ выставил положение, что Соед. Штаты не должны вмешиваться в неамериканские дела и не должны допускать вмешательство Европы в дела Америки. Слова лорда Берти: «Позвольте нам иметь свою собственную доктрину Монроэ» являются протестом против вмешательства Вильсона в политику европейских держав.

58. Отставка Бриана и министерство Рибо. Трения между правительством и Палатой, требовавшей более подробной информации о военном

положении, послужившие в конце 1915 г. поводом к отставке Вивиани, продолжались во все время министерства Бриана. Бриан так же мало, как и его предшественник, был склонен устраивать секретные заседания Палаты. Отношения между Палатой и правительством особенно обострились во время наступления немцев на Верден зимой 1916 г. Но суть дела заключалась в том, что Палата депутатов являлась, с одной стороны, очагом всяческих партийных и личных интриг, с другой стороны — резонатором общего подавленного настроения в стране, для которого на рубеже 1916 и 1917 гг. было достаточно причин: внутренняя разруха хозяйства и транспорта, тяжелое положение на восточном фронте после разгрома Румынии. Бриан вышел в отставку 17 марта. С точки зрения основного вопроса,— «война до конца» или «соглашение», — речь могла итти только о выборе между правительством, еще более диктаторским, нежели правительство Бриана, и правительством, способным на крутой поворот во внешней политике. Такой поворот замышлялся и подготовлялся Кайо (см. прим. 39). Поскольку этот замысел не удался, дело шло к военной диктатуре, и более радикальный и «парламентский» кабинет Рибо, равно как и сменивший его кабинет Пенлеве (см. прим. 66), явились лишь отсрочкой установления диктатуры Клемансо (см. прим. 72).

59. Русско-Германский договор 1905 г. 23—24 июля 1905 г. состоялось свидание Николая II с Вильгельмом II в Финском заливе, у острова Бьорке, где ими был подписан тайный союзный оборонительный договор, по которому, в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся империй, другая должна была оказать ей помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. Договор должен был вступить в силу немедленно после заключения Россией мира с Японией; однако, вследствие боязни Николая испортить отношения со своей союзницей Францией, бьоркский договор не был им ратифицирован и в силу так и не вошел.

60. Стокгольмская конференция. Инициативу созыва международной социалистической конференции в Стокгольме для обсуждения «справедливых условий мира» взяли на себя социал-соглашатели нейтральных стран. Социалистические партии этих стран были настроены германофильски, и их попытка была сделана по предварительному уговору с германскими социал-демократами большинства. Так как к весне 1917 г. германское правительство уже прекрасно понимало, что «полной победы» ему не добиться, а военное положение Германии было еще настолько прочно, что можно было надеяться заключить компромиссный мир, то оно обращалось к всевозможным посредникам, дабы начать переговоры о мире. Шейдеман в своих воспоминаниях прямо рассказывает, как он совещался с рейхсканцлером относительно Стокгольмской конференции и получил от него не только разрешение на поездку в Стокгольм, но и подробнейшую инструкцию о том, как себя на этой конференции вести.

Страны Антанты еще не помышляли о мире с Германией, поэтому во Франции и Англии предложение о созыве конференции с «вражескими» социалистами встретило совсем другой прием, чем в Германии. «Официальные» социалистические партии первоначально прямо отказались участвовать в конференции, и только «левые» меньшинства изъявили согласие участвовать, но... они не получили паспортов от своих правительств.

В дальнейшем, Стокгольмскую конференцию стал очень широко пропагандировать тогдашний русский соглашательский ЦИК, рассылавший даже приглашения на нее от своего имени. Но Стокгольмская конференция так и не состоялась.

Большевистская партия разбирала вопрос о Стокгольмской конференции на своей апрельской конференции 1917 г. и тогда же охарактеризовала ее, как «торг между империалистами об обмене аннексиями», торг, прикрытый лживыми фразами о «справедливом и демократическом мире» и «взаимной амнистией социалистических вождей».

61. Англия и сионизм. Декларация Бальфура. Желая закрепить за собой Палестину и превратить ее в свою стратегическую и политическую базу в Аравии, Англия объявляет себя сторонницей сионизма, выдвигая проект «создания в Палестине национального центра для еврейского народа». Англия официально заявляет об этом в опубликованной 2 ноября 1917 г. декларации (известной под именем «декларации Бальфура»), вызвавшей ликование в кругах сионистов и еврейской буржуазии и возбудившей сильнейшее негодование среди арабов. После получения мандата на Палестину Англия, как известно, не стала спешить с проведением в жизнь своих обещаний.

62. Второй визит Альбера Тома в Россию. Альбер Тома, в качестве социалиста и министра союзной страны, приехал в конце мая 1917 г. в Россию со специальной миссией убедить русских социалистов в благородстве и демократичности целей войны Антанты и в необходимости немедленного наступления на русском фронте. Выступая на митингах, он выражал свое сочувствие мирной программе Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и давал обещания, от которых французское правительство поспешило отречься. У него создалось впечатление полного успеха своей миссии, особенно в связи с наступлением русских войск 18 июня. Но последующие события очень скоро опровергли эти иллюзии.

63. Макдональд во время войны. Рамзей Макдональд в начале войны был председателем Независимой рабочей партии и лидером парламентской фракции Рабочей партии. В то время, как большинство Рабочей партии и трэд-юнионов с начала войны заняли патриотическую позицию, Макдональд был настроен пацифистски. В силу этого ему пришлось уступить руководство парламентской фракцией Гендерсону. Он был ярым сторонником Стокгольмской конференции (см. прим. 60) и специально ездил в Париж, с целью убедить французских и бельгийских социалистов участвовать в ней. Миссия его, однако, не увенчалась успехом.

64. Идея созыва междусоюзнической конференции о целях войны была выдвинута правительством Керенского и соглашательским ВЦИК'ом, в качестве единственной конкретной меры «борьбы за мир». Предложение потерпело жалкое фиаско: разговорам о мире Антанта предпочла созыв конференции для обсуждения «наилучших способов ведения войны (см. прим. 87).

65. Папская мирная нота. 1 августа 1917 г. папа римский обратился к воюющим сторонам с предложением заключить мир на основе status quo (восстановления довоенного положения), разоружения и международного арбитража. Германия дала уклончивый ответ. От имени союзников вы-

ступил президент Вильсон, заявивший, что условия, предлагаемые папой, означали бы «восстановление мощи Германии и возобновление ее старой политики».

66. Отставка Рибо и министерство Пэнлеве. Период министерства Рибо был отмечен все более усиливающимся движением против войны; в мае и июне по стране прокатилась волна забастовок, на фронте начались бунты. Под влиянием этих волнений социалисты требуют паспортов для выезда на Стокгольмскую конференцию (см. прим. 60). Жестоко расправившись с движением на фронте, подавив стачечное движение внутри страны и отказав социалистам в паспортах, Рибо все же не удовлетворил полностью шовинистические круги, так как не обнаружил достаточно «твердости» по отношению к пропаганде мира в печати. Наконец, ушло в отставку все министерство Рибо (7 сентября 1917 г.).

Новое министерство, образованное Пэнлеве, однако, оказалось недолговечным. В Палате составилось значительное правое большинство, которое свергло Пэнлеве 13 ноября.

67. Газета «Юманите» — в то время социал-патриотический орган. Коммунистическим органом газета «Юманите» стала только после Турского конгресса французской социалистической партии (декабрь 1920 г.).

68. Генерал Смутс — бурский генерал, стоявший во главе английской армии, выступившей из южной Африки в германскую восточную Африку. Германские экспедиционные войска под командой ген. Леттов-Форбека сумели оказать англичанам сильнейшее сопротивление. Лишь в ноябре 1917 г. ген. Леттов-Форбек принужден был очистить восточную Африку, перейдя на территорию португальской колонии Мозамбик.

69. Скобелев и междусоюзническая конференция в Париже. М. И. Скобелев, известный меньшевик, член IV Гос. Думы, тов. предс. Петерб. Совета Р. и С. Д., член соглашательского ВЦИК'а, был делегирован в Париж на междусоюзническую конференцию иностранной комиссией при ВЦИК'е. Скобелев был послан в Париж с ведома и согласия Временного правительства, при чем не подлежит сомнению, что правительство прекрасно знало, что его на министерское совещание не пустят, ВЦИК же демонстрировал свое миролюбие, снабжая своего представителя на чисто военную конференцию союзных министров подробной инструкцией об условиях мира.

70. Поражение Кадорны. К осени 1917 г. итальянская армия в результате кампании 1915—1916 г., ведшейся с переменным успехом, занимала части австрийской территории — Трентино и Венецию-Джулию. В октябре 1917 г. австро-германское командование, перебросив значительные силы с русского фронта, решило очистить австрийские территории и нанести сокрушительный удар Италии, с целью принудить ее к сепаратному миру и сосредоточить все силы для решительного натиска на западном фронте до прибытия американских войск. Центральные державы рассчитывали при этом на сильное противовоенное движение, охватившее итальянских рабочих и проникшее в армию. В результате своего наступления австро-германцы дошли до нижнего течения Пиаве и оказались в 30 *км* от Венеции, итальянцы же потеряли 300 000 пленными и $2^1/_2$ тысячи орудий, в том числе почти всю тяжелую артиллерию. Но на Пиаве итальянцам

удалось задержаться, и к концу 1917 г. германские дивизии были отведены на западный фронт.

71. «Action Française» — французская монархическая газета, основателем и редактором которой является известный депутат-монархист Леон Додэ. Газета является одновременно руководящим центром монархической организации, имеющей разветвления по всей Франции. Не ограничиваясь агитацией за восстановление монархического строя, эти группы вооружают своих членов, разгоняют рабочие собрания, производят налеты на профсоюзы и другие рабочие организации.

72. Правительство Клемансо. Клемансо, пришедший к власти 13 ноября 1917 г., явился для Франции таким же военным диктатором, каким в Англии был Ллойд-Джордж. В кабинет Клемансо не вошел почти никто из тех лиц, которые занимали министерские посты во время войны. В отличие от своего предшественника, Клемансо не поколебался не только задержать старшие возрасты в армии, но и бросил на фронт новые силы, провел ряд процессов против «пацифистов» и беспощадно расправлялся с рабочим движением.

73. Темная личность, б. гусарский офицер, о котором идет здесь речь, — это Шнеур. Солдаты авиационной роты, в которой служил Шнеур, дали о нем благоприятный отзыв, и ему были даны технические поручения во время переговоров о перемирии. Как только выяснилось, что в 1910 г. Шнеур находился в связи с охранкой, он был немедленно арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

74. Японская интервенция в Сибири началась 5 апреля 1918 г., когда японский десант высадился во Владивостоке. Любопытно сопоставить то, что пишет лорд Берти о подготовке японской интервенции, с японским официальным сообщением и воззванием к населению, согласно которым причиной высадки явилось... «убийство двух японцев, происшедшее во Владивостоке накануне», т.-е. 4 апреля! Попытка японцев стать твердой ногой на русском Дальнем Востоке, как известно, потерпела жалкое фиаско.

25 октября 1922 г. последние японские части эвакуировались из Владивостока.

75. «14 пунктов» Вильсона. 8 января 1918 г. Вильсон в обращении к Конгрессу Соед. Штатов изложил в 14 пунктах свой взгляд на основы будущего мира.

Пункты 1—5 и 14 посвящены наиболее общим условиям будущего мира. Сюда относятся: отмена тайной дипломатии, свобода морей в мирное и военное время, максимальная свобода международного товарооборота, сокращение вооружений, Лига Наций и т. д.

Пункты 6 до 13 кратко трактуют конкретные проблемы отдельных стран: эвакуация занятых территорий России, эвакуация и восстановление Бельгии, эвакуация и восстановление занятых областей Франции и отдача ей Эльзаса и Лотарингии, так называемое «исправление границ» Италии, самоопределение народов Австро-Венгрии и Турции, независимость Польши.

Платформа Вильсона пыталась совместить популярную в широких народных массах, особенно после русской революции, идею «мира без

аннексий и контрибуций» с аннексионистскими требованиями держав Антанты.

Несмотря на то, что требования Антанты сохранились в платформе Вильсона лишь в очень урезанном виде и что некоторые принципы этой платформы были направлены явно против морского могущества Англии («свобода морей»), главари Антанты — Клемансо и Ллойд-Джордж — не вступили в дискуссию с могущественным союзником, вполне основательно рассчитывая, что, когда дело дойдет до мирной конференции, вся эта платформа лопнет, как мыльный пузырь. Зато платформа Вильсона была использована в полной мере для агитации за мир в центральных державах и для поощрения движения народов Австро-Венгрии, приводившего постепенно к распаду Австро-Венгерской монархии.

В самих Соед. Штатах платформа Вильсона также вызвала резкое недовольство, так как в ней, особенно в идее Лиги Наций, видели нарушение принципов «доктрины» Монроэ.

76. *Ирландская независимость и «общественное мнение» Соед. Штатов.* Шинфейнеры имели в Америке свою организацию, которая вела широкую агитацию за полную независимость Ирландии, за полное отделение ее от Англии, включая и Ульстер. Эти требования крайних националистов встречали сочувствие не только в американском обществе, но и в правительственных кругах. В частности, президент Вильсон в 1919 г. отстаивал самостоятельное представительство Ирландии на мирной конференции.

77. *Германские и австрийские социалисты во время войны.* К концу 1917 г. и началу 1918 г. волна стачек прокатилась по всей Германии и Австрии. В январе 1918 г. в Берлине происходила серьезнейшая забастовка на военных заводах, распространившаяся и на другие города Германии и принявшая чуть не всеобщий характер. Социалисты, как независимые, так и с.-д. большинства, участвовали в стачечном комитете. Социалисты большинства во главе с Эбертом вошли в стачечный комитет с определенным заданием сорвать стачку во что бы то ни стало. Они уведомили об этом шаге не только правительство, но и генеральный штаб и получили от последнего разрешение «на руководство забастовкой».

78. *«Мирные настроения» в Англии.* К началу 1918 г. стремление к миру ярко выражается даже в Англии, страдавшей от войны меньше прочих воюющих стран. В феврале 1918 г. в Англии расширяется принудительное рационирование питания. Вслед за хлебными карточками вводятся карточки на мясо и жиры. Мобилизуется ряд освобожденных до того категорий, производится новый набор в 450 000 человек. Сильно сказывается влияние Октябрьской революции в России и выход России из войны. Ллойд-Джордж, ярый сторонник «войны до победного конца», стоит перед угрозой потерять поддержку Рабочей партии в парламенте.

79. *Лондонская конференция социалистов Антанты* состоялась в конце февраля и в начале марта 1918 г. Она представляла собой первую попытку со стороны антантовских социалистов возобновить международные связи с социалистами центральных держав. Лондонская конференция, на которой присутствовали социалисты Англии, Франции и Бельгии, раз-

работала желательные условия мира, которые и были пересланы социалистическим партиям Германии и Австрии.

Условия эти явились развитием «общих положений», опубликованных президентом Вильсоном в его обращении к русскому Временному правительству, и были уточнены в согласии с «14 пунктами» Вильсона (см. прим. 75).

80. В конце 1917 года русский генерал Щербачев принял на себя командование всеми войсками, как русскими, так и румынскими на румынском фронте; вскоре он вынужден был заключить перемирие с австро-германскими войсками. Германия и Австрия почти одновременно с брест-литовскими переговорами вели переговоры с Румынией, которой они навязали необычайно тяжелые условия, устанавливающие фактически режим военной оккупации.

81. Распад Четверного союза и дипломатическая переписка центральных держав с Вильсоном. 25 сентября 1918 г. Болгария сложила оружие и 30 сентября подписала договор о перемирии, приняв безоговорочно все условия Антанты. Этим была уничтожена всякая связь между центральными державами и Турцией. Правительство Энвера пало, и путь к сепаратному миру с Турцией оказался открытым.

4 октября Германия и Австрия обратились к Вильсону с просьбой содействовать заключению мира. С этого дня завязалась переписка, длившаяся около месяца. В своих ответах на все более уступчивые предложения центральных держав Вильсон требовал уже не только принятия его «14 пунктов» за основу, но совершенно недвусмысленно требовал изменения германской конституции и немедленной эвакуации всех занятых территорий.

Говоря о потакании Вильсона «гуннам», лорд Берти имеет в виду все те же «14 пунктов», которые сильно мозолили глаза империалистам Антанты и продолжали официально считаться платформой будущего мира.

Готовность центральных держав принять какие угодно условия перемирия возрастала, особенно, когда Австрия фактически распалась на части, а в Германии уже началась революция.

7 ноября центральные державы выслали мирных парламентеров, 9 ноября в Германии была провозглашена республика, и 11 ноября было подписано перемирие, за которым последовал увод германских войск из оккупированных областей и оккупация германских территорий союзническими войсками.

82. Несмотря на существующую в Америке традицию, не позволяющую одному и тому же лицу быть президентом три раза под ряд, Вильсон (ставший президентом Соед. Штатов в 1912 г. и вторично переизбранный в 1916 г.) в 1920 г. снова выставил свою кандидатуру, но потерпел поражение. Президентом был избран Гардинг.

83. Революция в Венгрии. После распадения Австро-Венгерской монархии и отречения от престола императора Карла, образовалось правительство Карольи, опиравшееся на радикальное крыло буржуазии и соц.-демократов и просуществовавшее до 20 марта 1919 г., когда оно подало в отставку, обратившись к социал-демократам с предложением образовать новое правительство. Социал-демократы, не чувствуя за собой

достаточной поддержки масс, предложили коммунистам войти с ними в соглашение. Результатом переговоров явилось установление советской республики, провозглашенной 21 марта 1919 г. Советская республика в Венгрии просуществовала до 1 августа 1919 г., когда венгерская красная армия была разгромлена войсками Румынии и Чехо-Словакии.

84. До войны лорд Холдэн был одним из убежденнейших сторонников сближения между Англией и Германией. В 1912 г., будучи членом правительства, он совершил поездку в Берлин, где вел переговоры с императором и канцлером. Британский кабинет заверял германское правительство в том, что Англия сама не предпримет и не будет участвовать ни в каких нападениях на Германию. Германия же требовала гарантии абсолютного нейтралитета Англии в случае войны Германии с другими державами, на что британское правительство не соглашалось.

85. Миссия ген. Смутса в Будапеште. Миссия ген. Смутса, командированного в начале апреля 1919 г. Союзным советом в Будапешт для переговоров с венгерским советским правительством, представляет собой попытку Англии путем мирного соглашения ликвидировать советскую республику. Переговоры ни к чему не привели, и в день отъезда Смутса из Будапешта румынские войска снова начали наступление у Тиссы.

86. Положение в Индии и Египте. 13 апреля 1919 г. в Амритсаре (Индия) англичане расстреляли мирную сходку индусов. Более 500 человек было убито и около 1500 человек ранено. Целая волна демонстраций, митингов протеста, забастовок и беспорядков прокатилась по всей стране. Вождем этого массового движения выступил Я. Ганди. Кроме того, к этому времени среди индийских магометан растет и «Халифатское движение», требование сохранения независимости Халифата, возврата англичанами Константинополя и священных мест турецкому халифу и т. д...

В Египте — события начались еще в конце ноября 1918 г., когда депутация националистов, во главе с Заглул-пашой, представила британскому резиденту свою программу, сводящуюся к автономии Египта с предоставлением Англии права надзора в вопросах, касающихся государственного долга и Суэцкого канала. Получив отказ, они избрали комитет действия из 14 человек и начали широкую агитацию, собирая повсюду тысячи подписей под своими петициями о предоставлении стране автономии. После отставки кабинета Рушди-паши и ареста англичанами лидеров националистов, руководство движением перешло в руки левого крыла националистов и, развиваясь со дня на день, скоро приняло характер настоящего восстания против англичан. В учебных заведениях и в правительственных учреждениях начались забастовки, принявшие сразу же грандиозные размеры. Вскоре события перекинулись в провинцию, где произошли вооруженные столкновения. Повсеместно были разрушены железнодорожные пути, перерезаны телеграфные провода и т. д. К концу марта революционное движение с огромной силой разыгралось в нижнем Египте, нося уже массовый характер. Нижний Египет был отрезан от Каира. Кое-где бедуинами была перебита вся английская администрация. Ген. Алленби, назначенный специальным генеральным комиссаром, с диктаторскими полномочиями, двинул против «бунтовщиков» карательные отряды, снабженные аэропланами для бомбардировки мятежных деревень, бомбами

и пулеметами. Во многих местах происходят форменные сражения с англичанами. К концу апреля, благодаря прибывшей помощи из Европы и Судана, англичанам удается восстановить «порядок».

87. Потопление германского флота в Скапа-Флоу. Согласно условиям перемирия, германский флот был передан в руки англичан. Значительная часть переданных кораблей была интернирована в английской морской базе в Северном море, в Скапа-Флоу. 21 июня 1919 г., т.-е. за неделю до подписания Германией Версальского договора, стоявшие в Скапа-Флоу суда были потоплены их командирами по приказу германского адмиралтейства.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

---

1 р. 50 к.

